

ВАЛЕНТИН РУНОВ

ПОЛКОВОДЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

РУССКАЯ АРМИЯ В ЛИЦАХ

Валентин Александрович Рунов
Полководцы Первой Мировой.
Русская армия в лицах
Серия «Гении войны»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6898656

*Рунов В. А. Полководцы Первой Мировой. Русская армия в лицах.: Яуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-67868-6*

Аннотация

Одним из главных памятников победе над Наполеоном стала знаменитая Галерея героев Отечественной войны 1812 года. После нашего поражения в Первой Мировой и падения Российской империи не только лица, но даже имена большинства русских военачальников были преданы забвению. Но не их вина, что героические усилия нашей армии не увенчались величайшим триумфом русского оружия. Россия не была разгромлена на поле боя, но повержена предательским ударом в спину – не будь революции, лето 1917 года должно было стать победным.

Эта книга – галерея героев Первой Мировой, которую современники тоже считали Отечественной, анализ военного искусства лучших военачальников русской армии, от генералов Брусилова и Алексеева до Корнилова, Юденича, Эссена и Колчака.

Содержание

Введение	5
Глава первая	9
Миф о 1913 годе	9
Борьба министерств	12
Флот	15
Адмирал Иван Григорович	18
Армия	22
Генерал Владимир Сухомлинов	26
Работа Генеральных штабов России и Германии	31
Глава вторая	38
Высший орган военного управления	38
Великий князь Николай Николаевич (младший)	40
Генералы Н. Н. Янушкевич и Ю. Н. Данилов	58
Император Николай II	63
Генерал Михаил Алексеев	102
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Валентин Рунов

Полководцы Первой Мировой.

Русская армия в лицах

© Рунов В. А., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Введение

В августе 1914 года вспыхнула война, которую позже историки окрестили Первой мировой войной. Официально причиной к началу войны стало убийство в Сараеве 15 июня 1914 года эрцгерцога Франца Фердинанда, реально – желание правительств многих стран Европы произвести передел мира. В эту войну было втянуто множество государств, в том числе и Российская империя.

Для ведения военных действий с рубежа западной границы Российской империи против Германии и Австро-Венгрии Россия развернула два фронта в составе девяти армий и создала высший орган управления – Ставку Верховного главнокомандующего. Такого в ее истории еще не было.

В мирное время Российская империя в военно-административном отношении делилась на военные округа, а высшим воинским формированием сухопутных войск был армейский корпус, состоявший из нескольких дивизий. Непосредственная подготовка Верховного главнокомандующего, командующих фронтами и армиями, а также их штабов в мирное время практически не проводилась. Войсковые учения (маневры) носили скорее парадный, чем практический характер. Поэтому первые назначения на высокие воинские должности осуществлялись, исходя из различных критериев, в которых непосредственно боевые и управленческие качества генералов практически не учитывались.

Начало войны, особенно неудачи Восточно-Прусской операции, показали слабость высшего звена управления русской армией. Управления в масштабе двух фронтов со стороны Ставки не наблюдалось, крайне низким было качество управления войсками армий со стороны Северо-Западного фронта. Не прослеживается и четкость планирования и проведения операции Юго-Западного фронта. Армейские операции, которые не были составной частью операций фронтов, сами зачастую распадались на отдельные бои корпусов, дивизий, бригад, полков...

Только после этого начались замены командующих, начальников их штабов. Но на смену ушедшим нередко приходили люди, также не способные управлять столь крупными объединениями. Личное мужество отдельных военачальников при их низких управленческих качествах не спасало положения.

Летом 1915 года император Николай II решил лично занять пост Верховного главнокомандующего, в очередной раз сменив некоторых военачальников. Но это не помогло делу. Император не мог превратить страну в единый военный лагерь, мобилизовать все ее силы на победу. Русские войска продолжали терпеть поражения. Крупнейшая наступательная операция Юго-Западного фронта июня 1916 года не была реализована не только в стратегическом, но и во фронтовом масштабе. Кризис высшей военной власти стал налицо и привел вначале к Февральской, а затем – и к Октябрьской революциям 1917 года.

В то же время нельзя не признать, что во главе русских фронтов и армий в период Первой мировой войны стояли интересные люди с прекрасной военной биографией, патриоты своей страны и армии. Многие из них делали все возможное, чтобы привести к победе вверенные им войска, успешно решали и другие вопросы административного и экономического характера. Это были лучшие представители военных кругов своего времени, но время уже играло против них. Слабость высшей государственной и высшей военной власти неуклонно толкала страну в пропасть революций. Некоторые из военачальников к началу революционных преобразований в стране и армии отнеслись весьма положительно. Но большинство из них пали жертвой последующих событий.

Первая мировая война потрясла Европу и получила отклики во всем мире ввиду своей продолжительности, накалу, количеству человеческих жертв и последствиям, аналогов которым не знала военная история.

Потери русских в этой войне были огромными – 10 миллионов убитых и умерших от ран, 20 миллионов раненых. Но всеобщее вооружение народа и агитация привели к тому, что мировая война в России превратилась в гражданскую войну, опустошавшую страну еще пять лет.

Но и противник также понес большие потери. Германия потеряла на восточном театре только убитыми и пропавшими без вести более 300 тысяч человек, Австро-Венгрия – 2 миллиона 764 тысячи, Турция – 250 тысяч. Огромными были и материальные потери этих стран. Данные факторы в совокупности также привели к различным революционным преобразованиям, которые в той или иной мере охватили их территории.

Третью группу составили те страны, которые получили различные материальные и моральные выгоды в результатах этой войны. В их числе были США, Англия и Франция. Причем Соединенные Штаты, вступив в войну на последнем этапе, единственные, фактически не понеся ущерба, получили колоссальные прибыли.

Книга посвящена деятельности лиц высших органов управления: ставка, фронт, армия. Именно в этих звеньях управления рождались и создавались планы, по которым затем действовали войска, именно на их руководителях лежала основная ответственность за победы и поражения. В то же время нужно понимать, что данные люди жили и действовали в специфических условиях Верховной власти, когда приказы сверху не обсуждались, несмотря на их полную абсурдность, а инициатива снизу нередко наказывалась. Это зачастую убивало здоровую инициативу, воспитывало в людях осторожность, доходившую до пассивности.

Сегодня, спустя много лет после событий Первой мировой войны, с позиций накопленных исторических знаний и нового времени, ко многим событиям и героям того периода можно отнестись не просто критически, но и с долей осуждения. Некоторые с уверенностью скажут, что они бы поступили по-другому. Но, как известно, сослагательных наклонений история не терпит, зато она жестоко наказывает тех, кто пренебрегает ее опытом. Достаточно вспомнить начальный период Великой Отечественной войны или действия российских войск в Чечне в начале 1995 года. Тогда советские и российские военачальники также не смогли реализовать возможностей подчиненных войск и допустили грубые ошибки, стоившие многих человеческих жертв и подорвавшие престиж страны и ее Вооруженных сил.

И все же нельзя отказать человеку в праве высказывать свои мнения о событиях и людях прошлых времен. Важно только постараться рассуждать об этом не с партийных, а с человеческих позиций, располагая хорошей научной основой и понимая, что прошлое уже нельзя изменить, но легко можно опорочить. Ведь разрушили же храм Христа Спасителя – памятник героям Отечественной войны 1812 года, снесли памятники М. Д. Скобелеву, императору Александру II, Ф. Э. Дзержинскому... Неужели от этого отечественная история стала богаче? Сегодня в стране нет ни одного памятника или памятного места, посвященного событиям и героям Первой мировой войны. Лишь в некоторых семьях хранятся пожелтевшие фотографии того времени и солдатские Георгиевские кресты. Но чему это дань – памяти или моде – судить трудно. Мне хочется верить, что памяти.

К сожалению, в нашей стране уже многие десятилетия время диктует отношение к истории. Большевики, придя к власти в 1917 году, постарались очернить все и всех, что считалось достоянием России до этого времени. Н. С. Хрущев, получив власть в 50-е годы, принялся бичевать время сталинского правления, хотя сам был активным деятелем того периода, М. С. Горбачев легко отрекся от вскормившей его КПСС. Б. Н. Ельцин, будучи первым секретарем Свердловского обкома КПСС, ничего не сделал, чтобы сохранить место гибели семьи императора Николая II, но, став Президентом России, добился переноса останков цар-

ской семьи в Санкт-Петербург и канонизации личности последнего царя династии Романовых, на совести которого две неудачные войны и миллионы человеческих жизней.

С годами личностей в нашем Отечестве становится все меньше и меньше. Время от времени на политическом небосклоне обозначаются какие-то имена. Но проходит совсем немного времени, и они исчезают так же внезапно, как и возникли. И беда даже не в том, что эти люди зачастую не оправдали возлагавшихся на них надежд. Беда в том, что у нас нет того, что можно назвать «культура памяти». Это и личная ответственность высшего руководителя перед историей за каждого своего ближайшего помощника, и ответственность перед историей каждого, занявшего видный пост в государстве или в армии. К сожалению, этого не наблюдается.

Во главе действующей армии, фронтовых и армейских объединений периода Первой мировой войны не было людей случайных. За плечами каждого из них была многолетняя воинская служба во имя царя и Отечества. Каждый из них мечтал как можно лучше послужить России, не думая при этом о собственной выгоде. В истории не сохранилось сведений о том, что хоть один из фронтовых военачальников участвовал в сомнительных коммерческих предприятиях. Это говорит о многом.

Другое дело рассуждать о том, как повели себя высшие военачальники в 1917 году, когда устои многовекового государства начали рушиться, а император и Верховный главнокомандующий признался в своем бессилии. Ловкие современные писатели тут сразу же «обнаружили» и генеральский заговор, и масонский след. С глубоким «смыслом» начали произносить имена генералов М. В. Алексеева, Н. В. Рузского и многих других. Затем, мастерски разыгрывая карту популярности, они с восторгом заговорили о Л. Г. Корнилове, А. В. Колчаке, А. И. Деникине, прах последнего торжественно был перевезен из-за границы и захоронен в московском Донском монастыре, к его надгробию не знающие свою историю люди постоянно приносят горы живых цветов. Дань моде. А. И. Деникин в 1914–1916 годах командовал бригадой и дивизией, в 1917 отрекся от императора и присягнул Временному правительству, в начале 1920 года, разуверившись в «белой» идее, оставил истекающую кровью Добровольческую армию и на английском миноносце навсегда покинул родную землю.

В Москве, в Новодевичьем монастыре у стен Смоленского собора в числе очень немногих сохранилась скромная могила генерала А. А. Брусилова. Редкий прохожий подходит к этому месту, еще реже живой цветок ляжет на холодный гранит. Страна, многие десятилетия восторгавшаяся военным гением этого военачальника, так и не нашла средств для сооружения ему памятника. А рядом, на Новодевичьем кладбище, как на параде стоят гранитные шеренги советских генералов, подвиги которых неизвестны, а имена давно уже никто не помнит.

Но не будем опускаться до критики и оценок. Задним числом осуждать поступки людей очень просто, еще проще цеплять им ярлыки. В данной книге мы постарались не допустить этого. Страна должна знать своих героев, а каждый из руководителей высшего звена войскового управления периода Первой мировой войны безусловно является исторической личностью, чье имя навсегда вписано в историю. Наша задача – листая страницы исторической книги, осмысленно реагировать на эти имена, представляя события и миллионы людей, стоявших под ними. Возможно, среди этих людей были ваши деды, прадеды. Вспомнив о них, вы прикоснетесь к сокровенным глубинам вашей памяти, и чем глубже ее корни, тем осторожнее должно быть это прикосновение.

Испорченные корни непременно погубят все дерево, и не может быть дерева без корней. Важно найти свои корни или хотя бы с уважением относиться ко времени, в котором они прорастали, к своей стране, как бы она ни называлась, к армии, защищавшей эту страну на полях сражений, к военачальникам, управлявшим этой армией, к ветеранам былых сражений и сегодняшним офицерам... Это нравственные основы любого человеческого обще-

ства, считающего себя гражданами государства и связывающего с данной страной будущее детей и внуков. И ради этого будущего стоит немного подробнее разобраться в прошлом.

Глава первая Накануне грозы

Миф о 1913 году

Существует миф о том, что в 1913 году Российская империя по своим экономическим возможностям выходила на одно из ведущих мест в мире. Безусловно, это не так. 1913 год стал одним из наиболее значимых для экономики самого Российского государства, которое ввиду ряда причин объективного и субъективного характера по основным показателям существенно отставало от многих других стран.

Россия отставала по объемам промышленного производства от США, Англии, Германии и Франции. Доля ее в совокупном промышленном производстве вышеперечисленных держав составляла всего 4,2 %. В общемировом производстве в 1913 году доля России составляла 1,72 %, при том что доля США равнялась 20 %, Англии – 18 %, Германии – 9 %, Франции – 7,2 %. По размерам валового национального продукта на душу населения Россия уступала США – в 9,5 раза, Англии – в 4,5, Канаде – в 4, Германии – в 3,5, Франции, Бельгии, Голландии, Австралии, Новой Зеландии, Испании – в 3 раза, Австро-Венгрии – в 2 раза.

И это не удивительно. Промышленность России была развита слабо. На 24 472 заводах имелось всего 24 140 электрических, паровых, дизельных двигателей (со средней мощностью 60 л. с.). То есть даже не всякий завод имел хотя бы один двигатель. По энерговооруженности и механовооруженности Россия отставала от США в 10 раз, от Англии – в 5, от Германии, Бельгии, Новой Зеландии – в 4 раза. Уровень производительности труда в промышленности России был меньше чем в США в 9 раз, в Англии – в 5 раз, в Германии – в 4 раза. В 1913 году США выплавляли 25 млн т стали, в то время как в России – 4,2 млн т. Поэтому для покрытия своих нужд Россия ежегодно импортировала из других стран более 1 млн т стали и 8,7 млн т каменного угля.

Безусловно, уровень производства и экспорта прямо пропорционально отражался на уровне доходов, поступавших в российский бюджет напрямую или в виде налогов. В 1908–1913 годах общие суммы доходов, поступивших в российский бюджет, составили 14 987 млн руб. В 1887–1913 годах Запад инвестировал в Россию 1783 млн. золотых рублей, но за этот же период из России было вывезено чистого дохода на 2326 млн. золотых рублей (превышение за 26 лет доходов над инвестициями – на 513 млн золотых рублей). Только по процентам и для погашения иностранных займов ежегодно переводилось за границу выплат до 500 млн золотых рублей (в современных ценах это порядка 15 млрд. долл.).

Параллельно с ростом промышленного производства шел процесс роста цен, прежде всего, на основные продукты питания. Так, оптовые цены в 1901–1912 годах на пшеницу возросли на 44 %, на рожь – на 63, на свинину – на 55,86 %. Естественно, что не менее чем оптовые, возросли и цены на продукцию хлебобулочной промышленности и на мясо в розничной торговле. В целом по России в 1908–1913 годах цены на потребительские товары возросли на 24 %, при том что зарплата выросла в среднем только на 14,5 % (на 34 руб). В результате этого реальные доходы рабочих и служащих существенно сократились. Поэтому не удивительно, что семья рабочего из 4 человек в Санкт-Петербурге расходовала около 750 руб в год. При этом расходы на питание составляли до 100 % оплаты труда главы семьи из 4 человек, а трудились, как правило, все, включая детей. Из оставшейся суммы до 45 % шло на оплату жилья, до 25 % – на одежду и обувь. Для сравнения: у германского рабочего оплата питания семьи отнимала 20–25 % зарплаты (одного взрослого), у английского – 40 %.

Материальная сторона жизни напрямую была связана с состоянием здоровья населения. По данным статистики, в 1913 году в России более 12 миллионов человек (7,26 % населения) были поражены эпидемиями холеры, дифтерии, сибирской язвы, чесотки. Еще 9 миллионов человек страдали малярией, трахомой, коклюшем и т. д. Всего хронических больных заразными болезнями имелось 21 877 869 человек (13,2 % населения страны).

При таком высоком уровне заболеваемости на 10 тыс. человек населения в России имелись всего 1,6 врача, 1,7 фельдшера, 1,7 акушера и повивальной бабки, а в сельской местности 1 врач приходился вообще на 26 тыс. человек. В то же время в США врачей на 10 тыс. человек населения было в 4 раза больше, чем в России, в Германии – в 2,7, в Англии – в 3,5, в Дании, Швеции, Бельгии, Голландии – в 3,2 раза больше. Поэтому не удивительно, что на каждую тысячу новорожденных в возрасте до 1 года в России умирали 263 ребенка. Для сравнения: в Швеции на каждую тысячу родившихся умирали не более 70 детей до 1 года, в Англии – 108, в США и Франции – 112–115, в Италии – 138, в Германии – 151. Таким образом, Россия превосходила по детской смертности страны Европы и США в 1,74 – 3,76 раза.

Как известно, уровень производства и качество здравоохранения напрямую зависят от образованности населения. Россия выделялась низким процентом грамотности своего населения. По статистическим подсчетам, на каждую тысячу человек населения (без учета детей дошкольного возраста) она имела грамотными не более 230 человек. При этом на такое же количество населения Бельгия имела 998 грамотных, Германия – 980, Англия – 816, Франция – 930, Австралия – 816, Австрия – 644, Венгрия – 524, Аргентина – 495, Италия – 440, Португалия – 214 человек. В России 70 % детей и подростков вообще были лишены возможности учиться.

В России в 1913 году число учащихся во всех видах учебных заведений (включая духовные и военные) составляло 9,7 млн. человек (60,6 человека на 1000 жителей). При этом в российских вузах в 1913 году обучались 127 423 человек, в США – 258 000 (в 2 раза больше, чем в России). При этом в США имелось несколько десятков вузов уровня университета, в Англии – 18 университетов, в Германии – 22, во Франции – 14, а в России – только 8 университетов. Поэтому на один университет в России приходилось около 20 млн. жителей, в то время как в Англии – 2,5 млн, во Франции – 2,8 млн., в Германии – 3 млн жителей.

В России имелись ограничения в доступе к образованию. Благодаря известному циркуляру министра просвещения Делянова «О кухаркиных детях», принятого во время царствования Александра III, был перекрыт доступ к образованию лицам из сословий крестьян и мещан. И хотя в 1911–1914 гг. циркуляр фактически не действовал, тем не менее, из обучавшихся в гимназиях 119 тыс. человек выходцы из крестьянских семей составляли всего 15 %. В кадетские корпуса, военные училища выходцы из крестьянских семей вообще не допускались.

Россия считалась аграрной страной, и именно легенды о ее высоких урожаях зерновых уже много лет будоражат воображение некоторых людей. Но на практике все было не так.

Производство сельскохозяйственной продукции в стране, в которой сельское население достигало 80 %, также не было на высоте. Громадные просторы России позволяли ей производить большое количество зерна, но уровень агрокультуры, урожайность и продуктивность были низкими. Даже в 1913 году, получив рекордный урожай зерновых в 80 млн т, Россия на душу населения имела порядка 471 кг зерна, в то время как Англия, Франция, Германия имели около 430–440 кг, Канада – около 800 кг, США – свыше 1000 кг, Аргентина – 1200 кг. И если в общих объемах производства сельскохозяйственной продукции Россия стояла на втором месте после США, то по ее производству на душу населения она занимала только пятое место. Если же брать и другие страны – Австралию, Канаду, то Россия отбрасывалась во вторую десятку и даже ниже.

Причина этого также была очевидной – низкий уровень технического оснащения сельского хозяйства. Более 52 % крестьянских хозяйств аграрной России не имели плугов, обрабатывая землю сохами и косулями. В 1913 году в России имелось лишь 152 трактора, в то время как в США, Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании счет тракторам шел на тысячи и десятки тысяч. Поэтому не удивительно, что в России до 80 % сельскохозяйственных работ производилось вручную.

В России продолжался хронический кризис животноводства. Так, по подсчетам, число рабочих лошадей в сельском хозяйстве на 100 человек сельского населения с 1870 по 1911 год упало с 38 до 30 единиц. Из расчета на 100 человек населения количество крупного рогатого скота и свиней также непрерывно сокращалось. Если в 1896 году оно составляло 67 голов, то в 1901 году – 65 голов, а в 1913 году – 55 голов. В 1914 году в России на тысячу жителей приходилось 293 головы крупного рогатого скота, в США – 622, в Дании – 888 голов. Продуктивность одной дойной коровы в 1913 году в США была выше, чем в России в 3,4 раза, в Швейцарии – в 5,3 раза.

Производство сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в России не контролировалось государством, и следовательно, было стихийным. Поэтому частыми были такие явления, как неурожайный год и даже голод. Так, в XIX в. Россия пережила 40 голодовок. В XX в. голодными были 1901/02 г., 1905; 1906; 1907; 1908 год; 1911/12 год. В 1905, 1906, 1907 и 1908 гг. голодало от 19 до 29 губерний, в 1911–1912 годах голод охватил 60 губерний. По различным оценкам, в 1901–1912 годах от голода и его последствий в Российской империи погибли около 8 миллионов человек, почти столько же, как за время Первой мировой войны.

Но даже несмотря на голод, из России в Европу потоком шло зерно. Лозунг царского министра финансов Вышнегородского – «недоедим сами, но вывезем» регулярно претворялся в жизнь. В обмен на зерно в империю с Запада поступали многие промышленные товары, комплектующие для заводов и фабрик, тракторы, автомобили...

Россия сильно зависела от экспорта. Первые самолеты в российской военной авиации были машинами фирм «Ньюпор», «Фарман», «Бристоль-Бульдог», «Сопвич», «Фоккер», а это Англия, Франция, Бельгия. В самой России за 1914–1917 годы было собрано всего 94 самолета «Илья Муромец», и то двигатели и приборы были импортные. На русских эсминцах, крейсерах и линкорах стояли немецкие и шведские турбины, английские гидрокомпасы и дальномеры...

Борьба министерств

Последние годы перед войной были отмечены активной местнической борьбой между Военным и Морским министерствами за средства на развитие материальной части их видов вооруженных сил. При этом Морское министерство всегда опиралось на поражение российского флота в войне с Японией, на мнение английского правительства и усиление вооруженности турецкого флота.

В январе 1908 года Морской генеральный штаб (МГШ) доложил морскому министру, что ранее им совместно с Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) были разработаны на случай войны планы, которые предусматривают минимально необходимые меры, «исполнение коих теперь, в случае объявления войны, надо признать невыполнимыми, а положение Балтийского флота – критическим».

В апреле того же года состоялось совместное совещание морского и сухопутного Генеральных штабов с целью определить меры по предотвращению угрозы Петербургу от неприятельского десанта. Было заявлено, что в настоящем состоянии Балтийский флот не способен качественно выполнить задачу по прикрытию столицы от ударов со стороны моря. Указывалось, что нет запасов угля, на кораблях некомплект (до 65–75 %) офицеров и специалистов, а главное – из необходимых 6 тыс. мин есть всего лишь 1500.

Не в лучшем состоянии была и сухопутная армия. Русско-японская война «съела» почти все мобилизационные и неприкосновенные запасы, обнаружила ряд существенных промахов в боевой подготовке и организации войск. «Наша боевая готовность на западных фронтах настолько пострадала, что, вернее будет сказать, эта готовность совершенно отсутствует», – признавался летом 1905 года военный министр В. В. Сахаров.

Ему вторил и председатель Совета Государственной обороны великий князь Николай Николаевич. Он считал, что русская пехота нуждается в немедленном и коренном переустройстве, а кавалерия требует полной реорганизации. В отношении перевооружения сухопутных войск великий князь указывал на нехватку пулеметов и необходимость замены материальной части тяжелой артиллерии.

Характеризуя состояние армии, помощник военного министра генерал А. А. Поливанов в своем выступлении на закрытом заседании Государственной думы 13 апреля 1912 года заявил, что на 1908 год в армии «не хватало почти половины комплекта обмундирования и снаряжения, потребных для выхода в поле армии военного состава, не хватало винтовок, патронов, снарядов, обозов, шанцевого инструмента, госпитальных запасов; почти совсем не было некоторых средств борьбы, на необходимость которых указывал как опыт войны, так и пример соседних государств: не было гаубиц, пулеметов, горной артиллерии, полевой, тяжелой артиллерии, искровых телеграфов, автомобилей, т. е. таких средств, которые в настоящее время признаются необходимым элементом сильной армии, скажу коротко: в 1908 году наша армия была небоеспособной».

К концу 1906 года Военное министерство закончило анализ состояния армии и подсчет средств, необходимых для удовлетворения самых неотложных ее нужд. Полученные цифры ошеломили военного министра А. Ф. Редигера. Министерству только одновременно требовалось 2 133 610 тыс. рублей золотом. На реорганизацию артиллерии нужно было истратить 896 млн рублей, на инженерное дело – 582 млн рублей.

Таким образом, ежегодные расходы Военного министерства должны были возрастать почти на 15 млн рублей, что было непосильным для бюджета страны, что вынужден был признать и сам военный министр, который потребовал от управлений сократить свои претензии, что и было сделано. Но даже по этой программе-минимум одновременно требовалось 425 млн. рублей, не считая увеличения ежегодного бюджета на 76 млн. рублей.

Через два месяца, в марте 1907 года Морское министерство также представило царю свои планы. Николаю II предлагались на выбор, в зависимости от состояния финансовых средств, четыре варианта судостроительной программы, которыми предусматривалось создание от одной до четырех полных боевых эскадр. Для выполнения этих программ требовалось от 870 млн до 5 млрд рублей.

Таким образом, совокупные претензии обоих министерств колебались от 7133 млн до 1295 млн рублей единовременных расходов, т. е. приблизительно от половины до трех годовых бюджетов России 1908 года. И это без учета того, что резко должны были возрасти также ежегодные расходы по обычному бюджету.

Между тем финансовое положение Российской империи было отчаянным. Рассматривая смету на 1907 год, Совет министров откровенно признал, что «финансовое состояние Русского государства грозит самыми тяжелыми осложнениями, и в случае продолжения переживаемого нашим отечеством поистине смутного времени может не хватить средств даже на совершенно неотложные потребности».

9 апреля 1907 года состоялось заседание Совета Государственной обороны (СГО). По повелению царя оно должно было рассмотреть и, как желал того Николай II, утвердить минимальную программу строительства флота, с которого царь предполагал начать восстановление вооруженных сил. Однако СГО, возглавляемый дядей царя великим князем Николаем Николаевичем (младшим), проявил строптивость и не пожелал считаться с ясно выраженной волей Николая II.

Начались дискуссии.

– Подобные затраты на флот для государства непосильны, – заявил Редигер. – И это потому, что мы знаем, что сухопутная армия нуждается в проведении таких мероприятий, без которых не может жить и не может считаться боеспособной.

Но его не хотели слышать, и дискуссия развивалась явно не в пользу армии.

«Необходимейших средств для подъема боеспособности армии нельзя добиться, – жаловался начальник Главного штаба генерал А. Е. Эверт, – а в то же время требуют около миллиарда на морские средства».

Итог выступлений подвел председатель Совета Государственной обороны великий князь Николай Николаевич, заявивший, что надо создать единую программу развития вооруженных сил, в которой средства между армией и флотом распределить бы в соответствии с важностью их для обороны государства. Тогда весь состав СГО, за исключением моряков, проголосовал за предложения своего председателя.

Однако Николай II, в свою очередь, не стал считаться с решением одного из высших государственных учреждений Российской империи, созданного специально для «объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласования ее с деятельностью других правительственных учреждений». Он не утвердил предложения СГО и в обход последнего приказал созвать специальное морское совещание, чтобы под личным своим председательством «выяснить безотлагательно ряд вопросов, решение которых дает возможность установить главные основания программы кораблестроения, вполне отвечающей задачам государственной обороны, и позволит немедленно приступить к постройке первой серии новых судов».

Такое совещание состоялось в начале июня 1907 года. Специально подобранный состав этого морского совещания (на него были приглашены лишь два сухопутных генерала) должен был дать ответы на 27 поставленных царем вопросов. Вполне понятно, что моряки подошли к вопросу о развитии вооруженных сил страны с узковедомственных позиций и решительно высказались за немедленное ассигнование средств на строительство флота. По окончании работы этого совещания Николай II утвердил 9 июня 1907 года программу, разрешив морскому министру вносить в смету ведомства в течение четырех лет по 31 млн. рублей.

Развитие Сухопутных войск было существенно заторможено. И только через год, 21 мая 1908 года, Военное министерство, получив предварительно разрешение Совета министров, обратилось в Государственную думу с просьбой об отпуске средств на расходы, необходимые на пополнение запасов и материальной части. Для расходов на эти цели в течение восьми лет (1908–1915) ведомство просило немногим более 293 млн рублей. Но и эту более чем скромную сумму дума не утвердила полностью. Всего по закону от 3 июня 1908 года Военное министерство израсходовало немногим более 92 млн рублей, из них 53 млн для расходов в 1908 году.

Таким образом, последние годы накануне Первой мировой войны прошли в острой местнической борьбе между армией и флотом, хотя каждый из этих видов вооруженных сил требовал к себе большого внимания. Уже с первых шагов по восстановлению вооруженных сил приоритет был отдан флоту. Тогда в высших политических кругах России, под давлением Великобритании, считали, что «создав себе в нужный срок военный флот достаточной силы Россия сразу достигнет того, что союза с нею будут искать самые сильные державы мира, и от России самой будет зависеть использовать эти предложения для достижения тех или других политических выгод, необходимых ей для своего упрочения... Истратить несколько сот миллионов рублей для того, чтобы создать себе в ближайшем будущем такое положение, стоит: они окупятся очень быстро многими и многими политическими последствиями».

Николай II решительно поддерживал моряков и дипломатов, не желая слушать руководителей Военного министерства, требовавших уделять больше внимания реорганизации и развитию армии. В то же время высшее армейское руководство в лице, прежде всего, председателя Совета Государственной обороны, будучи не в состоянии переубедить императора, предпочло самоустраниться от данной проблемы. «Ничего сделать нельзя, – с грустью признавался начальник штаба Петербургского военного округа генерал Бринкен. – Государь, всегда такой добрый и мягкий, при всякой попытке кого бы то ни было сказать что-нибудь против флота, буквально свирепеет, хлопает кулаком по столу и не желает ничего слушать. То же было и с великим князем Николаем Николаевичем, председателем СГО, выступавшим против строительства флота. Это просто какой-то гипноз, и морское начальство делает благодаря этому что хочет».

Из этого следует, что такой важный государственный орган, как Совет Государственной обороны в те ответственные годы не выполнял возложенной на него функции Правда, императора это, как видно, не особенно волновало. Как утверждают некоторые современники, он крайне редко посещал заседания Совета Государственной обороны и довольствовался тем, что время от времени заслушивал короткие отчеты о его работе и читал некоторые документы, не оставляя на них других резолюций, кроме отметок об ознакомлении. При этом чиновники, привыкшие реагировать только на конкретные указания, получив обратно документ с такой отметкой, как правило, оставляли его без должного внимания. А трения между Военным и Морским министерствами в правительственных кругах расценивали, как сореживание министров, за которым не стоит ничего существенного, кроме личных амбиций.

И все же развитие армии и флота происходило. Морскому министерству удалось накануне войны добиться ассигнования на развитие флота около 800 млн рублей золотом. Немногим больше – 880 млн рублей – было решено ассигновать в 1908–1913 годах на армию. В целом за пять предвоенных лет (1909–1913) суммарный прирост бюджета Военного министерства составил 195,17 млн рублей, а Морского – в 1,5 раза больше, т. е. 285,64 млн рублей.

Флот

Итак, после долгих споров, заседаний и обсуждений в различных инстанциях «малая судостроительная программа 1907–1911 годов», разработанная Морским генеральным штабом, наконец-то была утверждена, и Морское министерство получило возможность летом 1909 году приступить к постройке четырех новых линкоров, предназначавшихся для усиления Балтийского флота. Однако к этому времени в Англии уже был построен новый линейный корабль «Дредноут» (1907), который по вооружению, бронированию и скорости значительно превосходил эскадренные броненосцы периода Русско-японской войны. С появлением «Дредноута» во всех крупных западных странах началось интенсивное строительство линейных кораблей так называемого дредноутного типа.

В декабре 1907 года, после рассмотрения и одобрения тактико-технических заданий, в Морском техническом комитете и Адмиралтейств-совете Морское министерство объявило конкурс на составление проекта линейного корабля. Из 51 эскизного проекта, представленного на конкурс к лету 1908 года, лучшим признали проект Балтийского завода, по которому и решено было строить линейные корабли. Он отличался от других проектов наличием четырех трехорудийных башен главной артиллерии с линейным расположением, лучшей конструкцией корпуса и большей скоростью движения. По данному проекту Балтийского завода, утвержденному 15 июня 1909 года, были заложены в Петербурге четыре линкора, получившие название «Севастополь», «Петропавловск», «Гангут» и «Полтава».

Дальнейшее обострение международной обстановки, с одной стороны, и непрерывный рост германского флота – с другой, настоятельно требовали дальнейшего наращивания морских сил Балтийского и Черноморского флотов. В связи с этим Морской генеральный штаб в 1909 году разработал новую, так называемую «большую» судостроительную программу, рассчитанную на 10-летний срок (1910–1920). Она была рассмотрена 15 августа 1909 года на специальном заседании правительства. Но тогда большинство присутствовавших высказалось за сокращение программы, считая ее непосильной для России.

Но Морской Генеральный штаб не сдавался. Учитывая высказанные замечания, 23 ноября 1909 года он представил правительству сокращенный вариант «большой» программы, по которой намечалось построить для Балтийского флота в те же сроки 8 линкоров, 4 линейных и 4 легких крейсера, 18 эскадренных миноносцев и 12 подводных лодок. В то же время программа была сокращена за счет легких надводных сил и подводных лодок, в которых Балтийский флот ощущал большую потребность.

Но и сокращенная судостроительная программа также не удовлетворила правительство, и она снова была возвращена в Морское министерство на доработку. «Большая» судостроительная программа была одобрена правительством и царем только в марте 1910 года, после чего председатель Совета министров внес законопроект в Государственную думу о размере ассигнований для ее реализации. Дума санкционировала предоставление средств на постройку трех линейных кораблей для Черноморского флота, а рассмотрение остальной части «большой» судостроительной программы вновь отложила.

В конце 1911 года в Николаеве были заложены три линейных корабля типа «Императрица Мария», которые по своим тактико-техническим элементам несколько отличались от балтийского варианта линейного корабля типа «Севастополь». Одновременно для Черноморского флота началось строительство девяти эскадренных миноносцев и шести подводных лодок.

Постройка кораблей для Балтийского флота по «большой» судостроительной программе снова задержалась, так как повторилась та же история, что и с «малой» судостроительной программой. Один из непосредственных виновников этого – вице-адмирал С. А.

Воеводский, сменивший на посту морского министра адмирала И. М. Дикова. Он не пользовался авторитетом ни в правительстве, ни в думе, ни на флоте и не мог успешно защищать интересы флота перед правительством. Неспособность С. А. Воеводского руководить отечественным Морским министерством была настолько очевидна, что в марте 1911 года он был снят с должности.

Новым военным министром был назначен адмирал И. К. Григорович, который пользовался большим уважением и авторитетом среди офицеров флота и доверием правительства.

И. К. Григорович понимал, что война с Германией может начаться в недалеком будущем и слабость Балтийского флота неизбежно приведет к тяжелым последствиям. Поэтому сразу же после вступления на пост морского министра он 25 марта 1911 года направил царю обстоятельный и хорошо аргументированный доклад о недопустимости дальнейшего промедления со строительством кораблей для Балтийского флота. Минимальной программой для Балтийского флота адмирал И. К. Григорович считал постройку 4 линейных крейсеров, 4 легких крейсеров, 36 эскадренных миноносцев и 12 подводных лодок с вводом их в строй не позднее 1916 года. К этому же времени намечалось закончить и оборудование главной базы флота в Ревеле.

Доклад морского министра был одобрен царем и правительством, и в соответствии с их решением Морской генеральный штаб переработал «большую» судостроительную программу из расчета постройки вышеперечисленных кораблей для Балтийского флота к 1917 году. В июне 1912 года Государственная дума большинством голосов приняла законопроект о предоставлении ассигнований на их строительство.

19 декабря 1912 года в Петербурге состоялась закладка четырех линейных крейсеров, которые получили название «Измаил», «Кинбурн», «Бородино» и «Наварин». По первоначальному проекту эти корабли должны были иметь водоизмещение 28,5 тыс. тонн и скорость 26,5 узлов. На их вооружении предполагалось иметь девять 356-мм орудий (длина ствола 52 калибра) в трех трехорудийных башнях с линейным расположением, двадцать 130-мм орудий (длина ствола 50 калибров) и четыре 47-мм противозаэропланные (зенитные) пушки. Бронирование борта, башен и рубок должно было достигать от 125 до 250 мм. В 1912 году в проект были внесены некоторые изменения. В частности, решено было установить двенадцать 356-мм орудий (в четырех трехорудийных башнях), двадцать четыре – 130-мм и восемь орудий калибра 75 мм. В связи с этим водоизмещение линейных крейсеров увеличилось до 32,5 тыс. т. По тому времени они были самыми сильными крейсерами в мире. Но бронирование их, так же как и однотипных линейных крейсеров, строившихся в Англии, Германии и других странах, было относительно слабое, что не позволяло им успешно вести бой с линейными кораблями.

В 1913 году на Путиловском заводе в Петербурге были заложены легкие крейсера «Адмирал Бутаков» и «Адмирал Спиридов», а «Светлана» и «Адмирал Грейг» – на Ревельском заводе Русского балтийского судостроительного общества. Кроме того, еще два легких крейсера «Муравьев-Амурский» и «Адмирал Невельской» были заказаны германской фирме «Шихау» в Эльбинге. Последние, оснащенные паровыми турбинными установками, строились главным образом для учебных целей.

Кроме того, в 1912–1913 годах на Путиловском заводе был построен «Новик» – первый эскадренный миноносец с энергетической установкой, работавшей на нефти. По тактико-техническим элементам он заслуженно считался лучшим в мире кораблем этого класса. В 1912–1914 годах по несколько измененному первоначальному проекту «Новика» для Балтийского флота было заказано еще 36 эскадренных миноносцев со сроком готовности последнего из них к 15 апреля 1916 году. Одновременно с эскадренными миноносцами для Балтийского флота было заказано 12 подводных лодок, из них 4 – на Балтийском заводе и 8 в Ревеле.

Однако внесенная в думу программа развития Военно-морского флота так и не была рассмотрена ею, ибо планы введения некоторых новых налогов вызывали неодобрение имущих классов. «Слава богу, – заявил в думе А. И. Гучков, – наше финансовое положение улучшилось и упрочилось без проведения этой программы... Ближайшая задача – создание морской мощи, создание флота – не потребует приведения в движение этих экстренных мер».

В 1910 году морской министр обратился со специальным докладом к Николаю II. В нем он предложил заложить на Черном море не предусмотренные ранее три линейных корабля новейшего типа и немедленно начать строительство девяти эсминцев и шести подводных лодок, закладка которых первоначально была отнесена Морским министерством на более поздние сроки. Царь в тот же день одобрил представленную программу. После обсуждения ее в Совете министров правительство потребовало и получило от Государственной думы около 151 млн рублей на развитие Черноморского флота 58, причем главный расход – строительство трех линкоров общей стоимостью около 100 млн рублей – не был предусмотрен согласованным с Военным министерством в 1909–1910 годах планом.

Вскоре Морское министерство вновь резко увеличило свои требования. Получив разрешение от царя на пересмотр десятилетней программы, Морской Главный штаб в начале апреля 1911 г. представил Николаю II «Закон об императорском Российском флоте». Он предусматривал создание в течение 22 лет только на Балтике двух боевых и одной резервной эскадры (каждая в составе 8 линейных кораблей, 4 линейных и 8 легких крейсеров, 36 эсминцев и 12 подводных лодок). На Черном море планировалось иметь флот, по мощи своей превосходящий в 1,5 раза силы государств, расположенных на побережье Черного моря. Полное осуществление этого закона требовало от государства более 2 млрд рублей. На крупные корабли планировалось потратить 1404 млн рублей, на легкие крейсера – 354 млн, на эсминцы – 262,5 млн, на подводные лодки – 90 млн, на оборудование баз и вспомогательные суда – 82 млн рублей.

В июне 1912 года «Программа усиленного судостроения Балтийского флота» была одобрена думой. Наконец, уже в самый канун войны, 24 июня 1914 года на строительство линейного корабля, двух легких крейсеров, восьми эсминцев и шести подводных лодок на Черном море дума соглашалась ассигновать еще 110 млн рублей.

Таким образом, благодаря усилиям военного министра адмирала И. К. Григоровича программа перевооружения и развития российского Военно-морского флота накануне Первой мировой войны начала реализовываться достаточно успешно.

Адмирал Иван Григорович

Иван Константинович Григорович родился 26 января (7 февраля) 1853 года в Санкт-Петербурге в семье потомственного дворянина капитана I ранга (затем – контр-адмирала) К. И. Григоровича. Свои детские годы он провел в Ревеле, где учился в Ревельской гимназии вместе со своими сверстниками Владимиром Бэром – будущим первым командиром крейсера «Варяг», и Евгением Егорьевым – будущим командиром крейсера «Аврора».

После смерти отца Иван в возрасте 18 лет поступил на военно-морскую службу и в мае 1871 года впервые ушел в плавание. В марте 1874 года он окончил Морской кадетский корпус в Петербурге и после годичного плавания гардемаринном и успешной сдачи экзаменов в 1875 году был произведен в мичманы с зачислением в состав Балтийского флота.

Затем И. К. Григорович служил на Балтике на различных судах и в различных должностях. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов участвовал на клипере «Забияка» в Цимбрийской экспедиции в Северо-Американские Соединенные Штаты. До 1881 года плавал на «Забияке» в должности вахтенного начальника и старшего офицера. В 1883 году за усердие получил звание лейтенанта и стал командиром своего первого корабля – вначале небольшого портового парохода «Колдунчик», а затем, в 1884–1886 годах, – парохода «Рыбка».

Служебная карьера складывалась удачно. С 1888 года Иван Константинович – флаг-офицер штаба начальника эскадры Тихого океана, с 1890 года – командир парохода «Петербург», с 1891 года – старший офицер фрегата «Герцог Эдинбургский», флаг-капитан берегового штаба 2-й флотской дивизии, с 1893 года – старший офицер корвета «Витязь», а затем крейсера 1 ранга «Адмирал Корнилов». В 1895 году Григорович назначается командиром крейсера 2 ранга «Разбойник», в 1895 году – командиром монитора береговой обороны «Броненосец», в 1896 году – командиром минного крейсера «Воевода». 22 сентября 1896 года капитан 2 ранга Григорович был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом за участие в 20 морских кампаниях.

В 1896 году потомственный моряк неожиданно назначается на военно-дипломатическую работу и становится военно-морским атташе в Великобритании. Одновременно он работает и морским агентом во Франции, где в Тулоне ведется строительство эскадренного броненосца «Цесаревич» и крейсера «Баян». В феврале 1899 года капитан 1 ранга Григорович принимает командование над строящимся броненосцем «Цесаревич», а по окончании строительства в 1903 году под его командованием этот броненосец совершил переход в Порт-Артур для усиления 1-й Тихоокеанской эскадры.

Там «Цесаревич» стал флагманским кораблем, но в самом начале Русско-японской войны, ночью 27 января 1904 года во время внезапного нападения японских миноносцев корабль был подорван на рейде Порт-Артура. Правда, тогда броневая и противоминная переборки выдержали, и «Цесаревич», имея крен в 17 градусов, оставался на плаву и всю ночь

отражал атаки неприятеля. Командир броненосца в этом бою был контужен разорвавшимся снарядом.

Позднее неисправности «Цесаревича» удалось устранить, и флагман Артурской эскадры вновь вошел в строй. 28 июля 1904 года после жестокого боя с японцами он провалился в Циндао, в 1908 году участвовал в оказании помощи населению итальянского города Мессина, пострадавшего от землетрясения, участвовал в Первой мировой войне, сражался в Моонзундской операции, совершил Ледовый переход из Гельсингфорса в Кронштадт, ходил под красным флагом в годы Гражданской войны под названием «Гражданин», и только в 1924 году корабль был разобран на металл.

Император и наследник на корабле Черноморского флота.

Оправившись от контузии, в апреле 1904 года И. К. Григорович стал Главным командиром Артурского порта, получив чин контр-адмирала. Круг его обязанностей был очень широк: ремонт поврежденных кораблей, организация траления акватории базы и внешнего рейда, постановка минных заграждений на наиболее вероятных путях подхода противника к Порт-Артуру, снабжение эскадры боеприпасами, запчастями и всеми видами довольствия. За период боевых действий в судоремонтных мастерских осажденного Порт-Артура удалось не только вернуть к жизни ряд боевых судов, но и построить подводную лодку. Один из участников обороны писал: «Энергия и распорядительность Ивана Константиновича творят чудеса... Флот существует, и заслуга в том Григоровича бесспорна». За мужество, проявленное при обороне Порт-Артура, Григорович в 1904 году был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами и мечами к ордену Св. Владимира 3-й степени.

В 1905–1906 годах И. К. Григорович был начальником штаба Черноморского флота и портов Черного моря. 14 мая 1906 года при взрыве брошенной террористами на параде в Севастополе бомбы он был контужен в голову. После убийства командующего флотом адмирала Чухнина он некоторое время командовал флотом.

В декабре 1906 года Иван Константинович был переведен на Балтику, где командовал военным портом в Либаве (Лиепая). Там Григоровичу удалось за короткое время создать мощную судоремонтную базу и сформировать первый в России учебный отряд подводного плавания. За отличную работу в Либаве Григорович в 1908 году был награжден орденом Св. Анны 1-й степени. А с конца 1908 года Григорович – главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта.

9 февраля 1909 года он был назначен товарищем (заместителем) морского министра и вскоре был произведен в вице-адмиралы. С новым назначением неизмеримо большей стала и ответственность. Пост заместителя морского министра был не столько почетным, сколько убийственно трудным. В его ведении были кораблестроение и судоремонт, вопросы материально-технического и гидрографического обеспечения флота. И это при том, что после окончания Русско-японской войны ни одно ведомство России не находилось в таком крайнем разорении, в каком оказался Военно-морской флот. За пять лет сменившие друг друга на посту морского министра адмиралы Бирилев, Диков и Воеводский с задачей возрождения

флота не справились. Назревала необходимость в коренной реорганизации морского ведомства.

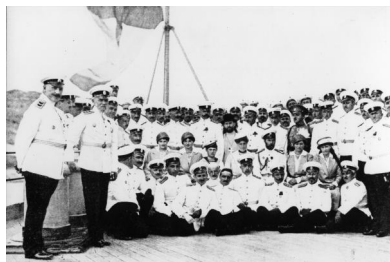

Фото императорской семьи с морскими офицерами на память.

18 марта 1911 года по настоянию Государственной думы морской министр адмирал С. А. Воеводский был отправлен в отставку. На этот пост был назначен И. К. Григорович, а в сентябре того же года ему присваивается звание адмирала.

В последние предвоенные годы И. К. Григорович всецело посвятил себя работе по укреплению Российского Военно-Морского флота. В короткий срок, избавившись от бездельников и интриганов, новый министр организовал работу всех подотчетных ему учреждений, наладил взаимоотношения с Государственной думой и другими высшими органами управления Российской империи, добился почти полного удовлетворения запросов и нужд флота. По воспоминаниям современников, он не был кабинетным руководителем. Его скорее можно было встретить у стапелей верфи, чем в Адмиралтействе. Иван Константинович инспектировал флоты и судостроительные заводы, лично контролировал ход постройки кораблей, подготовку команд и отдельных специалистов. Он осуществил ряд судостроительных программ для Черноморского и Балтийского флотов, учредил совещание по судостроению, которое решало вопросы распределения заказов среди частных предпринимателей и за границей. Накануне Первой мировой войны Россия имела 9 линкоров, 14 крейсеров, 71 эсминец и 23 подлодки.

Шесть лет возглавлял И. К. Григорович Морское министерство России, в том числе и в годы Первой мировой войны. В этой должности его уже нельзя назвать флотоводцем, но, как свидетельствуют факты, администратором он был отменным. Изучив опыт Русско-японской войны, он строил флот на новой основе. Усилиями морского министра в ходе Первой мировой войны флот был усилен еще 9 линкорами, 29 эсминцами, 35 подводными лодками. Были созданы лучшие в мире эсминцы типа «Новик», линкоры типа «Севастополь», первые в мире тральщики, лучшие в мире образцы мин и тралов. В составе флота впервые появились флотилия Северного Ледовитого океана и оперативные соединения-эскадры. Достаточно напомнить, что и через 30 лет, в начале Второй мировой войны основу Советского Военно-Морского флота составляли корабли, построенные еще в бытность Григоровича военным министром, в том числе все линкоры, 40 % крейсеров и треть эсминцев.

Посещение императором Кронштадта.

Несмотря на это, решением Временного правительства от 22 марта 1917 года адмирал И. К. Григорович был отстранен от должности и отправлен в отставку «с мундиром и пенсией». Временное правительство хотело найти за ним «грехи», но следственная комиссия не нашла ничего крамольного.

Иван Константинович имел возможность уехать из России в 1917 году и после октябрьского переворота, но не сделал этого. Большевики привлекли его к работе в составе Морской исторической комиссии по обобщению опыта Первой мировой войны и боевых действий на море. По заданию этой комиссии он даже написал мемуары. Но служебного пайка не хватало, и зимой 1920 года ему приходилось подрабатывать пилкой и колкой дров. Позже удалось устроиться архивариусом Морского архива, потом – на преподавательскую работу в Высшей школе водного транспорта.

Осенью 1924 года Советское правительство разрешило Григоровичу, уже тяжело больному, выехать за границу для лечения. Он уехал на Французскую Ривьеру и в Россию больше не вернулся.

Остаток своей жизни И. К. Григорович прожил очень скромно во Франции, в курортном местечке Ментон близ Ниццы. Он был полным кавалером орденов Французского легиона, но отказался от положенной ему в этой стране пенсии «по принципиальным соображениям». По этой же причине он отказался и от положенной ему англичанами пенсии «в вознаграждение заслуг Русского флота перед Британским в эпоху Великой войны». Участия в общественной жизни эмиграции Иван Константинович тоже не принимал. Он жил тем, что продавал свои картины, морские пейзажи, которые писал здесь, на набережной Ментона.

Адмирал и последний морской министр Российской империи умер практически в нищете 3 марта 1930 года в Ментоне. Перед смертью он завещал, чтобы его прах был предан родной земле и захоронен в Петербурге, в фамильном склепе рядом с могилой жены. На его могиле в Ментоне была выбита надпись по-английски: «Всегда любимая, всегда дорогая, о Россия, иногда вспоминай о нем, кто так много думал о тебе...»

Армия

После завершения войны с Японией и революционных событий 1905–1907 годов в структуре армии царя полнейшая неразбериха. Под одним и тем же названием скрывались совершенно неоднородные подразделения, части и соединения. Пехотные роты по своему составу делились на одиннадцать видов и имели от 100 до 300 солдат. Число рот в пехотных батальонах было не одинаковым. Полки были следующих типов: пехотные, стрелковые, гвардейские, резервные, крепостные, отдельные, причем в одних полках было по два батальона, в других – по четыре. В округах размеры однотипных частей также разнились. Так, четырехбатальонные полки на Дальнем Востоке были сильнее таких же полков в Европейской России. Двухбатальонные полки в Финляндии качественно отличались от двухбатальонных полков в Закавказье и т. д.

Совет Государственной обороны практически ничего не делал конкретного для изменения положения дел и в конце 1908 года был распущен, а начальник Главного управления Генерального штаба генерал Палицын заменен генералом В. А. Сухомлиновым, командовавшим до того войсками Киевского округа. Выяснилось, что за три с половиной года самостоятельного существования Главного управления Генерального штаба не было составлено даже плана работ. Сдача дел выразилась в том, что генерал Палицын передал генералу Сухомлинову ключ от пустого ящика своего стола. «Когда же я попросил программу по обороне, – вспоминал Сухомлинов, – он трагически указал пальцем на свой лоб».

Военным министром был назначен генерал Редигер, который вместо того, чтобы заняться армией, начал откровенно заигрывать с различными политиками. Это сослужило ему плохую службу и вскоре он был вынужден подать в отставку.

11 марта 1909 года новым военным министром был назначен В. А. Сухомлинов. Историк Кирсновский пишет: «Человек, не лишенный способностей, генерал Сухомлинов отличался властолюбием и вместе с тем поразительным легкомыслием. Своей бодростью и неизменным оптимизмом он нравился Государю и импонировал ему. Сухомлинов всегда был в натянутых отношениях с великим князем Николаем Николаевичем. С крушением Совета Государственной обороны и выдвижением Сухомлинова вражда между этими двумя одинаково властолюбивыми и одинаково завистливыми людьми перешла в открытую ненависть. На фоне этой ненависти и борьбы двух течений – поверхностно-новаторского великокняжеского и ретроградно-бюрократического сухомлиновского – и прошли для русской армии последние пять лет перед Мировой войной».

Уже 3 августа 1909 года состоялось первое заседание Особого совещания. Оно заседало пять месяцев. Результаты его работы были доложены правительству 25 февраля 1910 года. В течение ближайших 10 лет новые ассигнования на армию и флот предполагалось делить почти поровну: 715 млн рублей на армию (из них почти половину – 373 млн. – на крепости, 114 млн на строительство стратегических шоссе и только 81 млн рублей на тяжелую артиллерию) и 698 млн. рублей на флот (из них 614 млн. на Балтийский, в том числе 478,8 млн рублей на новое судостроение).

С 1 июля 1910 года русская армия переходила на новую организацию. В результате осуществления этих мер русская армия приобрела значительно более стройную организацию. Несколько улучшалась организация артиллерии.

Нельзя сказать, что это было исключительно заслугой Сухомлинова, его активно поддерживали и другие генералы. Так, в мае 1910 года с протестом против увлечения маринизмом выступил генерал Куропаткин. В сентябре он написал и разослал членам правительства подробную «Записку по вопросу об ассигновании Военному и Морскому министерствам кредитов на неотложные нужды». В ней он утверждал, что если «будут отпускаться на

флот суммы, не соответствующие важности для обороны государства морской силы, то эти отпуска неизбежно отразятся на ослаблении сухопутной армии, составляющей главную силу России». В то же время Куропаткин критиковал и Военное министерство за увлечение развитием крепостей и стратегических шоссе. Основная часть средств, отпущенных на армию, должна была, по его мнению, использоваться на развитие артиллерии, авиации, организацию автомобильного дела и увеличение оснащённости армии инженерным имуществом.

В период 1909–1910 годов Сухомлиновым был произведен ряд важных реформ. Но, прежде всего, он добился того, что Главное управление Генерального штаба было подчинено военному министру.

Основными направлениями сухомлиновских преобразований было упрощение организации, усиление материальной части, проведение территориальной системы, сосредоточение внимания исключительно на полевых войсках в предвидении скоротечного характера будущей войны.

Были внесены существенные изменения в стратегический план войны на Западе. Так, основной ареной для стратегического развертывания войск на случай войны были определены не передовой Варшавский военный округ, а другие округа, находившиеся несколько глубже. По плану Сухомлинова, в так называемом «19-м расписании» 1910 года, Варшавский военный округ, как неудобный для развертывания, отдавался врагу без боя. Благодаря этому становилась ненужной система дорогостоящих и неэффективных приграничных крепостей. Правда, на практике этот проект вызывал сильное противодействие со стороны ряда старых генералов и в последующие годы привел к компромиссу: одни крепости упразднялись, другие оставались. Имевшиеся 9 крепостных пехотных полков были сведены в 7 полевых пехотных дивизий. Таким образом, вся пехота была сведена к основным типам 16-батальонной пехотной дивизии и 8-батальонной стрелковой бригады. Учреждены были новые армейские корпуса.

К 1914 году пехота состояла из 70 дивизий и 22 отдельных бригад. Из дивизий 3 были гвардейскими, 52 пехотными, остальные – Кавказскими гренадерскими и Сибирскими стрелковыми. Из бригад: Гвардейская стрелковая, 5 армейских, 4 Финляндские, 2 Кавказские, 6 Туркменских, 1 пластунская и 3 Заамурской пограничной стражи. Всего в этих формированиях насчитывалось 357 полков и 1294 батальона. Пропорция пулеметов у нас была та же, что и в европейских армиях: 2 на один батальон, а в стрелковых полках двойная – 4 на один батальон.

Перед войной русская конница насчитывала 24 конные дивизии (2 гвардейские, 15 Кавказские кавалерийские, 1 Донская, 1 Сводно-казачья, 1 Кавказские казаки и 1 Туркестанская казачья), а также 8 отдельных бригад и 12 отдельных полков. В составе этих формирований насчитывалось 129 полков. Кроме того, было еще 12 различных конных дивизионов и 16 отдельных казачьих сотен.

Правда, в устройстве кавалерии были допущены серьезные ошибки. В 1910 году были упразднены учрежденные в 1906 году 4 кавалерийских корпуса, что негативно сказалось в ходе Первой мировой войны. Жестоким промахом всей организации стало полное отсутствие войсковой конницы, способной вести разведку в интересах пехотных дивизий и корпусов.

Повышалась огневая мощь частей и соединений. Уже к концу войны с Японией при каждой пехотной и конной дивизии была сформирована пулеметная команда из 8 пулеметов Максима на колесном лафете. В 1907 году такую пулеметную команду получил каждый пехотный либо стрелковый полк из расчета 4 пулемета на батальон. Дивизионные пулеметные команды оставлены только в коннице.

В 1910 году на вооружение полевой артиллерии были введены 48-линейные мортиры. Каждый корпус получил по мортирному дивизиону в составе двух батарей по 6 орудий каждая. Обращено, наконец, внимание и на горную артиллерию. Эффективной в стрельбе и транспортировке 3-дюймовой горной пушкой были снабжены стрелковые дивизионы 22 армейского корпуса и все кавказские корпуса. В 1-м, 4-м и 5-м Сибирских корпусах Приамурского округа были образованы третьи дивизионы артиллерийских бригад, каждый по 2 батареи (8 горных пушек).

Артиллерию в дальнейшем предполагалось значительно усилить, введя мортирные дивизионы в состав полевых артиллерийских бригад, а тяжелую артиллерию – в состав армейских корпусов. В связи с этим в Одессе было открыто в 1913 году Сергиевское артиллерийское училище, специально предназначенное для подготовки офицеров тяжелой артиллерии.

В войска для управления начал поступать искровой телеграф. Начала зарождаться, несмотря на скептическое отношение к этому, военная авиация. Благодаря великому князю Александру Михайловичу были открыты школы для подготовки военных летчиков-офицеров в Гатчине и на реке Каче в Крыму. Предполагалось при каждом корпусе иметь авиационный отряд в 4–6 самолетов. К началу войны в русской армии уже было 39 отрядов, на оснащении которых состояли 216 разнообразных самолетов и 221 летчик.

В осенний призыв 1913 года ввиду возможности войны были призваны 580 тыс. человек. Одновременно демобилизация лиц, призванных в 1910 году и подлежащих увольнению в запас, была задержана на 6 месяцев. В результате этого к весне 1914 года под ружьем находились 2 230 000 человек. Правда, весной этого же года в связи с промахами русской разведки в отношении истинных намерений Германии призыв 1910 года был уволен в запас.

Нужно сказать, что в то время в Российской империи существовала достаточно хорошо продуманная система резервов. Каждый увольнявшийся солдат тут же приписывался в полку второй очереди. Было намечено формирование 35 дивизий 2-й очереди, что с имевшимися первоочередными давало 105 пехотных дивизий и 18 стрелковых бригад.

Русская военная мысль предвоенного времени характеризовалась тремя направлениями.

Основу первого составляли старые генералы, многие из которых занимали высшие места в военной иерархии несмотря на то, что были противниками новых теорий ведения войны. К сожалению, к числу их относился и сам Сухомлинов, который похвалялся, что «двадцать лет не брал в руки ни одной книги по военному делу».

Памятником рутинерства в русской военной мысли стал Полевой устав 1912 года, составленный генералом Рузским и полковником Бонч-Бруевичем. Характерной его особенностью было, прежде всего, игнорирование встречного боя. Все операции классифицировались на «наступательные» либо «оборонительные». При ведении «наступательного» боя уделялось излишнее внимание тщательному выяснению обстановки (вообще в маневренном бою невозможному) и сказывалось стремление руководствоваться действиями противника. Первое влекло к потере времени, ослаблению энергии, проволочкам и трениям при отдаче, передаче и выполнении приказаний. Второе грозило подчинить наши действия воле неприятеля. В «оборонительном» бою главная роль отводилась передовой линии, которая и насыщалась войсками. О каких-либо маневрах силами и средствами в ходе операций не было сказано ни слова.

Военачальнику предписывалось действовать, сообразуясь с действиями противника, т. е. полностью уступая ему инициативу. Поэтому задачи ставились не так, как того требовали наши интересы, а так, чтобы лучше реагировать на действия противника. В результате отказ от инициативных действий приводил к подчинению воле неприятеля, переоценке врага, недооценке в то же время собственных сил.

Другую группу составляли так называемые «младотурки» – группа военачальников и преподавателей военных академий, которые всецело ориентировались на новейшие достижения западной военной науки, не делая при этом учета особенностей России. Возглавлял ее начальник Императорской военной академии Генерального штаба генерал Щербачев, а входили полковники Головин, Свечин и ряд других. Этому движению сочувствовал даже великий князь Николай Николаевич (младший).

Однако «младотурецкое» движение встретило яростный отпор со стороны представителей первой группы. Борьба закончилась полным разгромом Императорской военной академии Генерального штаба Сухомлиновым в 1913 году, смещением крамольных профессоров и запрещением думать иначе, чем по раз навсегда установленному казенному шаблону. «Младотурки» были загнаны в подполье, но идеи их постепенно стали захватывать все более широкие круги.

Третью группу составляли сторонники формирования теории русского национального военного искусства, т. е. с учетом особенностей России, ее истории и ее народа. Основу этой группы составляли генерал Мышлаевский и полковник Баилов. Но для реализации этих теорий нужны были мощная поддержка и, прежде всего, со стороны военного министра.

Генерал Владимир Сухомлинов

Владимир Александрович Сухомлинов родился 4 августа 1848 года в местечке Тельши (Литва) в семье офицера (в последующем генерал-майор). Его отец Александр Павлович участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и вышел в отставку после ранения, полученного в сражении при Шейново, в чине генерал-майора. Мать – Ольга Ивановна Лунская.

В 1861 году Владимир поступил в Александровский кадетский корпус в Вильно. Но летом 1863 года, в связи с реформой военного образования и начавшимся польским восстанием корпус был расформирован, и Владимир Сухомлинов был переведен в Петербург в 1-ю военную гимназию. После окончания гимназии он был зачислен юнкером во 2-е военное Константиновское училище, но уже через несколько дней переведен в Николаевское кавалерийское училище, которое и окончил в 1867 году.

Строевую службу Сухомлинов начал в 14-м драгунском Нижегородском полку. Боевое крещение получил в боях за Самарканд, и за боевые отличия был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с мечами. С 1869 года был помощником военного коменданта крепости Красноводск.

В 1871 году Владимир Александрович поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. После трехлетнего обучения он был произведен в штабс-ротмистры и назначен старшим адъютантом 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, а с 19 марта 1877 года – обер-офицером для особых поручений при штабе 1-го армейского корпуса, затем командовал эскадроном лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка.

Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Первоначально В. А. Сухомлинов занимался организацией гражданского управления в Тырново, затем был направлен к командующему 14-й пехотной дивизией М. Ф. Петрушевскому. С 15 сентября 1877 года состоял в распоряжении главнокомандующего действующей армией великого князя Николая Николаевича (старшего). Сделал ряд рекогносцировок турецких укреплений под Плевной. С 12 октября 1877 года по 5 января 1878 года состоял в Ловче-Сельвинском и Троянском отрядах П. П. Карцова. За боевые отличия в войне награжден в 1878 орденом Святого Георгия 4-й степени и Золотым оружием с надписью «За храбрость». Но уже после заключения перемирия посетил Константинополь, где заразился черной оспой и 15 апреля 1878 года на санитарном пароходе «Буг» был эвакуирован в Россию.

После окончания Русско-турецкой войны Сухомлинов был назначен правителем дел Николаевской академии Генерального штаба. В этой должности он руководил практическими занятиями по тактике и занятиями дополнительного третьего курса. Одновременно Сухомлинов читал лекции по тактике в Николаевском кавалерийском училище и Пажеском корпусе. Также ему было поручено преподавание тактики и военной истории великим князьям Петру Николаевичу и Сергею Михайловичу.

Однако преподавательская работа не привлекала Владимира Александровича. Он рвался в строй, и в 1884 году назначается помощником командира кавалерийской дивизии с производством в генерал-майоры.

В то же время вышестоящее начальство обратило внимание на его заслуги в деле обучения и воспитания слушателей военной академии. В январе 1886 года В. А. Сухомлинов назначается начальником офицерской кавалерийской школы. Находясь в этой должности в течение почти 12 лет, он сделал многое для развития и усовершенствования техники кавалерийского дела в русской армии. За время руководства школой Сухомлиновым были написаны ряд учебных пособий и рассказов, а также историческое исследование о Мюрате. Кроме того, в разное время он сотрудничал с журналами «Разведчик», «Военный сборник» и газетой «Русский инвалид».

Некоторые историки считают, что именно в это время произошел некий разрыв в отношениях между Сухомлиновым и инспектором кавалерии великим князем Николаем Николаевичем (младшим). Возможно, это произошло потому, что Владимир Александрович был достаточно близким к известному в то время военачальнику генералу М. И. Драгомирову, который в конце XIX века командовал войсками Киевского военного округа и который не раз негативно отзывался о великом князе. Факт в том, что по предложению последнего в апреле 1898 года Владимир Александрович назначается начальником 10-й кавалерийской дивизии, входившей в состав войск Киевского военного округа, штаб которой располагался в Харькове. С мая 1899 года он – начальник штаба Киевского военного округа, с октября 1902 года – помощник командующего Киевским военным округом.

Вступив в эту должность, В. А. Сухомлинов начал чаще бывать в Петербурге, где у него завелись обширные знакомства в Военном министерстве и при дворе. Он стал скрытный и осторожный, щедрый на подарки и лесть «нужным» людям. Видимо, поэтому, когда с началом Русско-японской войны генерал Куропаткин предложил Сухомлинову занять пост его начальника штаба, он отказался, объяснив это тем, что не знаком с дальневосточным театром военных действий и сибирскими войсками. На самом же деле Владимир Александрович из дворцовых источников знал, какие на самом деле плетутся интриги вокруг этой войны. Придворные связи проявились и в том, что после произошедших в Киеве беспорядков в октябре 1905 года и в связи с уходом в отставку генерала М. И. Драгомирова 23 октября 1905 года Сухомлинов был назначен на пост киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, с осени 1906 года – генерал от кавалерии. Генерал-губернаторство Сухомлинова пришлось на трудное время революции 1905–1907 годов. Несколько раз он становился целью террористов, а после основания Киевского отдела монархической организации «Русское собрание» был его председателем.

2 декабря 1908 года В. А. Сухомлинов был назначен начальником Генерального штаба. Принимая эту должность, он настоял на своем подчинении военному министру, считая необходимым единоначалие. Также он назначается членом Совета Государственной обороны, который возглавляет великий князь Николай Николаевич (младший).

11 марта 1909 года Владимир Александрович занял пост военного министра. С этого момента вся его деятельность была направлена на завершение реформ в русской армии, начатых его предшественниками. Правда, решение задач реформирования армии осуществлялось медленно, не всегда в правильном направлении. Перевооружение велось в основном за счет закупок оружия за рубежом, собственная военная промышленность была очень слабой. Мало внимания уделялось освоению новой техники – самолетов, автомобилей, пулеметов. При Сухомлинове были расформированы резервные и крепостные войска, за счет чего были усилены полевые войска (число армейских корпусов выросло с 31 до 37). В 1911 году была создана военная контрразведка.

В то же время, при работе в Совете министров у Сухомлинова сложились натянутые отношения с министром финансов В. Коковцовым, который стремился всеми средствами сократить военные расходы.

С началом войны, в связи с развертыванием Ставки Верховного главнокомандующего, роль военного министра свелась в основном к вопросам снабжения действующей армии. При этом интриги между Сухомлиновым и некоторыми другими министрами продолжались. Поэтому когда к весне 1915 года обнаружился большой недостаток снарядов и другого военного снаряжения, Сухомлинова стали считать главным виновником плохого снабжения русской армии. Инкриминировались ему и другие «дела», подавляющая часть из которых была следствием интриг в высших кругах власти.

13 июня 1915 года под давлением общественного мнения Сухомлинов был уволен с должности военного министра. Вскоре после этого было начато расследование его деятельности на посту министра. 8 марта 1916 года он был уволен с военной службы, а 29 апреля 1916 года – арестован и находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости на время следствия. Но оно результатов не дало, и 11 октября 1916 года Владимир Александрович был переведен под домашний арест, и у него появилась возможность публичного оправдания. Со стороны императора и других сановников предпринимались попытки свернуть дело Сухомлинова, но министры юстиции А. А. Хвостов и А. А. Макаров не допустили этого, угрожая отставкой.

После отречения Николая II, 1 марта 1917 года В. А. Сухомлинов вновь был арестован. По этому поводу газета «Известия» Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 9 марта 1917 года от имени прапорщика 171 пехотного запасного полка Романа Лукича Чиркунова писала:

«28 числа народ, проходящий по Офицерской улице, был обстрелян из дома № 55, где проживал Сухомлинов. По просьбе собравшейся толпы, желавшей обстрелять этот дом, я с депутатами от этой же толпы произвел обыск чердаков и подвалов этого дома, причем в подвале мною найдено было два пулемета системы Кольта и 10 винтовок с запасом патронов и там же арестован переодетый в статское полицейский, оказавший сопротивление. На чердаках было арестовано пять неизвестных при трех револьверах. Все шестеро были отведены в думу. За домом, где проживал Сухомлинов, был учрежден надзор.

1 марта мне сообщили, что по черному ходу будто бы прошел Сухомлинов и что около дома собралась толпа, желавшая учинить над ним самосуд. Указав толпе, что в наши задачи не входит производить самосуд, так как Сухомлинов не избежит суда, я с депутатами от той же толпы прошел в квартиру. Мне сказали, что Сухомлинова нет дома. Но при обыске Сухомлинов совершенно случайно был найден в своей спальне под периной и с подушкой на голове. Ему было предложено немедленно же одеться, Сухомлинов заявил, что пребывание его известно председателю Государственной думы Родзянко, которому он будто бы послал письмо. Сухомлинов утверждал, что он не скрывался. При обыске квартиры найден один револьвер. Об обыске составлен акт, оставленный у госпожи Сухомлиновой, за подписями всех присутствующих.

При выходе Сухомлинова толпа кричала: «Изменник! Продал родину!» и хотела сорвать с него погоны. Сухомлинов бледный, как полотно, и трясущийся поднял руку и стал клясться, что он невинен, спрашивал, почему Россия недовольна им, ведь он к началу войны выставил четыре с половиной миллиона войск, что пока он был во главе военного ведомства, все было благополучно.

После этой своей речи он был посажен в автомобиль и доставлен в Государственную думу».

Сам Сухомлинов в своих воспоминаниях пишет: «В то время, когда я так отстаивал свою голову, вспыхивает Февральская революция 1917 года, и какая-то компания вооружен-

ных людей арестовывает меня на квартире и везет в Таврический дворец, где уже организовалась новая власть. Во время переезда в грузовом автомобиле субъект в очках держал против моего виска «браунинг», дуло которого стучалось мне в голову на ухабах. Полнейшее мое равнодушие к этому боевому его приему привело к тому, что он вскоре спрятал оружие в кобуру. Затем несколько вопросов относительно моего дела и совершенно спокойные мои ответы на них окончились тем, что первоначальное неприязненное ко мне отношение превратилось в благожелательное.

У Таврического дворца снаружи и в залах, по которым я проходил, была масса народу, и никаким оскорблениям я не подвергался, как об этом неверно сообщали газеты. Действительно, всего один долговязый, кавказского типа человек произнес из дальних рядов: «Изменник». Я остановился и, глядя на него в упор, громко ему ответил: «Неправда!» Тип настолько уменьшился тогда в росте, что головы его больше не стало видно, и я спокойно продолжал дорогу, без малейших каких-либо инцидентов».

Следствие длилось пять месяцев. В качестве соучастницы была привлечена также жена Сухомлинова. Суд проходил с 10 августа по 12 сентября 1917 года. Сухомлинову были предъявлены обвинения в измене, в бездействии власти и во взяточничестве. Большинство обвинений не подтвердилось, однако Сухомлинов был признан виновным в «недостаточной подготовке армии к войне» и 20 сентября 1917 приговорен к бессрочной каторге и лишению всех прав состояния. Правда, затем каторга была заменена на тюремное заключение, и Сухомлинов был заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Жена Сухомлинова была оправдана.

После Октябрьской революции Сухомлинов был переведен в тюрьму «Кресты». 1 мая 1918 года он по амнистии, как достигший 70-летнего возраста, был освобожден и выехал в Финляндию, а оттуда в Германию. В эмиграции написал «Воспоминания», которые в 1924 году были изданы в Берлине, а в 1926 году и Советском Союзе.

Скончался в Берлине 2 февраля 1926 года.

Воспоминания современников о В. А. Сухомлинове достаточно пестрые. Так, бывший военный министр генерал А. Ф. Редигер писал: «Сухомлинов, по моему мнению, человек способный, он быстро схватывает всякий вопрос и разрешает его просто и ясно. Службу Генерального штаба он знал отлично, так как долго был начальником штаба округа. Сам он не работник, но умеет задать подчиненным работу, руководить ими, и в результате оказывалось, что работы, выполнявшиеся под его руководством, получались очень хорошие».

Запись в воспоминаниях протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского: «Более приятного начальника-сослуживца, как генерал Сухомлинов, мне не хотелось и желать. Умный, простой, сердечный и отзывчивый, Сухомлинов ни в чем не стеснял моей инициативы и охотно шел навстречу всякому моему доброму начинанию. Я не помню случая, когда бы я ушел с доклада не удовлетворенным в своих желаниях и просьбах. В пору назначения меня на должность протопресвитера он был одним из самых близких к Государю, наиболее влиявших на него министров».

Генерал А. А. Брусилов отмечал: «Сухомлинова я знал давно, служил под его начальством и считал, да и теперь считаю, его человеком, несомненно, умным, быстро соображающим и распорядительным, но ума поверхностного и легкомысленного. Главный же его недостаток состоял в том, что он был, что называется, очковтиратель и, не углубляясь в дело, довольствовался поверхностным успехом своих действий и распоряжений. Будучи человеком очень ловким, он, чуждый придворной среде, изворачивался, чтобы удержаться, и лавировал для сохранения собственного благополучия».

Лукомский: «Иметь дело с Сухомлиновым было приятно: он был всегда внимателен, вежлив и ровен со всеми. Бесспорно, он был умным и образованным человеком. Он с полслова понимал суть дела и давал свои заключения или указания вполне определенно, кратко,

ясно. Но, как я уже сказал, он одновременно с этим был чрезвычайно легкомысленным человеком. Он плохо разбирался в людях и очень часто приближал к себе или сходил с такими, которых нельзя было бы пускать и на порог.

По своей натуре он легко поддавался женскому влиянию. Когда он был назначен начальником штаба, он был женат второй раз. Жена его, Елизавета Николаевна, по первому браку, кажется, Корево, была умная и хорошая женщина, но любившая пожить и собиравшая в своем доме всякую дрянь. Сухомлинов ее очень любил и всячески старался лучше обставить ее жизнь. А так как личных средств у него не было, а жалованья не хватало, то он «наезжал прогоны».

Впоследствии, будучи командующим войсками, а затем и военным министром (особенно на последней должности), после смерти второй жены женился в третий раз (на Бутувич, которую он развел с мужем), и разъезды специально для получения крупных прогонных денег стали просто скандальными.

У Сухомлинова был величайший недостаток, который можно было назвать «недержанием языка». Он не мог удержаться, чтобы не рассказывать своим близким или хорошим знакомым какой-нибудь «секрет» или какую-либо новость. Не было исключения и для служебных дел. Мне лично приходилось несколько раз слышать, как он рассказывал в дамском обществе действительно секретные вещи. Было много данных, что это свойство Сухомлинова было отлично известно генеральным штабам Германии и Австро-Венгрии, и им пользовались с целью шпионажа. Последнее же неимоверно облегчалось тем, что как вторая, так и третья жены Сухомлинова были неразборчивы на знакомства и в их гостиных можно было встретить всяких подозрительных лиц».

Посол Франции в России Палеолог оставил такую запись: «Сомнительный человек, этот генерал Сухомлинов... Шестьдесят шесть лет от роду; под башмаком у довольно красивой жены, которая на тридцать два года моложе его; умный, ловкий, хитрый; рабски почтительный перед императором; друг Распутина; окруженный негодяями, которые служат ему посредниками для его интриг и уловок; утративший привычку к работе и сберегающий все свои силы для супружеских утех; имеющий угрюмый вид, все время подстерегающий взгляд под тяжелыми, собранными в складки веками; я знаю мало людей, которые бы с первого взгляда внушали бы большее недоверие».

Работа Генеральных штабов России и Германии

Германия к большой войне в Европе, в том числе и против России, готовилась давно и основательно. Первым западным специалистом, выделившим начальный период войны, по праву можно считать германского военачальника и теоретика генерал-фельдмаршала графа Альфреда фон Шлиффена (1833–1913).

Шлиффен разработал теорию ведения «скоротечной наступательной войны». В этом плане он, во-первых, рассматривал превентивную войну как обязательное условие решения поставленных военно-политических задач. Во-вторых, он был сторонником крайне ограниченных сроков для решения этих задач. Он писал: «Начавшись весной, война до осеннего листопада должна быть окончена полной победой над противником, и «военная машина, требующая миллионов на свое содержание, не может долго стоять... Мы должны изыскивать возможность быстро разгромить и уничтожить врага».

Шлиффен выделил начальный период войны в особый период, не похожий на все другие. Он писал, что война не может начаться стихийно, а является заранее подготовленным актом, требующим создания определенных условий.

В своем меморандуме, известном как «План Шлиффена», он изложил проект плана ведения операций в начальном периоде войны. Разработке этого плана он уделял особое внимание. Он считал, что своевременное сосредоточение, оперативно-стратегическое развертывание, внезапность действий и относительное качественное превосходство германских вооруженных сил над сравнительно более низкими боевыми качествами вооруженных сил противника принесут успех первым.

Важнейшим условием успешного ведения скоротечной войны он считал внезапность и мощь первоначального удара. Он писал, что преимущество будет «за тем, кто первым нанесет удар» и что «первый удар должен быть нанесен всеми силами» и он должен обеспечить достижение «решающего и сокрушительного успеха».

Представляют интерес взгляды Шлиффена на стратегическую операцию в целом. Он видел ее как сумму взаимосвязанных целей отдельных боев даже при отсутствии непосредственной тактической связи войск друг с другом. Он писал: «Не обязательно, чтобы вся масса войск была сосредоточена на одном поле сражения... Речь должна идти не о соприкосновении частей на местности, а об их внутренней связи, необходимой для того, чтобы на одном поле сражения боролись за победу на другом».

Как способ разгрома противостоящих группировок противника в начальном периоде войны Шлиффен рассматривал их глубокий обход и окружение с последующим уничтожением. Он писал: «Простое наступление на неприятельский фронт может удастся, но результат, достигнутый таким наступлением, окажется весьма ограниченным. Неприятеля, правда, оттеснят, но спустя некоторое время он возобновит сопротивление в другом месте, и кампания затягивается... Чтобы добиться решительного и сокрушительного результата, необходимо вести наступление с двух или трех сторон, то есть с фронта и с одного или с обеих флангов... Вместо того, чтобы нагромождать резервы позади фронта, которые пребывают в бездействии и не попадают к решительному пункту... они должны быть сразу введены в дело для флангового наступления. Чем больше сил будет привлечено к операции, тем решительнее совершится наступление».

Важно то, что Шлиффен не только предлагал проведение охватывающей операции стратегического масштаба, но и многое делал для практической ее подготовки. Так, в период руководства им Большим Генеральным штабом на военных играх и полевых поездках неоднократно отрабатывались способы окружения и пленения армий противника численностью до 600 тыс. человек.

Представляют интерес взгляды Шлиффена на роль и место укрепленных районов (крепостей) в операциях начального периода войны. Он указывал, что «современные большие крепости не имеют целью способствовать оборонительным операциям, напротив, они предназначены сделать реальным к наступлению даже численно более слабые силы, давая возможность войсковым соединениям, пользующимся крепостями, наносить внезапные удары в самых различных направлениях и прикрывая их фланги и тыл».

Принципы оперативной доктрины Шлиффена в отношении начального периода войны нашли отражение в его последнем официальном меморандуме, который он начал составлять в конце декабря 1905 года, а полностью завершил над ним работу в феврале 1906 года, уже находясь в отставке. Этот меморандум, известный, как «План Шлиффена», и был передан новому начальнику Большого Генерального штаба Германии генералу Мольтке-младшему.

Шлиффен придавал исключительное значение изучению боевого опыта и уроков военной истории. Он писал: «В эпоху массовых армий и длительных периодов мира нельзя ограничиваться посещением учебных плацов и маневренных полей. Нам приходится теперь уходить в прошлое и искать опыта, в котором нам отказывает современность, в тех событиях, которые происходили недавно или очень давно».

Таким образом, теоретические взгляды Шлиффена на войну, безусловно, были передовыми для своего времени. Их ценность состояла в том, что был четко выделен начальный период войны, сформулированы цели и предъявлены требования к операциям начального периода войны, определены наиболее эффективные способы разгрома противника в этих операциях.

В то же время взгляды Шлиффена были не лишены и определенных недостатков.

Первый из них заключался в том, что Шлиффен допускал ведение войны Германией одновременно на два фронта, на Западе и на Востоке.

Для проведения стратегической наступательной операции Шлиффен предлагал создавать ударную и сковывающую группы войск. При этом он рекомендовал три подвижных (кавалерийских) дивизии иметь в составе первого эшелона последней, что, безусловно, затрудняло их использование для немедленного развития успеха в глубине.

В своих планах операций Шлиффен совершенно не рассматривал вопросы материально-технического снабжения наступающих войск при том, что эти операции должны были вестись на большую глубину и в высоких темпах.

Россия также всегда готовилась к ведению войны на Западном театре. Разработка первых планов традиционно приписывалась военным министрам и начальникам Главного штаба. Первый такой план начали разрабатывать с 1873 года, сперва под руководством военного министра Милютин. Однако первый стратегический план войны был составлен Обручевым в 1880 году и подвергся некоторым изменениям в 1883 и 1887 годах. Но основная его идея сводилась к тому, что русская армия, используя выгодное географическое положение вдававшегося в глубь вражеских земель Царства Польского (Передовой театр) и опираясь на продуманную систему крепостей, должна будет нанести мощный удар по сообщениям противника. По этому плану удар по германцам наносился из Бугонаревского района в тыл Восточной Пруссии, а по австрийцам – вдоль берегов Вислы в тыл Восточной Галиции. При этом главный удар наносился против Австро-Венгрии. Особенно четко была выражена идея удара по австрийцам в плане 1887 года.

В последующие годы главный удар постепенно начал перемещаться на российско-германский фронт. Так, по планам 1890 и 1892 года, несмотря на то, что удар против австрийцев оставался главным, сила удара против немцев начала возрастать.

В 1900 году военный министр генерал Куропаткин составил новый план (18 расписание), согласно которому еще больше нарастил силы против Германии. Но при этом основная идея плана осталась прежней – главный удар должен был наноситься по австрийцам.

Противником этого плана выступил генерал М. И. Драгомиров, который считал, что главный удар необходимо наносить по Германии, как по наиболее опасному врагу. При этом он предлагал его нанести из Польши по кратчайшему направлению прямо на Берлин. Но решительность Драгомирова испугала робкую и половинчатую натуру генерала Куропаткина, и стратегический план войны был оставлен без существенных изменений.

В 1902 году было санкционировано деление вооруженной силы на «фронты», названные сперва – по противникам – Германским и Австрийским, затем – географически – Северо-Западным и Юго-Западным. Во главе первого был поставлен великий князь Николай Николаевич при начальнике штаба генерале Палицыне, во главе второго – генерал Куропаткин с начальником штаба генералом Сухомлиновым. При этом великий князь был сторонником оттягивания стратегического развертывания назад, в глубь Белоруссии, но осенью 1903 года Куропаткину все же удалось уговорить Николая II оставить в силе «милютинские соображения» и развертывание войск в Польше.

В начале XX века разработка планов войны возлагалась на Генеральный штаб, который являлся высшим органом управления сухопутными войсками Российской империи. В своем развитии он прошел достаточно сложный путь, и в 1905 году под названием «Главное управление Генерального штаба» (ГУГШ) был выделен, по примеру Германии, в самостоятельный орган во главе с независимым от военного министра начальником (с правом, как и военный министр, личного доклада императору). Начальником Генерального штаба с 1905 по 1908 год был генерал Ф. Ф. Палицын. За Военным министерством было оставлено в основном решение административно-хозяйственных вопросов, включая использование кредитов. Все же остальные стали прерогативой Генерального штаба.

Рабочим органом начальника Генштаба являлось управление генерал-квартирмейстера, которое и занималось вопросами разработки планов войны.

Тогда же из Главного штаба в Генеральный штаб были переданы управления 2 генерал-квартирмейстера (без Мобилизационного отдела), Военных сообщений и Военно-топографическое.

В 1908 году Генштаб (ГУГШ), возглавляемый генералом В. А. Сухомлиновым, был возвращен в состав Военного министерства, а начальник Генерального штаба был подчинен военному министру.

В том году генералом М. В. Алексеевым была разработана записка об инженерной подготовке театра военных действий в войне. В ней он указал, что Польша в этом отношении является «самым слабым местом» и не годится для мобилизационного развертывания войск.

Тогда же появился еще один стратегический план полковника Ю. Н. Данилова – тогда 1 квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, – легший затем в основу всех последовавших наших планов. Он считал, что Германия, направив все свои армии на Россию, выберет для этого район к северу от Полесья, куда и будут переброшены войска австрийцев. Поэтому управление Юго-Западного фронта упразднялось, и почти все дивизии предлагалось сосредоточить в районе Свенцяны – Барановичи. При этом за 1-й и 2-й армиями стояли 4-я и 5-я, а вся Польша отдавалась врагу без выстрела. Никакой задачи армиям не ставилось, никакого маневра не указывалось. Им предписывалось «действовать по обстоятельствам», то есть их отдавали в подчинение неприятельскому главнокомандующему...

В 1909 году, в связи с назначением Сухомлинова военным министром, Генеральный штаб возглавил генерал А. З. Мышлаевский. В короткий шестимесячный период нахождения в этой должности им были разработаны «предложения о преобразовании центрального военного управления в видах устранения важнейших недостатков существовавшей организации Военного министерства», доложенные императору в ноябре 1909 года и получившие его принципиальное одобрение. Однако реализовывать эти предложения генералу не при-

шлось, так как вследствие интриг в Военном министерстве он был переведен в штаб наместника на Кавказе.

В конце 1909 года начальником Генерального штаба назначается генерал Е. А. Гернгросс. В период его руководства Генеральным штабом в нем проводились реформы, начатые в рамках принятой в августе 1908 года программы военных преобразований, направленных на повышение боеготовности армии. В соответствии с новым положением, объявленным 1 (14) октября 1910 года приказом по военному ведомству № 496, Главное управление Генерального штаба, вновь вошедшее к этому времени в состав Главного штаба, перешло на новую организационно-штатную структуру. При начальнике Генерального штаба был создан специальный комитет для обсуждения важнейших вопросов, имевших отношение к боевой готовности армии. В его ведение перешли офицеры Генерального штаба, несшие службу в войсках. Начальнику Генерального штаба были подчинены Николаевская академия Генерального штаба и Военно-топографическое училище. Тогда же из Главного штаба в Генштаб (ГУГШ) была передана Генерал-квартирмейстерская часть по устройству, расквартированию и службе войск.

Под давлением Гернгросса в сентябре 1910 года план Ю. Н. Данилова был принят за основу.

Однако Е. А. Гернгросс, не имея серьезного опыта штабной работы, не пользовался большим авторитетом среди подчиненных и мало влиял на суть проводимых реформ. Работавший в то время в ГУГШ начальником мобилизационного отдела генерал А. С. Лукомский вспоминал: «Гернгросс ... службы Генерального штаба совершенно не знал; с административными вопросами не был знаком... Он был хороший строевой начальник, безукоризненно порядочный и умный человек, но для должности начальника Генерального штаба он был совершенно не подготовлен». Освобожден от должности в феврале 1911 года.

Новым начальником Генерального штаба был назначен генерал Я. Г. Жилинский. Тогда мир уже стоял на пороге Первой мировой войны. США, Германия и Япония, позже других государств Европы вступившие в стадию империализма, стали быстро теснить с мировых рынков Англию и Францию. Стремительно шло вперед экономическое и индустриальное развитие России. Это привело к резкому обострению международной обстановки и конфронтации двух мощных военно-политических блоков – Тройственного союза, куда вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия, и Антанты в составе Англии, Франции и России. Шла лихорадочная подготовка к войне.

Напряженно работал в это время Генеральный штаб вооруженных сил России. Одним из направлений его деятельности стало согласование планов войны России и Франции против Германии и Австро-Венгрии. Но план, предложенный Ю. Н. Даниловым, в штабах округов вызвал единодушные протесты, а на совещании начальников штабов военных округов, которое проходило в феврале 1912 года, он был вообще признан невозможным. Особенно против него возражал генерал Алексеев, в то время начальник штаба Киевского военного округа, который считал, что к тому времени русская армия достаточно усилилась для того, чтобы действовать наступательно. По его мнению, против Германии следовало иметь не более шести корпусов, а все остальные силы двинуть на Австро-Венгрию.

Главному управлению Генерального штаба пришлось уступить. Выработка новых основ плана развертывания была поручена комиссии генерал-квартирмейстеров окружных штабов во главе с генералом Постовским.

Комиссия генерала Постовского пришла к необходимости нанести главный удар по Австро-Венгрии, притом что признавалось необходимым восстановить управление обоих фронтов и иметь на всякий случай вариант для парирования германского наступления.

По плану, принятому в мае 1912 года (видоизмененное 19 расписание), Северо-Западному фронту ставилась задача нанести поражение германским войскам и овладеть Восточ-

ной Пруссией. Перед Юго-Западным фронтом ставилась задача нанести поражение австро-венгерским войскам, воспретив отход войск за Днестр и на Краков.

В августе 1913 года в Красном Селе, что под Петербургом, состоялось девятое с 1892 года совещание начальников генеральных штабов союзных государств Франции и России. Третий раз в его работе участвовали генерал Ж. Жоффр от Франции и генерал Я. Г. Жилинский от России. На этом совещании вопрос о взаимодействии союзников был центральным. Было подтверждено мнение глав союзных штабов, что Германия первоначально направит большую часть сил против Франции, оставив лишь незначительную часть против России. Генерал Жоффр заявил, что Франция введет в сражение на своей границе почти все свои силы, общее число которых составит полтора миллиона человек, что будет на двести тысяч человек больше, чем предусматривалось текстом конвенции 1912 года. Сосредоточение на границе планировалось закончить на десятый день, наступательные действия начать утром одиннадцатого дня. Генерал Жилинский со своей стороны отметил, что Россия введет в действие против Германии группировку численностью около восьмисот тысяч человек. Сосредоточение действующих войск предполагалось закончить по просьбе союзников на пятнадцатый день мобилизации несмотря на то, что, по расчетам военных специалистов России, это можно было сделать не ранее чем на восемнадцатый день.

Во время встречи было принято соглашение о наиболее выгодном направлении удара русских войск против Германии. Наступление представлялось начать в полосе от Нарева на Алленштейн (в случае сосредоточения немцев в Восточной Пруссии) или прямо на Берлин (если бы немецкое командование сосредоточило свои главные силы в районе Торн, Познань). Принятое обязательство стесняло стратегическую свободу российского высшего военного командования в распределении своих сил. Некоторые государственные деятели, в частности начальник Главного штаба и председатель Военно-учебного комитета генерал от инфантерии Н. Н. Обручев, увидев эту ошибку при подписании конвенции в 1892 году, обращаясь к военному министру и императору, писал: «Мы должны сохранить за собою свободу распределять так свои войска, чтобы нанести решительный удар армиям Тройственного союза. Может быть, для достижения сей цели нам прежде всего придется направить главные силы против Германии, как опаснейшего и сильнейшего противника, но, может быть, представится еще более выгодным сокрушить как можно скорее Австрию, чтобы затем легче справиться с изолированной Германией. Нам надо сохранить за собою безусловную свободу действий и потому в вопросе о совместных с Францией операциях, кажется, наилучшим будет ограничиться лишь общим обязательством в случае нападения одной из держав Тройственного союза на Францию, тотчас же мобилизовать свою армию и начать военные действия против ближайших нам держав сего союза – Германии и Австрии, требуя с французской стороны соответственного обязательства». Эта точка зрения, известная Якову Григорьевичу и представляющаяся ему целесообразной, под воздействием генерала Жоффра была отвергнута.

На встрече последовало изложение общих основ сосредоточения и группировки французских и русских армий против Германии. Представители держав согласились относительно необходимости направить удар в сердце неприятельской страны. Было признано разумным сосредоточить силы таким образом, чтобы быть в состоянии действовать либо против сил противника в Восточной Пруссии, либо идти на Берлин по операционной линии к югу от этой провинции. Не отрицая необходимости для России держать многочисленные силы против Австрии и Швеции, генерал Жоффр считал, что поражение Германии значительно облегчит операции русских армий против других держав Тройственного союза. Он полагал необходимым добиться уничтожения с самого начала вооруженных сил Германии. С этой целью возникла задача ускорить мобилизацию и сосредоточение союзных армий. На русском фронте это было связано с проблемой железных дорог. Из объяснений Якова Григо-

рьеви́ча выяснилось, что некоторые из работ, намеченных на совещании начальников штабов в прошедшем году, уже выполнены. Участок Жабинка – Брест учетверен. Удвоены колеи участков Брянск – Гомель, Лунинец – Жабинка, Орел – Варшава. Предполагается постройка новой двухколейной линии Рязань – Тула – Варшава. На совещании было намечено проведение второй колеи на участках Батрики – Пенза – Смоленск, Ровно – Барановичи и Лозовая – Полтава – Киев – Сарны. Было признано желательным перевести на европейскую колею железные дороги на левом берегу Вислы, а также увеличить количество мостов через эту реку в Варшавском районе.

На совещании обсуждался вопрос о ведении военных действий. Было признано совершенно необходимым для союзных армий добиться как можно скорее решительного успеха. Не без оснований считалось, что неудача французских армий в начале войны позволит Германии перенести на свою восточную границу часть сил, которые продолжали бы сражаться против Франции. Если же французские армии одержат верх над силами, выставленными против нее Германией, то этот успех облегчит операции русских армий, так как Германия не будет в состоянии перевести свои войска с Западного фронта на Восточный. Высказывалось мнение поэтому, чтобы французские армии обладали значительным численным превосходством над германскими силами на западе. Это условие считалось выполненным, если Германия будет вынуждена охранять свою восточную границу значительными силами. Исходя из этих соображений, генерал Жоффри полагал, что было бы выгодно для обеих армий, если бы группировка русских сил в Варшавском округе уже в мирное время представляла для Германии прямую угрозу. В этой связи последовало заявление генерала Жилинского, что новый проект организации русской армии предвидит формирование армейского корпуса в Варшавском районе.

В конце совещания было определено, что связь между штабами будет осуществляться по уже отлаженному каналу через Англию, с которой имеется соглашение по данному вопросу.

Совещание союзников, таким образом, прошло под давлением начальника главного штаба Франции генерала Жоффри. Он смог подчинить решение ключевых вопросов интересам своего государства, что нельзя сказать о генерале Жилинском, которого многие в высших правительственных и военных кругах напрямую обвиняли в «близорукости». Поэтому, когда в начале 1914 года умер варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант генерал от кавалерии Г. А. Скалон, Яков Григорьевич тут же был назначен на освободившуюся должность.

Последним начальником Генерального штаба Российской императорской армии мирного времени стал генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич, который уже практически ничего не успел сделать в области подготовки армии к предстоящей войне. Генерал-квартирмейстером в это время был уже известный нам генерал-лейтенант Ю. Н. Данилов (Черный), которому подчинялись 1-й и 2-й обер-квартирмейстеры, соответственно, генерал-майоры Н. А. Обручев и П. И. Аверьянов. В распоряжении первого имелось 9, а у второго – 5 полковников Генерального штаба.

Для ведения разведки вероятного противника в распоряжении Отдела генерал-квартирмейстера имелись военные агенты, располагавшие собственной агентурой. В частности, в Германии эту должность исполнял полковник С. Потоцкий, который прибыл в Берлин 15 июля, практически перед самой войной, и, естественно, ничего не успел сделать. В Австро-Венгрии военным агентом был полковник О. Энкель, который также был назначен на эту должность только в самом конце января 1914 года. В Турции военным агентом состоял генерал-майор М. Леонтьев.

Территориальными органами агентурной разведки являлись разведывательные отделения штабов приграничных Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одес-

ского и Кавказского военных округов. При этом считалось, что основную информацию в случае войны они будут получать из штабов армий и корпусов, которую затем будут передавать выше, в штаб фронта, а штаб фронта в Ставку.

Таким образом, Генеральный штаб (Справка) оставлял за собой только руководство военными агентами, штабы фронтов в случае войны выступали в качестве передающего звена, а основная тяжесть разведывательной работы ложилась на штабы армий и корпусов. До начала же войны при разработке стратегических планов Генеральному штабу приходилось довольствоваться только той скудной информацией о вероятном противнике, которая поступала от военных агентов. При этом нужно признать, что военные агенты, работавшие в Германии и Австро-Венгрии, не обладали необходимыми качествами и временем для организации полноценной разведывательной работы.

Глава вторая Ставка

Высший орган военного управления

Накануне объявления мобилизации возникло множество первоочередных проблем, требующих немедленного разрешения. Одна из них – создание высшего органа управления действующей армией и флотом – Ставки во главе с Верховным главнокомандующим. Опыта создания такого органа и учреждения такой должности у России до того времени не было, хотя в некоторых Положениях данный вопрос теоретически прорабатывался.

В Петербурге понимали, что должность Верховного главнокомандующего не столько военная, сколько политическая. Поэтому для ее занятия сразу же наметился ряд кандидатур, в числе которых были царь Николай II, военный министр В. А. Сухомлинов и великий князь Николай Николаевич (младший).

Современники утверждают, что в 1914 году император Николай II был намерен лично возглавить действующую армию, но тогда его удалось отговорить от этого шага. Военный министр, по мнению большинства членов правительства, не обладал ни военным талантом, ни волей, ни авторитетом в войсках – качествами, необходимыми для военачальника столь высокого ранга, да и репутация В. А. Сухомлинова в высшем обществе была далеко не безупречна.

Для принятия окончательного решения о высшей военной власти Николай II 19 июля собрал в Петергофе у себя на «ферме» Совет министров. «Только один военный министр генерал Сухомлинов, – вспоминал генерал Ю. Н. Данилов, – высказал банальные слова, что армия будет счастлива иметь во главе своего Верховного вождя. Все остальные лица из числа присутствующих были против выраженного государем намерения. Председатель же Совета министров И. Л. Горемыкин своим старческим, от волнения еще более дрожащим голосом убеждал государя в опасности оставления им столицы в столь трудный период жизни государства».

Необходим был компромисс, который бы оградил страну от опасных политических и дворцовых интриг. И он был найден. На следующий день состоялся высочайший указ: «Не признавая возможным, по причинам общегосударственного характера, стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали мы за благо всемилостивейше повелевать нашему генерал-адъютанту, командующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, генералу от кавалерии его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу быть Верховным главнокомандующим. Николай».

Высшими органами управления оперативно-стратегического звена сухопутных войск во время Первой мировой войны были штабы Верховного главнокомандующего, командующих фронтами и армиями. История и практический опыт формирования и работы армейских штабов существовали. Импровизированный штаб фронтового объединения был создан на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны 1904–1905 годов, но непосредственным планированием операций и их руководством он не занимался. Опыта развертывания штаба Верховного главнокомандующего как органа управления стратегическими операциями нескольких фронтов не существовало.

13 (26) июля 1914 года начальник канцелярии Военного министерства генерал-майор А. С. Лукомский разослал телеграммы всем командующим войсками военных округов Евро-

пейской части Российской империи, за исключением Кавказа, следующего содержания: «Высочайше повелено 13 сего июля считать началом подготовительного к войне периода на всей территории Европейской России... Положение было препровождено 22 марта 1913 года». По сути этот документ стал стартовым для создания пунктов оперативно-стратегического звена управления Сухопутными войсками Российской империи, предназначенных для военных действий против Германии и Австро-Венгрии.

По Положению о полевом управлении войск в военное время, вышедшему в свет в июле 1914 года, штаб Верховного главнокомандующего состоял из начальника штаба и четырех управлений: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений и военно-морского.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего, являясь ближайшим сотрудником Верховного главнокомандующего, был обязан представлять ему «соображения о направлении военных действий и в мерах по их обеспечению», в соответствии с указаниями Верховного главнокомандующего разрабатывать и передавать подчиненным войсковым начальникам «распоряжения относительно ведения военных операций», информировать их об обстановке и происходящих изменениях. В период с июля 1914 года по март 1917 года должность начальника штаба Верховного главнокомандующего занимали 3 человека: генералы Н. Н. Янушкевич (19.07.1914 – 18.08.1915), М. В. Алексеев (18.09. 1915 – 10.11.1916), В. И. Гурко (10.11.1916 – 17.02.1917). В состав штаба, кроме начальника штаба, входили чиновник для ведения дипломатической переписки и 4 управления: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, управление начальника военных сообщений и военно-морское управление.

Наиболее рабочим органом штаба Верховного главнокомандующего было управление генерал-квартирмейстера. На него возлагались задачи сбора и обработки сведений о противнике и районе военных действий; данных о расположении и боевой готовности подчиненных войск; разработки боевых документов, доведение их до войск, контроль выполнения приказов старшего начальника и многие другие. В управлении генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем в начале войны, кроме начальника, состояли четыре должности: генерал-майор для поручений, два обер-офицера корпуса военных топографов, обер-офицера для поручений и фотограф. Кроме того, имелось необходимое количество переводчиков.

Такое управление едва ли могло участвовать в отработке некоторых оперативных документов и выполнении мероприятий по их доведению до войск и контролю за выполнением. Поэтому в ходе войны численность его состава постоянно увеличивалась за счет прикомандированных. Так, к лету 1915 года в нем трудились уже 17 генералов и офицеров, к весне 1916 года – 25.

В состав управления дежурного генерала входили: управление коменданта главной квартиры и типография. Управление начальника военных сообщений ведало перевозками. Военно-морское управление занималось управлением действиями Военно-морского флота, расположенного на театре войны. Вопросами оперативно-стратегического управления действиями Сухопутных войск эти управления не занимались.

Таким образом, штаб Верховного главнокомандующего являлся основным инструментом, посредством которого Ставка по различным направлениям должна была управлять войсками не только при подготовке и в ходе крупных операций, но и в их повседневной жизни. Это накладывало особую ответственность на всех работников этого важнейшего органа военного управления, и, прежде всего, на его руководителя, первым из которых стал великий князь Николай Николаевич (младший).

Великий князь Николай Николаевич (младший)

Первым в истории России накануне Первой мировой войны Верховным главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич. 20 июля 1914 года в Зимнем дворце, в громадном Георгиевском зале, где был помещен Российский престол и куда перенесли чудотворную икону Казанской Божьей Матери, Николай II обнародовал в связи с вступлением России в войну манифест. Тогда же был провозглашен Высочайший указ следующего содержания: «Не признавая возможным, по причинам общегосударственного характера, стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали мы за благо всемилостивейше повелевать нашему генерал-адъютанту, командующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, генералу от кавалерии его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу быть Верховным главнокомандующим. Николай».

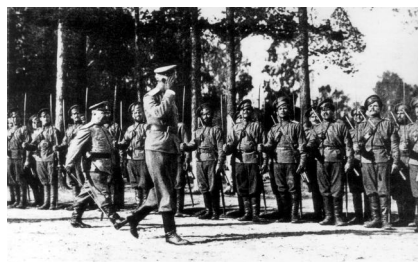
Первый русский Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, в отличие от своего отца и тезки в придворных кругах прозванный «младшим», был достаточно яркой фигурой на фоне многочисленного российского генералитета начала XX века. Он являлся предводителем движения за войну против Германии, принадлежал к масонской ложе мартинистов сначала профранцузского, а затем пронемецкого толка. Родился 6 ноября 1856 года в Петербурге в семье третьего сына императора Николая I Николая Николаевича (старшего). Его матерью была германская принцесса Александра Петровна Ольденбургская. Детские годы великого князя прошли в родительском доме, где он получил хорошее первоначальное образование. Однако с самого рождения ему, как и его отцу, была уготована участь служить Марсу.

В пятнадцатилетнем возрасте Николай Николаевич был зачислен юнкером в Николаевское инженерное училище, из которого в следующем году был выпущен прапорщиком в учебный пехотный батальон, дислоцировавшийся в столице. Закрепив на практике навыки в командовании подразделением, через год великий князь был произведен в подпоручики и переведен в учебный кавалерийский эскадрон для изучения тактики этого рода войск. Не довольствуясь знаниями, полученными в училище, Николай Николаевич поступил на учебу в Николаевскую академию Генерального штаба – ведущее военно-учебное заведение страны. В эти годы академия, возглавляемая генерал-лейтенантом А. Н. Леонтьевым и находившаяся под пристальным вниманием и заботой военного министра А. Д. Милютина, была на подъеме. В результате глубокой многоплановой реформы, начавшейся в России в 1862 году, Милютину и его помощникам удалось устранить многие недостатки, приведшие к поражению русской армии в Крымской войне 1853–1856 годов. Положительные перемены произошли в системе подготовки командных кадров в стенах академии, которая была поднята на довольно высокий уровень и базировалась на лучших достижениях военного искусства того времени, а также практически полностью отвечала требованиям войск.

Великий князь проявил в учебе немалое усердие. В 1876 году он окончил академию с серебряной медалью, его имя было занесено на мраморную доску. До этого, за 44 года существования этого высшего военно-учебного заведения, всего 2 выпускника были удостоены золотой медали и 54 – серебряной. За отличие в учебе Николай Николаевич был произведен в капитаны, причислен к Генеральному штабу и получил почетное звание флигель-адъютанта, то есть отнесен к свите его императорского величества.

С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов великий князь был определен офицером для особых поручений при отце – главнокомандующем Дунайской армией. На него было возложено ответственное задание по проведению рекогносцировки берегов Дуная в районе Зимницы с целью выбора места для переправы войск. Молодой офицер хорошо справился с задачей, а затем в числе первых переправился через Дунай с дивизией, командовал которой генерал М. И. Драгомиров. Он участвовал в штурме Систовских высот. За храбрость, проявленную в боях, Николай Николаевич был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В последующем великий князь в составе Габровского отряда под руководством генерала Н. Н. Святополка-Мирского участвовал в штурме и захвате Шипкинского перевала, за что был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» и произведен в полковники. На этом боевая практика будущего Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России закончилась.

Смотр войск.

Вернувшись из Балканского похода, Николай Николаевич для прохождения службы был назначен в лейб-гвардии гусарский полк. В нем он прослужил в течение 12 лет, последовательно занимая должности от командира эскадрона до командира полка. Последняя должность дала ему право на чин генерал-майора, которым он и был пожалован в 1885 году в возрасте 29 лет.

Пять лет спустя великий князь получил в командование гвардейскую кавалерийскую дивизию, а еще через некоторое время произведен в генерал-лейтенанты. Большие перемены произошли и в его личной жизни. Он лишился горячо любимого отца и вступил в брак с младшей дочерью черногорского князя Николая принцессой Негожа-Станой. По-русски она стала именоваться Анастасией Николаевной. Брак этот в определенной мере отражал постоянно возраставший интерес России к Балканам, которая через Черногорию и ее правителя пыталась усилить свое влияние в регионе. Поскольку существовала достаточно продолжительная дружба между домами черногорского князя и Николая Николаевича (старшего), брак был совершен, если не по горячей любви, то по большой симпатии между женихом и невестой. В дальнейшем она переросла в более глубокие чувства, позволив жене существенно влиять на многие решения мужа. Кстати, именно Анастасия, будучи яркой приверженкой спиритизма и мистицизма, представила в свое время царице Григория Распутина, вскоре ставшего «близким другом» всей императорской семьи.

В 1895 году Николай Николаевич был назначен генерал-инспектором кавалерии – многочисленного и почитаемого рода войск. Назначение не являлось следствием особых заслуг или высокого профессионального роста великого князя. Должность, по сути дела, перешла ему в наследство от отца, занимавшего ее в течение многих лет. Она принесла великому князю чин генерала от кавалерии, дала возможность совершать многочисленные зарубежные поездки в качестве главы военных миссий, позволила решать вопросы в Высшем военном совете.

На практике своими полномочиями Николай Николаевич пользовался весьма своеобразно. Он не пожелал участвовать в Русско-японской войне лишь потому, что не ладил с адмиралом Е. И. Алексеевым, поставленным царем наместником России на Дальнем Востоке. В 1910 году он отказался руководить впервые подготовленной русским Генеральным штабом стратегической военной игрой, которая фактически была сорвана. Официальной причиной отказа послужили разногласия между великим князем и военным министром на цели и замысел военной игры. На самом же деле на это время Николаем Николаевичем была спланирована большая охота в Скерневицком лесу, отменять которую ему очень не хотелось.

В 1914 году великому князю Николаю Николаевичу исполнилось 58 лет. Он находился в расцвете сил и здоровья. Что же касается полководческих способностей Николая Николаевича, то, по оценке генерала Ю. Н. Данилова, он был «... вполне подготовленным крупным военачальником». Однако «решительность, которая была заложена в характере великого князя, требовала спокойной, регулирующей руки, дабы не дать этой черте перейти границы, отдалявшие настойчивую волю от безрассудной горячности и вредной порывистости. Он легко поддавался влиянию близких к нему лиц. Это было его достоинством и недостатком в зависимости от того, кто овладевал его доверием. Но во всех случаях он умел выслушивать людей, причем высоко ценил доходившее до него откровение и рассудительное слово».

Верховный главнокомандующий у своего штабного вагона.

Ставка развернулась в Барановичах. При Верховном главнокомандующем состоял штаб, который включал ряд управлений. Важнейшими из них были: генерал-квартирмейстера (ведало разработкой оперативных вопросов), дежурного генерала (занималось организационными вопросами, в том числе укомплектования войск и кадрами), начальника военных сообщений, военно-морское, коменданта главной квартиры. В них летом 1914 года насчитывалось 9 генералов, 36 офицеров, 12 чиновников, около 150 солдат. В последующие годы состав Ставки возрос до 2 тысяч человек.

Фотография в память посещения императором Ставки Верховного главнокомандующего. Осень 1914 г.

Для ведения войны на сухопутном театре военных действий верховным командованием Вооруженных сил России были созданы Северо-Западный, Юго-Западный, а несколько позже развернута отдельная Кавказская армия.

Северо-Западный фронт (командующий – генерал от кавалерии Яков Григорьевич Жилинский) включал две армии. Он был предназначен для действий против германских войск, главным образом, на территории Восточной Пруссии. Юго-Западный фронт во главе с генералом от артиллерии Николаем Иудовичем Ивановым состоял из четырех армий и нацеливался против австро-венгерских вооруженных сил. Кавказская армия была создана с вступлением в войну Турции (командующий на правах наместника генерал от кавалерии граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков). Хотя командующие фронтами были военачальниками с большим стажем, однако не имели опыта управления крупными объединениями во время войны. Они и составляли высшее командование вооруженными силами, во главе которых Николаю Николаевичу предстояло решать невиданные доселе по объему и сложности задачи вооруженной борьбы.

Ставка развернулась в Барановичах. При Верховном главнокомандующем состоял штаб, который включал ряд управлений. Важнейшими из них были: генерал-квартирмейстера (ведало разработкой оперативных вопросов), дежурного генерала (занималось организационными вопросами, в том числе укомплектования войск и кадрами), начальника воен-

ных сообщений, военно-морское, коменданта главной квартиры. В штате Ставки летом 1914 года насчитывалось 9 генералов, 36 офицеров, 12 чиновников, около 150 солдат.

По стратегическому плану в случае войны Россия должна была вначале нанести удар по Австро-Венгрии, уничтожить армии этого государства в Галиции и овладеть Веной и Будапештом. Кроме того, с задержкой после начала войны всего на 15 дней русские войска должны были начать наступление против германских войск. Поскольку отношения России с Турцией также были напряженными и было известно о германской ориентации правительства этой страны, то русский Генеральный штаб на случай войны с Турцией имел также план развертывания войск Кавказского военного округа. Кавказской армии ставилась задача прикрыть, насколько возможно, свою границу, а в случае невозможности удержаться ввиду значительного превосходства противника – постепенно отходить на линию Главного Кавказского хребта.

В рамках стратегического плана войны имелись наметки некоторых оперативных планов действий фронтов и армий. Но они носили слишком общий характер и нуждались в основательном уточнении.

Верховный главнокомандующий не участвовал в разработке планов действий войск на случай войны, мало считался с довоенными наработками Генерального штаба и имел свое мнение. Оно сводилось к стремлению нанести решающий удар на Берлин по кратчайшему пути из Польши, а также фланговые удары по группировке немецких войск в Восточной Пруссии и группировке австро-венгерских войск в Галиции. Данный план имел много недостатков, но важнейшим из них было распыление русских войск по трем направлениям. На практике это неизбежно вело к распылению сил и средств и развалу общего плана стратегических действий на несколько фронтовых, а то и армейских операций.

Ставка. Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич, начальник штаба генерал Ветковский, генерал Данилов, генерал Козловский и члены штаба перед зданием походной церкви. (Март 1915 г.)

Николай Николаевич, генералы Н. Н. Янушкевич и Ю. Н. Данилов у здания походной церкви. Март, 1915 г.

О поведении Верховного главнокомандующего и обстановке, царившей вокруг него в первые дни войны, оставил воспоминания французский посол при русском дворе М. Палеолог, который посетил Николая Николаевича 20 июля 1914 года. На вопрос посла: «Через сколько дней, ваше высочество, вы перейдете в наступление?» – Верховный главнокомандующий ответил: «Я прикажу наступать, как только эта операция станет выполнимой, и я буду атаковать основательно. Может быть, я даже не буду ждать того, чтобы было окончено сосредоточение моих войск. Как только я почувствую себя достаточно сильным, я начну нападение. Это случится, вероятно, 14 августа».

Для французского посла и правительства его страны главным было как можно скорее вынудить Россию начать активные военные действия против Германии. Поэтому любой план действий в этом направлении устраивал Палеолога. Но Верховный главнокомандующий, давая такие обещания, должен был многократно просчитать их последствия. Последующие события свидетельствуют, что до таких «мелочей» великий князь не опускался.

Вопреки предвоенным планам, кампания 1914 года на русском фронте по приказу Верховного главнокомандующего открылась Восточно-Прусской операцией, чем великий князь пытался «поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев». Войскам Северо-Западного фронта директивой Ставки ставилась задача охватом с обоих флангов нанести поражение германским войскам, овладеть Восточной Пруссией и создать выгодное положение для дальнейшего наступления в пределы Германии.

Восточно-Пруская операция началась 4 августа. Но, воспользовавшись оперативной паузой, германское командование осуществило перегруппировку войск и в период с 13 по 17 августа нанесло удар по 2-й русской армии. Ее соединения были отброшены на восток, а два корпуса и одна дивизия окружены в районе Грюнфлисского (Кальтенборнского) леса. Затем, покончив со 2-й армией, основные силы германских войск обрушились на 1-ю армию, вынудив ее начать отход, в ходе которого русские войска понесли большие потери. К началу сентября Восточно-Пруская операция завершилась полным поражением армий Северо-Западного фронта. Не достигнув поставленных целей, они были отброшены на свою территорию, потеряв менее чем за месяц около 250 тысяч человек.

Его Императорское Высочество Верховный Главнокомандующий среди офицеров одного из казачьих полков. Справа от Великого Князя стоит полковник Засекин, рядом с ним Великий Князь Николай Николаевич сестры полковника Жигарева, в центре — полковник Жигарев, в центре — полковник Жигарев, в центре — полковник Жигарев.

Николай Николаевич с офицерами одного из казачьих полков.

События на Северо-Западном фронте показали неподготовленность Верховного главнокомандующего к военным действиям в стратегическом масштабе, в том числе и с точки зрения стиля руководства подчиненными. Характерно, например, что лишь после пленения корпусов 2-й армии Николай Николаевич 2 сентября впервые с начала войны покинул Ставку в Барановичах и выехал в Белосток для встречи с командующим Северо-Западным фронтом генералом Я. Г. Жилинским. Но, прибыв в штаб фронта, он не нашел ничего другого, как заняться уговорами командующего продержаться еще некоторое время, пока Юго-Западный фронт не завершит разгрома австрийцев.

Когда трагедия войск Северо-Западного фронта стала явью, и Ставке нужно было отчитываться за это перед царем и правительством, Николай Николаевич сделал то, что нужно было сделать намного раньше. Я. Г. Жилинский был отстранен от командования фронтом. Вместо него эту должность занял отличившийся в боях на Юго-Западном фронте генерал Н. В. Рузский.

Объясняя причины неудач войск Северо-Западного фронта, Верховный главнокомандующий телеграфировал царю: «... Я совершенно сознаю, что не умел настоять на исполнении моих требований, посему слагаю перед Вашим величеством мою повинную голову».

Несколько более удачным было августовское наступление войск Юго-Западного фронта, завершивших в начале сентября Галицийскую битву. В ходе этой битвы русские войска нанесли поражение двум австро-венгерским армиям и, продвинувшись на 200–250 километров, овладели городами Львов и Галич. Потери противника составили около 400

тысяч человек, в том числе более 100 тысяч пленными. Русские войска потеряли почти 230 тысяч солдат и офицеров.

Историки утверждают, что в сознании Верховного главнокомандующего и штаба Ставки преобладало вынесенное из прежних войн мнение, что победа формируется не из выигранных полевых сражений, а из количества захваченных вражеских городов и крепостей. «Это доказывает чисто обывательский взгляд Ставки Верховного главнокомандующего, расценивавшей успехи лишь с точки зрения занятия «пунктов», отмеченных на карте жирным шрифтом», – пишет А. А. Керсновский. Поэтому после взятия Львова русская стратегия требовала очередного географического объекта – «пунктика», обозначенного на карте жирным шрифтом или звездочкой. Таким объектом была выбрана крепость Перемышль.

Перемышль, подобно магниту, притянул к себе внимание Верховного главнокомандующего. По его указанию армии Юго-Западного фронта 6 сентября 1914 г. приступили к ее осаде. Три австрийские дивизии, засев в Перемышле, сковали действия 38 русских дивизий. Это и стало главной причиной свертывания наступления русских войск в Галиции уже на этапе преследования противника.

Неудачи в Восточной Пруссии и победы в Галиции поставили Верховного главнокомандующего перед необходимостью более продуманно отнестись к определению следующей стратегической задачи. Николаю Николаевичу по-прежнему не давала покоя идея вторжения в Верхнюю Силезию. Но выполнение этой задачи требовало согласованных действий обоих фронтов. Такие большие масштабы предстоящей операции пугали Верховного главнокомандующего. Поэтому прежде, чем принимать решение, он решил узнать мнение командующих фронтами. Но Иванов и Рузский по-разному понимали свои ближайшие задачи. Это затрудняло выработку общего плана действий. На переписку Ставки с фронтами уходило драгоценное время, которым решил воспользоваться противник. В течение 15 суток юго-западнее Варшавы было сосредоточено 9 армейских корпусов.

Николай Николаевич с офицерами штаба Кавказской армии. Рядом генерал Н. Н. Юденич. 1916 г.

Великий князь Николай Николаевич решил не только парировать готовившийся удар противника, но и создать условия для перехода русских войск в контрнаступление. Он приказал перегруппировать в район Средней Вислы главные силы Юго-Западного и часть сил Северо-Западного фронтов.

В директиве, которую получили войска, начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич указывал общие сведения о противнике, рубежи начала наступления армий, направление наступления и кому на что следует обратить особое внимание во время операции. Все остальное отдавалось на откуп командующим фронтами.

Своевременное и точное выполнение этой директивы могло обеспечить поражение противника. Но воли Верховного главнокомандующего в достижении намеченной цели проявлено не было. Командующие фронтами, получив ранее право выражать и отстаивать свое мнение, по-разному отнеслись к этому решению. Генерал Рузский, ссылаясь на недостаток времени для восстановления боеспособности своих армий, постарался убедить Верховного

главнокомандующего в нецелесообразности привлечения войск Северо-Западного фронта к участию в операции. Командующий же Юго-Западным фронтом выразил свое полное согласие с планами Ставки, но считал, что для их реализации необходимо предварительно отвести войска на восточный берег рек Сан и Вислы.

В этих условиях особенно возрастала роль Верховного главнокомандующего, в руках которого была сосредоточена большая власть. В конце сентября он прибыл в Холм, где уточнил задачи командующему Юго-Западным фронтом. Затем великий князь директивой приказал командующему Северо-Западным фронтом спешно сосредоточить в районе Варшавы 2-ю армию, к командованию которой после гибели А. В. Самсонова приступил генерал от кавалерии С. М. Шейдеман.

Верховный главнокомандующий, хорошо помня основные причины разгрома армий Северо-Западного фронта в Восточно-Прусской операции, предпринял меры, необходимые для организации надежного управления огромной массой войск, сосредоточенных на Средней Висле. Он решил объединить руководство войсками в руках казавшегося ему более опытным генерала Иванова. Согласно директиве Ставки, с 19 сентября в его подчинение переходили на время предстоящей операции 2-я армия, а также Варшавский отряд с крепостью Новогеоргиевск. Благодаря этому на участке фронта от Варшавы до Ивангорода под единым командованием были сосредоточены три армии и несколько отдельных корпусов. В период с 15 (28) сентября по 26 октября (8 ноября) 1914 года этим войскам пришлось участвовать в Варшаво-Ивангородской операции, по сути ставшей первой стратегической наступательной операцией, которую готовила Ставка Верховного главнокомандующего.

Николай Николаевич. Конный портрет.

Но ходом этой операции Ставка руководила весьма поверхностно. Она фактически распалась на отдельные армейские операции, бои корпусов и дивизий. Постепенно, кроме 2-й армии генерала Шейдемана, в районе Ивангорода подключились корпуса 4-й армии генерала Эверта, а затем – войска недавно сформированной и находившейся южнее 9-й армии генерала П. А. Лечицкого. Но возраставшие размах и напряженность встречного сражения испугали командующего Юго-Западным фронтом генерала Н. И. Иванова. Чтобы снять с себя ответственность за его исход, он 28 сентября телеграфировал в Ставку: «Создавшееся положение побуждает меня просить личного доклада Верховному главнокомандующему, если его императорское величество соизволит приехать в Холм».

Почувствовав неуверенность Иванова, Николай Николаевич вместе с начальником штаба немедленно прибыл в Холм. Встретивший его Иванов сразу же начал жаловаться на командующего 2-й армией генерала Шейдемана, который якобы плохо руководит находившимися в районе Варшавы войсками.

Верховный главнокомандующий, ознакомившись с обстановкой на месте и заслушав доклады начальника штаба Юго-Западного фронта генерала М. В. Алексева и вызванного в Холм генерала Шейдемана, пришел к другим выводам. Ему стало ясно, что дело в самом

Иванове, который не справляется с управлением огромной массой войск. Великий князь решил управление войсками разделить между обоими командующими фронтами. При этом оборона Варшавы и южных подступов к ней была поручена генералу Рузскому, которому переподчинялись 2-я и 5-я армии.

Затем по приказу Верховного главнокомандующего русские войска перешли в наступление. Наступление началось без оперативной паузы, несколькими фронтами, одновременно: 5 октября 2-я и 5-я армии Северо-Западного фронта, 11 октября 4-я и 9-я армии Юго-Западного фронта.

Наступление русских войск развивалось успешно. Оценивая происходящее, начальник штаба 9-й германской армии генерал Эрх фон Людендорф писал: «Положение критическое».

Дело испортил генерал Иванов, приняв демонстративный марш незначительных сил австро-венгров против 3-й армии за крупномасштабное наступление. Он смог убедить Ставку в необходимости поворота 4-й и 9-й армий на юг, что привело к резкому увеличению полос наступления 2-й и 5-й армий Северо-Западного фронта. Распылив силы, они в начале ноября прекратили преследование противника.

Переправа по понтонному мосту через реку Двина.

Варшавско-Ивангородская операция стала крупнейшей стратегической операцией Первой мировой войны. В ней принимала участие примерно половина всех русских войск, действовавших против Германии и Австро-Венгрии. Победа русского оружия развеяла начавшуюся уже складываться легенду о непобедимости германской армии.

При подготовке и в ходе сражений на Средней Висле великий князь Николай Николаевич уже в большей степени начал проявлять себя как Верховный главнокомандующий. Он участвовал в выработке решения, а затем добился выполнения поставленных задач обоими фронтами. Правда, великий князь не проявил должной твердости и позволил генералу Иванову отвлечь его внимание на второстепенные задачи. В результате ошибок русского командования в Варшавско-Ивангородской операции германцам, понесшим большие потери, удалось не только избежать разгрома, но и сохранить силы для проведения ответной стратегической операции в районе Лодзи.

После поражения в Варшавско-Ивангородской операции германское командование решило взять реванш и нанести глубокий удар во фланг и тыл русским армиям, действовавшим на левом берегу Вислы. Для этого в короткие сроки в районе Торна была создана группировка войск, в составе которой насчитывалось почти 280 тысяч человек и 1440 орудий.

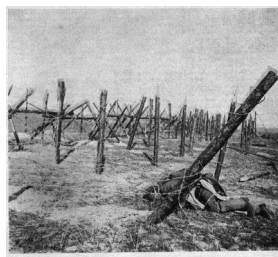
Сведения о перегруппировке вражеских войск были получены Ставкой лишь в конце октября. К этому времени западнее и северо-западнее Варшавы действовали три армии Северо-Западного фронта, в которых насчитывалось 367 тысяч штыков и сабель, 1305 орудий. Такое соотношение сил и средств не внушало русскому командованию особого опасения. Даже более того, Ставка предложила Северо-Западному фронту отбросить немцев за линию Мазурских озер и закрепиться на Нижней Висле. Помощь ему, по мнению Верховного главнокомандующего, должен был оказать Юго-Западный фронт наступлением в Гали-

ции со стороны Карпат. Таким образом, Ставкой планировалась очередная стратегическая операция силами двух фронтов.

Подготовка этой операции, особенно разведка противника, были неудовлетворительными. Ставка не знала об истинном положении и перегруппировке сил германцев и продолжала планировать наступательную операцию в глубь Германии. При этом Ставка задерживалась с отдачей войскам соответствующей директивы. Так, генерал Н. В. Рузский, осуществлявший общее командование частью сил Северо-Западного и Юго-Западного фронтов в этой операции, 27 октября (9 ноября) 1914 г., за трое суток до срока, определенного как готовность наступления, просил начальника штаба Ставки «хотя бы в общих чертах сообщить предположения» предстоящего наступления с тем, чтобы отдать предварительные распоряжения подчиненным.

29 октября, всего на сутки упредив русских, противник нанес два встречных удара. Создалась реальная угроза окружения и последующего уничтожения основных сил Северо-Западного фронта западнее Вислы. Правда, довести до победного конца противнику эту операцию не удалось.

Операция в районе Лодзи завершилась в середине ноября без существенных изменений в линии фронта. Но при том, что потери русских войск составили 110 тысяч человек и 120 орудий, а германцы потеряли 50 тысяч человек и 23 орудия, окончательные итоги операции были на стороне противника.

На проволочных заграждениях противника.

Для выработки очередного стратегического плана военных действий 16 ноября 1914 г. Верховный главнокомандующий собрал в Седлеце очередное совещание командующих фронтами. Но вместо постановки конкретных оперативных задач Николай Николаевич больше времени уделил заслушиванию жалоб командующих фронтами. Генералы Рузский и Иванов наперебой жаловались на трудности. Рузский утверждал, что его войска после понесенных потерь неспособны «... с должной устойчивостью занимать нынешний фронт впредь до приведения армий в полную боевую готовность» и настаивал на отводе армий и замене командующих.

Николай Николаевич поддался уговорам командующего Северо-Западным фронтом. Он принял решение начать отвод армий этого фронта с левого берега Вислы на линию Илов, Петроков. На совещании было признано целесообразным произвести и некоторые кадровые замены. Вместо генерала Ренненкампа в должности командующего 1-й армией была утверждена кандидатура командира 5-го армейского корпуса генерала А. И. Литвинова. В командовании 2-й армией генерал Шейдеман был заменен командиром 20-го армейского корпуса генералом В. С. Смирновым.

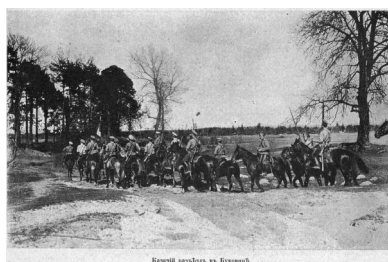
Генерал Н. И. Иванов со своей стороны доложил, что армии его фронта испытывают аналогичные трудности и хотя они продолжали «... одерживать частные успехи над австрийцами, однако рассчитывать на полную победу над ними в течение ближайших дней невозможно». Верховный главнокомандующий также уважил просьбы командующего Юго-Западным фронтом.

На практике это означало временный отказ Ставки от проведения стратегических наступательных операций во имя «улучшения линии фронта и пополнения войск резервами».

Инициатива от Верховного главнокомандующего и его штаба постепенно перешла к нижним инстанциям. Это привело к возникновению многочисленных кровопролитных боев в полосах обоих фронтов. Так, в декабре 1914 года только армии Северо-Западного фронта потеряли убитыми и ранеными более 200 тысяч человек, что в два раза превысило людские потери противника.

Кампания 1914 года на Восточноевропейском театре не принесла ощутимых побед ни одной из сторон. К концу декабря русские войска удерживали небольшой участок территории в Восточной Пруссии и значительные территории в Галиции. За это они заплатили потерей примерно таких же по площади территорий в Западной Польше. Людские потери русских войск в кампании 1914 года достигли полутора миллиона человек, противника – 955 тысяч.

Тем не менее операции русской армии оказали большое влияние на общий ход войны. Благодаря им был сломан стратегический план германского командования: последовательно разгромить сначала Францию, а затем Россию. Германия оказалась вынужденной вести войну на два фронта.

Казачий разъезд на Буковине.

Восточноевропейский театр войны из второстепенного постепенно превратился в главный. Если в начале войны против России противник имел 17 германских пехотных дивизий и 35,5 австрийских, то к концу года там действовало уже 36 германских и 41 австрийская дивизии.

Николай Николаевич утвердился в качестве Верховного главнокомандующего русской армии и приобрел определенный опыт стратегического руководства войсками. Но пропаганда превозносила его достоинства намного выше их фактического уровня. «Популярность его росла с каждым днем, – отмечал Ю. Н. Данилов. – Его имя стало достоянием не только армии, но и всего русского народа. Стоустая молва распространяла о нем самые легендарные рассказы. Его видели всюду лично поспевавшим на помощь войскам, везде он пресекал зло, везде водворял порядок».

В то же время, благодаря непрекращавшимся интригам двора, отношения между Ставкой и столицей постоянно осложнялись. Это выражалось в необоснованной задержке резервов, срыве обеспечения войск материальными средствами, постоянно растущих требованиях в деле ведения служебной переписки и т. д.

На 1915 год германское командование спланировало активную оборону на Западном фронте и решительное наступление на Восточном фронте. Удары предусматривалось нанести по сходящимся направлениям: германским войскам – на Брест-Литовск, а австро-венгерским – на Львов. Такие действия должны были привести к окружению и уничтожению русских войск в «польском мешке» с последующей капитуляцией России на выгодных для Германии и Австро-Венгрии условиях.

Русская Ставка и Верховный главнокомандующий продолжали вынашивать наступательные планы, в том числе и вторжения в Германию с территории Польши. Поэтому Ставка рассчитывала зимой 1915 года нанести по противнику два удара: главный – через Восточную Пруссию на Берлин, второстепенный – через Карпаты в Венгрию. Для реализации этого плана из 103 пехотных дивизий, развернутых к тому времени на Восточноевропейском театре, 52 процента были сосредоточены против Германии, 45 % – против Австро-Венгрии и только 3 % составляли стратегический резерв. Такое планирование стратегических действий и распределение сил неизбежно вело к распылению последних, что ставило под сомнение успех всей кампании.

Допущен был и второй, весьма важный для последующих событий просчет – подготовка предстоящих боевых действий проводилась без соблюдения мер скрытности. Это позволило противнику весьма точно вскрыть замысел русской Ставки и своевременно реагировать на действия русских войск.

В начале 1915 года войска правого крыла Северо-Западного фронта провели Августовскую и Наревскую операции. В ходе Августовской операции, проводившейся в период с 12 по 25 января (25 января – 7 февраля) войсками 10-й армии генерала Ф. В. Сиверса, противник перехватил инициативу и нанес поражение русским войскам. В ее результате к 9 (22) февраля четыре русские дивизии были уничтожены или пленены, а остальные соединения армии отброшены на восток на 40–50 километров. Общие потери 10-й армии за две недели составили 56 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, а также 185 орудий.

Генерал Рузский, стремясь взять реванш за августовское поражение своей 10-й армии, уже 17 февраля (2 марта) бросил в наступление войска 1-й и 12-й армий на Нижнем Нареве. Это привело к возникновению операции, продолжавшейся около месяца и не давшей других результатов, кроме больших людских и материальных потерь.

В середине марта измотанные войска обеих сторон со стороны Восточной Пруссии перешли к обороне. За два месяца боев в ходе Августовской и Наревской операций русские потеряли 200 тысяч человек и 280 орудий, германцы – 80 тысяч человек. Русские войска были вынуждены уйти с территории Восточной Пруссии и отдать врагу часть Западной Белоруссии.

Военные неудачи привели к смене командующего войсками Северо-Западного фронта. Генерал Рузский «заболел» и отправился на лечение. Командование фронтом принял бывший начальник штаба Юго-Западного фронта генерал М. В. Алексеев.

Тем временем войска Юго-Западного фронта пытались воплотить в жизнь замысел похода через Карпаты в Венгрию. Но пока армии этого фронта готовились к наступлению, противник смог разгадать их замысел, упредить русских в сосредоточении войск и нанесении удара. В конце первой декады января австро-германские войска перешли в наступление по всему фронту от Буковины до Мезалаборга. Весь январь и февраль 1915 года в Карпатах продолжались кровопролитные сражения. В результате неприятелю удалось несколько потеснить левофланговые корпуса фронта, которые с предгорья Карпат отошли к рекам Прут и Днестр.

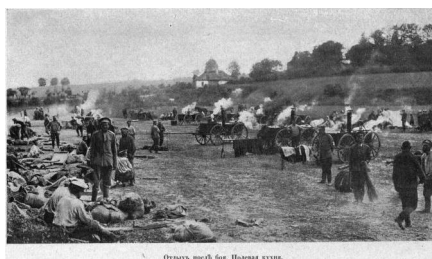
Чтобы спасти положение, Ставка вынуждена была оборону Черновцов поручить специально созданному для этого новому объединению. С этой целью на правом крыле Юго-Западного фронта была сформирована новая 9-я армия, командование которой было поручено генералу от инфантерии П. И. Лечицкому.

На фоне многочисленных неудач русского оружия важнейшим событием весны 1915 года стала капитуляция 9 марта крупнейшей австро-венгерской крепости Перемышль, осада которой была организована Ставкой и войсками Юго-Западного фронта. Был пленен 120-тысячный гарнизон крепости, в том числе 9 генералов и более 2,5 тысяч офицеров.

Сообщение о падении Перемышля поступило в Ставку, где уже неделю находился император. Он явно не находил себе дела и мешал работе сотрудников. Получив долгожданное известие с Юго-Западного фронта, Николай Николаевич вместе с Янушкевичем и Даниловым бросились к царскому поезду. По их радостным лицам Николай II сразу же понял: случилось что-то необычное.

После завтрака по случаю падения Перемышля был отслужен благодарственный молебен. На нем присутствовали все находившиеся в Ставке генералы, офицеры и лейб-казаки царского конвоя. По его окончании царь сделал знак адъютанту и взял из его рук уже знакомую Николаю Николаевичу коробку, обтянутую синим сафьяном, в которой находились желанные любому военачальнику звезда и орден Св. Георгия 2-й степени. На следующий день царский поезд покинул Ставку.

Падение Перемышля на некоторое время укрепило пошатнувшийся было авторитет в обществе великого князя. Даже императрица и Распутин вынуждены были временно снизить активность своих интриг. И только Сухомлинов по-прежнему продолжал вредить Николаю Николаевичу, а значит, и сражавшейся русской армии. На этот раз великий князь нанес сокрушительный ответный удар военному министру. По его приказу был выслежен, арестован и обвинен в шпионаже состоявший при штабе Северо-Западного фронта полковник Мясоедов – близкий друг семьи Сухомлинова. Этот человек, пользуясь безграничным доверием военного министра, продолжительное время имел доступ к секретным документам Генерального штаба и фронта, содержание которых затем становилось известно противнику.

Отдых после боя. Полевые кухни.

Отдых после боя у полевых кухонь.

Разоблачив шпиона, Верховный главнокомандующий потребовал призвать к ответу Сухомлинова. Начавшееся следствие сразу же установило поступление на личный банковский счет военного министра 600 тысяч рублей, происхождение которых их владелец не смог объяснить. Этого было достаточно для немедленной отставки Сухомлинова с поста военного министра. Вместо него был назначен генерал от инфантерии А. А. Поливанов. Алексей Андреевич занимал по отношению к великому князю нейтральную позицию.

Тем временем германское командование решило помочь своему союзнику. Обстановка на Западном фронте позволяла снять несколько дивизий и перебросить их на восток, где планировалось во второй половине апреля провести наступление между Вислой и Карпатами с задачей не только отбросить русских от Карпат, но и «... потрясти всю русскую армию». Для этого на 35-километровом участке прорыва скрытно были сосредоточены значительные силы германо-австрийских войск, превосходившие противостоявшую им 3-ю армию генерала Р. Д. Радко-Дмитриева по личному составу – в два раза, по легкой артиллерии и пулеметам – в три раза, по тяжелой артиллерии – в 40 раз. При этом по запасам артиллерийских снарядов на один выстрел русской артиллерии приходилось 30–40 выстрелов противника.

19 апреля (2 мая) 1915 года противник начал прорыв в районе Горлицы. Смяв русские войска на центральном участке Русско-германского фронта, противник устремился в образовавшуюся брешь. Русские войска начали отходить на восток.

По приказу Верховного главнокомандующего войска Юго-Западного фронта должны были организовать новый рубеж обороны на реке Сан. Но ввиду прибытия свежих немецких дивизий с французского фронта, которое не было установлено русской разведкой, этот план реализован не был. Русские армии продолжили отступление, были оставлены такие города, как Келцы, Радом, Дрогобич, Станислав, Черновцы, Сандомир, развалины крепости Перемышль. 9 (22) июня германо-австрийские войска заняли Львов, продвинувшись таким образом за полтора месяца на фронте 600 километров на глубину от 100 до 150 километров.

Горлицкая операция в очередной раз показала неспособность Верховного главнокомандующего и его штаба организовать стратегическую разведку и своевременно разгадывать замысел противника, предпринимать ответные меры. Переброска 14 дивизий с Западного фронта на Восточный и их сосредоточение в районе Кракова оказались неожиданным для русского командования. Результатом этого стали очередное поражение русских войск и значительные территориальные потери. Войска Юго-Западного фронта в Горлицкой операции только пленными потеряли 150 тысяч человек, 160 орудий и 403 пулемета. Потери противника в ходе боев составили 5562 человек убитыми, 21 200 ранеными и 1100 пропавшими без вести.

Пока внимание русской Ставки и Верховного главнокомандующего было приковано к Галиции, противник решил нанести удар в Прибалтике силами Неманской армии в направлении на Митаву и Шавли. Там ему противостояли войска 5-й армии генерала П. А. Плеве, уступавшие противнику только по численности артиллерии и боеприпасов. Но именно этот фактор стал решающим в ходе сражения. Начав наступление 1 (14) июля, германские войска попытались захватить русских в «клещи». Плеве избежал этого ценой отступления. 8 (21) июля противник занял Шавли, через четыре дня – Поневеж, 7 (20) августа пала Митава. Таким образом, Риги-Шавельская операция, продолжавшаяся более месяца, стала очередной неудачей русского оружия на австро-германском фронте. Были оставлены значительные территории, 5-я армия потеряла около 50 тысяч человек и 23 орудия. Потери противника были в пять раз меньшими.

Отход войск Юго-Западного фронта поставил под угрозу фланговых ударов группировку русских войск на территории Польши. Для их окружения и разгрома противник планировал с севера нанести удар 12-й германской армией, с юга – 11-й германской и 4-й австрийской армиями в общем направлении на Седлец. При успешном развитии этой операции в варшавском котле могли оказаться войска трех русских армий.

13 (26) июля южная группировка противника начала наступление на Люблин и овладела этим городом. Двумя неделями позже двинулась вперед и северная группировка противника. Под воздействием этих ударов русские войска начали постепенно отходить на восток. 23 июля без боя была оставлена Варшава, 7 августа – крепость Новогеоргиевск. Только в крепости русские потеряли 24 генерала, 2100 офицеров и более 80 тысяч нижних чинов. Кроме того, врагу досталось 1096 крепостных и 108 полевых орудий в исправном состоянии, боеприпасы и другие материальные ценности. Затем пали Ломжа, Седлец и крепость Ковно. Ковенский гарнизон потерял 20 тысяч человек пленными и 450 орудий. Только к 22 августа русскому командованию с трудом удалось несколько стабилизировать фронт по рубежу Тарнополь, Владимир-Волынский, Брест-Литовск, Гродно, Вильно, Рига.

Великое отступление русских войск летом 1915 года в очередной раз показало стратегическую слабость Верховного главнокомандующего и его штаба. За пять недель армии Северо-Западного и Юго-Западного фронтов в полосе около 300 километров отошли на глубину до 180 километров. Их потери убитыми и ранеными в этот период достигли 1 миллиона 410 тысяч человек.

Таким образом, к концу лета 1915 года положение на Восточном фронте Первой мировой войны складывалось не в пользу России. Ее войскам был нанесен ряд серьезных пораже-

ний, в результате которых они потеряли убитыми, ранеными и пленными более 2 миллионов человек из числа наиболее подготовленных в предвоенный период солдат и офицеров. Резервисты, прибывавшие в составе пополнений, по боевым и морально-политическим качествам были ниже выбывших из строя.

Значительными были и территориальные потери России. С начала войны она лишилась Курляндии, всей Польши, западных районов Белоруссии и Украины. При отходе были потеряны тысячи артиллерийских орудий, пулеметов, сотни тысяч ружей, склады с боеприпасами и военным имуществом, недостаток которых ощущался все сильнее.

Большими были и экономические потери страны. Территории оставались со всей их инфраструктурой: промышленно развитыми городами и сельскими регионами. Эвакуация предприятий и материальных ценностей осуществлялась крайне слабо. Поэтому вместе с продвижением войск на восток противник получал также и новые ресурсы для ведения войны, которых лишалась Россия. В то же время решение Верховного об эвакуации населения с западных областей в глубь России стоило стране сотен тысяч напрасных человеческих жизней и превратило военную неудачу в сильнейшее народное бедствие. Об эвакуации 1915 года А. А. Керсновский писал: «Ставка надеялась этим мероприятием «создать атмосферу 1812 года», но добилась как раз противоположных результатов. По дорогам Литвы и Полесья потянулись бесконечными вереницами таборы сорванных с насиженных мест, доведенных до отчаяния людей. Они загромаждали и забивали редкие здесь дороги, смешивались с войсками, деморализуя их и внося беспорядок. Ставка не отдавала себе отчета в том, что, подняв всю эту четырехмиллионную массу женщин, детей и стариков, ей надлежит позаботиться и об их пропитании...»

Верховный главнокомандующий по-своему пытался влиять на ход событий. 3 (16) августа в Волковыске он провел совещание высших должностных лиц Ставки и Северо-Западного фронта. Подведя итоги последних событий, он принял ряд важных решений. Главное из них заключалось в разделе Северо-Западного фронта на два – Северный и Западный. Это было оправданным шагом, поскольку управлять восьмью армиями, отходившими севернее Полесья, одному человеку было весьма трудно. Командующим Северным фронтом назначался генерал Н. В. Рузский, Западный вверялся генералу М. В. Алексееву.

Были уточнены задачи фронтов. Основной задачей Северного фронта являлось прикрытие путей к Петрограду из Восточной Пруссии и со стороны Балтийского моря. Западному фронту надлежало обеспечить Московское направление, Юго-Западному фронту – не допустить прорыва противника на территорию Украины. Это было последнее стратегическое решение, принятое Николаем Николаевичем на посту Верховного главнокомандующего вооруженными силами России. 24 августа Николай Николаевич подписал акт о сдаче Верховного командования и покинул Ставку.

На фоне неудач на фронтах интриги против Николая Николаевича, которые постоянно плелись при дворе, приобрели исключительную остроту. В ход шло все: от жалких сплетен об оргиях, якобы происходивших в Ставке, до откровенных обвинений в государственной измене. В первую очередь старались сторонники смещенного в июне военного министра Сухомлинова, а также императрица.

Александра Федоровна не решалась, однако, открыто выступать против одного из самых авторитетных представителей дома Романовых. Она предпочитала действовать через мужа, оказывая на него все большее влияние. В письмах, отправленных царю при его поездках на фронт или по стране, Александра Федоровна всячески стремилась очернить Ставку, а Верховного главнокомандующего представить опасным честолюбцем. Ставку она называла «предательской», советовала мужу хранить в тайне дату и маршрут поездки в войска, иначе «шпионы, находящиеся в Ставке, сразу же сообщат немцам, и тогда их аэропланы начнут

действовать...» В другом письме она сообщала Николаю II, что в обществе Николая Николаевича воспринимают как второго императора и, не стесняясь, называют Николаем III.

Не менее сильную оппозицию Верховному главнокомандующему составляли и некоторые чиновники Военного министерства, которые были близки к Сухомлинову. Следствием их предыдущих интриг против Николая Николаевича стал фактический раздел страны на два лагеря: фронт и тыл. Если первый, безмерно потреблявший и постоянно требовавший новых жертв, был в ведение Верховного главнокомандующего, то второй, производивший и подпитывавший фронт, целиком находился во власти военного министра. При таком распределении сфер влияния и обязанностей тыловые работники получали огромные возможности для различных злоупотреблений не только на военных поставках и снабжении действующей армии, но и для откровенного шпионажа в интересах противника.

Следствие по делу Мясоедова Николай Николаевич поручил генералу М. Д. Бонч-Бруевичу. Тот ретиво взялся за дело, грозя установить всех причастных к деятельности шпиона. Опасаясь этого, чиновники Военного министерства всячески стремились сорвать расследование. Однако сделать это было весьма трудно, пока во главе действующей армии стоял великий князь.

О деятельности великого князя в качестве Верховного главнокомандующего можно судить по тем событиям и делам, которые имели место на фронте в период с августа 1914 года по август 1915 года, когда фактически ни одна из проведенных операций, кроме наступления войск Юго-Западного фронта в 1914 году в Галиции, не достигла намеченных целей. Но результат Галицийской операции был получен благодаря не военному таланту и организаторским способностям великого князя, а только потому, что войска четко выполняли планы, разработанные накануне войны без его участия.

Многочисленные поражения русских войск, кроме разгрома их в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 года, похоже не вызывали у великого князя глубоких раскаяний. Он ежедневно докладывал в Петроград сводки по результатам боев отдельных соединений и частей, не обобщая их не то что до стратегического, но и до оперативного масштаба. В результате постепенно складывалась практика оценивать войну не по действиям всех или отдельных фронтов, а по армейским операциям, боям корпусов и дивизий. Это резко снижало роль Верховного главнокомандующего и Ставки в управлении войсками, выдвигая на первый план фронтовые и армейские звенья управления.

Следствием этой политики стали и кадровые перемены в высшем командовании действующей армии, проведенные Николаем Николаевичем в сентябре – декабре 1914 г. За это время были сменены командующий Северо-Западным фронтом и несколько командующих армиями. Но эти кадровые перемены диктовались скорее необходимостью найти виновных за военные неудачи, чем стремлением видеть во главе войск талантливых и деятельных руководителей.

Имели место и другие просчеты. Великий князь и его ближайшие помощники, сделав ставку на эвакуацию населения, мало внимания уделяли спасению материальных ценностей и их вывозу с оставляемых войсками территорий. Это привело к ухудшению материальной базы армии и наводнению страны толпами беженцев, подрывавших моральный дух общества. Все это в совокупности давало негативную оценку деятельности Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего.

В то же время нужно признать, что власть Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича была весьма ограничена и фактически не выходила за пределы действующей армии. По своему статусу он не мог существенно влиять на внешнюю и внутреннюю политику страны, на деятельность ее экономики. Переговорами с союзниками даже по военным вопросам, комплектованием армии резервами, нередко и назначением высших военачальников ведал непосредственно император. За пределы компетенции Вер-

ховного главнокомандующего выходил столь важный вопрос, как снабжение действующей армии и развертывание военного производства в стране. При острой нехватке оружия, боеприпасов и другого военного имущества процесс мобилизации промышленности в России затянулся до августа 1915 года. Производство военной продукции росло крайне медленно и не удовлетворяло потребности армии даже в самом необходимом. Все это также подсаживало необходимость во время войны управление страной и действующей армией сосредоточить в одних руках.

Николай Николаевич был отправлен наместником императора на Кавказ, где войска Отдельной Кавказской армии генерала Н. Н. Юденича вели боевые действия против Турции. О кавказском периоде его деятельности можно рассуждать много, но лучшим свидетельством станут победы русского оружия на этом театре военных действий. Экспедиционный кавалерийский корпус генерала Н. Н. Баратова осенью 1915 года установил контроль над большими районами Персии. Войска Н. Н. Юденича провели ряд успешных наступательных операций. Они в декабре 1915 года заняли город Эрзурум, а в апреле 1916 года провели Трапезундскую операцию. В результате итоги кампании 1916 года на Кавказском фронте превзошли ожидания русского командования. Кавказская армия разгромила 3-ю турецкую армию и продвинулась в глубь территории этой страны более чем на 250 километров.

Но необычно снежная и суровая зима 1917 года приостановила боевые действия на Кавказском направлении. Из-за бездорожья и отсутствия коммуникаций подвоз продовольствия и фуража резко сократился. Солдаты голодали, начались эпидемии. К этому времени общие потери Кавказской армии с начала войны достигли 100 тысяч человек. В таком состоянии ее застала Февральская революция 1917 года.

Перед своим отречением от престола Николай II пожелал вернуть пост Верховного главнокомандующего великому князю Николаю Николаевичу: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей родины я, Верховный главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог даст нам победу». Предполагалось, что начальником штаба Ставки останется генерал Алексеев. Позже в своих мемуарах А. И. Деникин писал, что отречение Николая II от престола в армии было воспринято спокойно, а назначение Верховным главнокомандующим Николая Николаевича и начальником штаба генерала Алексеева было встречено с пониманием и надеждой.

Однако Временным правительством пребывание Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего было признано нежелательным в связи с общим отношением к династии Романовых. А. Ф. Керенский вспоминал: «Когда 7 марта я выступил в Московском Совете, рабочие обрушили на меня ряд агрессивных вопросов. Один из них – «Почему Николая Николаевича назначили главнокомандующим?»

Против назначения Николая Николаевича выступили и новый председатель Совета министров, и министр внутренних дел. В доверительном письме великому князю Львов писал: «Создавшееся положение делает неизбежным оставление Вами этого поста. Народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых каких-либо государственных должностей. Временное правительство не считает себя вправе оставаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым могло бы привести к самым серьезным осложнениям. Временное правительство убеждено, что Вы, во имя блага Родины, пойдете навстречу требованиям положения и сложите с себя еще до приезда Вашего в Ставку звание Верховного главнокомандующего».

Это письмо нашло великого князя уже в Ставке. Он, глубоко обиженный позицией Временного правительства, сдал немедленно командование генералу Алексееву, отослав в Петроград письмо следующего содержания: «Рад вновь доказать мою любовь к Родине, в

чем Россия до сих пор не сомневалась». В этот же день Николай Николаевич уехал из Могилева, навсегда покинув Российскую армию, в рядах которой прослужил 46 лет. Вскоре он со своей семьей перебрался в Крым.

В марте 1919 года Николай Николаевич эмигрировал в Италию. Свое 65-летие он отметил во Франции, где остался до конца жизни. Среди белой эмиграции великий князь считался претендентом на Российский престол, слыл высшим руководителем всех русских зарубежных военных организаций, но участие в политической деятельности не принимал.

Умер Николай Николаевич 5 января 1929 года в возрасте 73 лет в местечке Антиб и похоронен в Каннах. На могиле соотечественники установили большую доску из зеленого мрамора. На ней, не тускнея от времени, отливают серебром слова вечной благодарности: «Верховному главнокомандующему русской армии, его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу от российского зарубежного воинства». Да будет мир праху его...

Генералы Н. Н. Янушкевич и Ю. Н. Данилов

Н. Н. Янушкевич

Ю. Н. Данилов

Развертывание Ставки предопределило создание в ее составе штаба и наличие у Верховного главнокомандующего хороших и авторитетных помощников, прежде всего в лице начальника штаба и генерал-квартирмейстера (начальника оперативного управления).

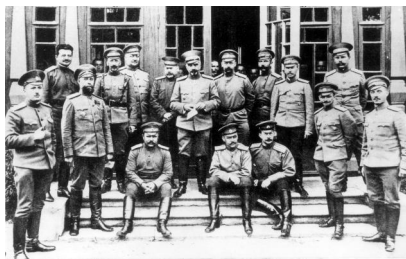
В самом начале войны на должность начальника штаба Ставки был назначен сорокашестилетний генерал-лейтенант Николай Николаевич Янушкевич.

Николай Янушкевич родился 1 мая 1868 года в Петербурге, в 1888 году окончил Михайловское артиллерийское училище, в 1896 году – Академию Генерального штаба. Службу проходил в Киевском военном округе, а с 1897 года работал на различных административных должностях в Главном штабе, Военном совете и канцелярии Военного министерства: с 1898 года – и. д. столоначальника Главного штаба, с 1899 года – и. д. младшего редактора кодификационного отдела при Военном совете, с 1900 года – помощник делопроизводителя канцелярии Военного министерства, с 1904 года – делопроизводитель канцелярии Военного министерства, с 1905 года – заведующий законодательным отделом канцелярии Военного министерства, генерал-майор, 1911 – помощник начальника канцелярии Военного министерства. В 1903 году был произведен в генерал-майоры. Параллельно с 1910 года Янушкевич читал курс Военной администрации в Императорской академии Генерального штаба, а в 1913 году был назначен начальником этого высшего учебного заведения. Именно тогда, по мнению современников, он и приглянулся великому князю Николаю Николаевичу (младшему) своим веселым характером, шутками, анекдотами, умением вести застолье...

Одновременно с января 1910 года экстраординарный, а с октября 1911 года – ординарный профессор военной администрации в Николаевской военной академии Генерального штаба. С 20 января 1913 года – начальник этой академии, генерал-лейтенант.

С 5 марта 1914 года – начальник Генерального штаба. Практически не разобравшись в этой должности из-за отсутствия времени и своей профессиональной неподготовленности, Н. Н. Янушкевич с началом Первой мировой войны был назначен на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Никак не проявив себя, но, находясь рядом с верховным, Янушкевич удостоивается нескольких наград и производится в генералы от инфантерии. «На должности начальника штаба Ставки оказался человек гостинный, мягкий до корня, где такой же воск и безволие, как и на поверхности, – писал М. Лемке. – Военный и администратор по случаю, который толкнул его туда, а не в министерство двора, финансов или департамент герольдии, без проникновения в чуждое ему по существу дело, знавший его постольку, поскольку оно освещено соответствующим докладчиком».

После отстранения великого князя от поста Верховного главнокомандующего в середине августа 1915 года Н. Н. Янушкевич также лишился должности начальника штаба Ставки. Однако после назначения Николая Николаевича наместником на Кавказе он стал его помощником по военным вопросам (с 18.08.1915 г.), а с 13 сентября 1916 года одновременно и главным начальником снабжения Кавказской армии.

Генерал Ю. Н. Данилов с чинами отдела генерал-квартирмейстера штаба Ставки.

31 марта 1917 года генерал Янушкевич Временным правительством был уволен со службы «за болезнью» с мундиром и пенсией. За свою службу он был награжден российскими орденами: Св. Станислава 3-й ст. (1893), Св. Анны 3-й ст. (1898), Св. Станислава 2-й ст. (1902), Св. Владимира 4-й ст. (1905), Св. Владимира 3-й ст. (1907), Св. Станислава 1-й ст. (10.04.1911), Св. Анны 1-й ст. (29.12.1913), Св. Георгия 4-й ст. (23.09.1914), а также несколькими иностранными орденами.

По поводу смерти Н. Н. Янушкевича также существует две версии. Согласно одной из них, в начале 1918 года он был арестован в Могилеве и отправлен в Петроград, но по пути близ станции Оредеж убит конвоирами. По второй – он был арестован в Тифлисе, где проживал после отставки, убит конвоирами и похоронен в этом городе.

Сухолинов в своих «Воспоминаниях» писал:

«Образ действий в. к. Николая Николаевича и генерала Янушкевича отвечал таковому же игрокам, ставивших на карту судьбу армии, русского народа и дома Романовых. Их политика была легкомысленной игрой... В 1914 году я не подозревал о той роли, которую играл Янушкевич в те критические дни».

Таким образом, можно отметить, что, обладая неплохой военной подготовкой, Янушкевич не имел ни стратегического кругозора, ни практики руководства штабом многомиллионной действующей армии. Это назначение стало следствием двух причин: с марта 1914 года Янушкевич занимал должность начальника Генерального штаба. Кроме того, прослужив многие годы в столице, он слыл светским человеком, мастером организации различных

застольи и праздников, на которых достаточно близко познакомился с великим князем. Он не проявлял должной решительности, не пользовался необходимым для столь высокой должности влиянием в правительственных сферах и авторитетом в войсках. Зато он умел во всем угождать великому князю, не оспаривал его решений и не конфликтовал с подчиненными генералами.

В августе 1914 года генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал-лейтенант Юрий Никифорович Данилов.

Он родился 13 августа 1866 года в Киеве в дворянской семье. В 1883 году окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, в 1886 году – Михайловское артиллерийское училище, произведен в подпоручики и направлен в 27-ю артиллерийскую бригаду. После окончания в 1892 году Академии Генерального штаба по первому разряду продолжал службу в штабе Киевского военного округа, капитан.

С 1898 года в Генеральном штабе – помощник делопроизводителя канцелярии комитета по мобилизации войск, с 1903 года – штаб-офицер Генерального штаба при Главном штабе, с 1904 года – начальник отделения Главного штаба, с 1905 года – начальник отделения Главного управления Генерального штаба, с 1906 года – помощник первого обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба.

С 1906 по 1908 год командовал 166-м пехотным Ровненским полком, но затем снова вернулся на службу в Генеральный штаб, где был назначен на должность обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, получил звание генерал-майора.

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал-от-инфантерии Н. Н. Янушкевич и генерал-квартирмейстер, генерал-от-инфантерии Ю. Н. Данилов (февраль 1915 г.).

Генералы Н. Н. Янушкевич и Ю. Н. Данилов.

С 1909 по лето 1914 года – генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба. Одновременно, с 1910 года, – председатель крепостной комиссии при Главном управлении Генерального штаба, с 1913 года – генерал-лейтенант. Напрямую занимался вопросами подготовки России к войне, разработкой оперативных планов.

После начала Первой мировой войны Ю. Н. Данилов был назначен генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. За отличия в Галицийской битве был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, с конца 1914 года – генерал от инфантерии. Играл ключевую роль в планировании военных операций в русской армии в 1914–1915 годах в условиях, когда начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич не имел стратегического опыта. Правда, его деятельность на посту генерал-квартирмейстера штаба Ставки вызывала критические отзывы.

У Ю. Н. Данилова, безусловно, были достаточно профессиональные знания, а также навыки в составлении мобилизационных планов в мирное время. Энергия и волевые качества делали этого человека одним из самых влиятельных и авторитетных руководителей Ставки, к мнению которого прислушивались не только на фронтах, но и в столице. «В моей

памяти, – отмечал один из его однополчан Б. В. Геруа, – Юрий Никифорович стоит как один из лучших офицеров нашего Генерального штаба, серьезный и трудоспособный». Подчеркивалось также отсутствие у него боязни брать на себя ответственность за принятие решения.

Но он, к сожалению, также не имел практики планирования и проведения стратегических операций и руководства войсками в ходе войны.

Генерал А. А. Брусилов называл в своих воспоминаниях Данилова «человеком узким и упрямым». Он писал: «Его доклады, несомненно, влияли в значительной степени на стратегические соображения Верховного главнокомандующего, и нельзя не признать, что мы иногда действовали в некоторых отношениях наобум и рискованно разбрасывались – не в соответствии с теми силами, которыми мы располагали».

Генерал П. К. Кондзеровский, занимавший должность дежурного генерала при Верховном главнокомандующем, писал: «Генерал-квартирмейстер сразу занял в нашем Штабе более возвышенное положение, чем ему полагалось. Этому в значительной степени способствовали и свойства характера Ю. Н. Данилова, человека крайне властного, самолюбивого, с очень большим о себе мнением. Я считал его безусловно умным человеком, но иногда, в дни успехов на фронте, он изображал из себя чуть ли не гения, великого полководца, и это было уже слишком».

Генералы Н. Н. Янушкевич и Ю. Н. Данилов с чинами Ставки Верховного главнокомандующего. Зима 1915 г.

Из дневника великого князя Андрея Владимировича: «Данилов (Черный) – сухой педант. Жизни не знает. Нравственный элемент, который составляет главный успех боя, он не понимает и с ним не считается. Ведь на карте, на которой он орудует, нет людей. Есть кружки, означающие корпуса. Есть известное между ними расстояние, а всякий успех, стоивший десятки тысяч жертв, отражается на карте только тем, что наносится новый кружок, впереди старого. И печатают в газетах, такой-то город взят. А что это стоило усилий, потерь – эта ему область недоступная. Ведь что нам стоила эта стратегическая операция отхода всех армий за Сан и Вислу. Сколько напрасных жертв, а главное – моральных страданий для тех войск, которые должны были отступить назад, бросив кровью взятые места. Кто возместит эту нравственную муку? А без этой нравственной веры победы не бывает».

Протопресвитер Георгий Шавельский дал такую характеристику Данилова: «Честный, усидчивый, чрезвычайно трудолюбивый, он, однако, – думаю мне, – был лишен того «огонька», который знаменует печать особого Божьего избрания. Это был весьма серьезный работник, но могущий быть полезным и, может быть, даже трудно заменимым на вторых ролях, где требуется собирание подготовленного материала, разработка уже готовой, данной идеи. Но вести огромную армию он не мог, идти за ним всей армии было не безопасно. Я любил ген. Данилова за многие хорошие качества его души, но он всегда представлялся

мне тяжкодумом, без «орлиного» полета мысли, в известном отношении – узким, иногда наивным... Большое упрямство, большая, чем нужно, уверенность в себе, при недостаточной общительности с людьми и неумение выбрать и использовать талантливых помощников, дополняли уже отмеченные особенности духовного склада ген. Данилова».

В августе 1915 года, после перевода великого князя Николая Николаевича на должность наместника Кавказа, Ю. Н. Данилов также был вынужден покинуть свою должность в Ставке. Был назначен командиром 25 армейского корпуса. С 1916 года – исполняющий должность начальника штаба Северного фронта (при командующем генерале Николае Владимировиче Рузском). В этом качестве присутствовал при отречении от престола императора Николая II. В 1917 году – командующий 5-й армией. Наладил отношения с армейским комитетом, пытался укрепить дисциплину, однако его меры в условиях развала армии не привели к успеху. Летом 1917 наступление его армии завершилось неудачей.

С сентября 1917 года Ю. Н. Данилов находился в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. В Петрограде он и встретил революционные события конца октября 1917 года. О его отношении к новой власти и деятельности в конце 1917 года неизвестно. Но известно, что с начала 1918 года Ю. Н. Данилов служил Советской власти, возглавлял группу военных экспертов при советской делегации на переговорах с центральными державами в Брест-Литовске. По его инициативе эксперты направили на имя главы советской делегации Г. Я. Сокольникову записку с аргументами против заключения Брестского мира, которая не была принята во внимание. В марте 1918 года он входил в состав Комиссии военных специалистов по выработке плана преобразования военного центра для реорганизации армии, однако этот план не был утвержден Советом народных комиссаров.

25 марта 1918 года Данилов вышел в отставку и уехал на Украину. Затем он оказался в расположении Добровольческой армии. Осенью 1920 года он занимал пост помощника начальника Военного управления русской армии в Крыму. Оттуда эмигрировал в Константинополь, затем жил в Париже, где и скончался 3 февраля 1937 года. Он стал автором нескольких военно-исторических трудов, посвященных участию русской армии в Первой мировой войне. В их числе «Россия в мировой войне 1914–1915 годов», который вышел в свет в Берлине в 1924 году, «Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче», изданные в Париже в 1929 году, «Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918». – Париж, 1933 год, «Великий князь Николай Николаевич». – Париж, 1930 год, и его главный труд – «На пути к крушению», который был издан в России в 1992 году.

Император Николай II

С августа 1915 года по конец февраля 1917 года должность Верховного главнокомандующего российской армией занимал император Николай II, который пытался совместить эту должность с обязанностями правителя великой страны. В то время в Российской империи влияние императора на все стороны жизни страны и общества было абсолютным. Он мог принимать законы, объявлять войну, назначать правительство, по своему усмотрению менять высших военачальников. Об императоре Николае II написано много книг, и нет необходимости пересказа хорошо всем известных событий. Поэтому, коротко напомнив основные моменты из биографии этого человека, я постараюсь остановиться только на одной стороне его деятельности, а именно военной, как правителя воюющей страны, а затем Верховного главнокомандующего ее вооруженными силами.

Николай II, который взошел на престол Российской империи после смерти его отца Александра III в ноябре 1894 года, был единовластным правителем великой державы по праву своего рождения, но не в силу выдающегося интеллекта или организаторских качеств. Безусловно, в детстве он получил хорошее домашнее образование в объеме расширенного гимназического курса. Затем, также в домашней обстановке, обучался специально назначенными профессорами тем наукам, которые считались необходимыми для наследника престола. К двадцати двум годам великий князь завершил обучение по программе, соединившей курс государственного и экономического отделений юридического факультета университета с курсом Академии Генерального штаба.

Перечень образовательных учреждений очень серьезный, но он не должен вводить в заблуждение. По своей сущности это был общепознавательный курс, не требовавший конкретных знаний и их проверки даже путем теоретических экзаменов. Считалось, что наследник престола в процессе своей жизни и деятельности закрепит и пополнит эти знания практикой. Но Николай Александрович всегда тяготился учебой и не желал продолжать ее в последующем, в том числе и в военной области. Поэтому после завершения обязательного курса обучения в 1890 году он записал в своем дневнике: «Сегодня окончательно и навсегда прекратил свои занятия...»

В то же время связь с армией, как считал сам Николай Александрович, у него была достаточно прочной. Она началась с того, что в возрасте 19 лет он, получив под начало эскадрон лейб-гусарского полка, отправился с ним на маневры под Красное Село, расположенное неподалеку от Петербурга. При этом сам командир эскадрона, «сняв частный дом с кабинетом, спальней, столовой и балконом, выходящим в сад, наслаждался радостями «походной жизни». В письме к матери он писал: «Теперь я вне себя от радости служить и с каждым днем все больше свыкаюсь с лагерной жизнью. Каждый день у нас два занятия: или утром

стрельба, а вечером батальонные учения, или, наоборот, утром батальонные учения, вечером стрельба. Обеды очень веселые, кормят нас замечательно. После еды господа офицеры... играют в бильярд, кегли, карты и домино».

Красное Село было традиционным местом для смотра императором столичной гвардии, который больше походил на парад, чем на реальные войсковые учения. Кроме того, нужно понимать, что над эскадроном, возглавляемым цесаревичем, войсковым начальством была установлена особая опека. Поэтому не удивительно, что «лейб-гусары наследника на смотре показали себя молодцами и были удостоены особой похвалы», а за сами маневры наследник был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, который в результате долголетней прилежной службы мог получить полковник.

Бурной была представительская жизнь будущего наследника престола. Официальные приемы, визиты, посещения театров, заседания в различного рода ведомствах. Но Николай Александрович, прежде всего, считал себя человеком военным и больше всего любил военные маневры и всевозможные смотры. Но при этом к маневрам, которые должны были прививать ему навыки управления войсками, он относился, как к играм, которые гармонично совмещались с другими забавами, вплоть до интимных. «Зимний сезон сменился летним, – пишет в своем дневнике великий князь. – Начинаются усиленные военными учениями смотры, подготовка к большим маневрам, переезд в лагерь...» И тут же встреча с балериной Матильдой Кшесинской. И далее – ни слова о маневрах, о тактике действий войск. Зато сколько восторга о выступлении Кшесинской!

В последующем по своему положению наследника-цесаревича Николай Александрович должен был присутствовать на всех крупных воинских учениях. Замыслы и планы этих мероприятий разрабатывались Генеральным штабом или штабами военных округов, готовились и проводились они войсковыми командирами. Представители же рода Романовых прибывали на учения не в качестве руководителей, а как почетные гости. Они проводили смотры, наблюдали за передвижением войск, а затем раздавали награды на разборах. За это сами «высочества» также отмечались очередными орденами и чинами.

Смерть отца, последовавшая в ноябре 1894 года, застала Николая Александровича командиром батальона лейб-гвардии Преображенского полка в чине полковника. Эти погоны, а следовательно, и воинское звание, он носил до февраля 1917 года, даже будучи Верховным главнокомандующим Вооруженными силами России. В последующем одни считали это проявлением скромности, другие – мистическим знаком того, что выше командира батальона по своим военным качествам император так и не поднялся...

Но сам Николай Александрович думал совсем по-другому. Постоянно встречаясь с высшим генералитетом, заслушивая различные доклады военного министра и начальника Генерального штаба, присутствуя на маневрах и проводя смотры войск, он считал себя если не специалистом, то достаточно хорошим знатоком военного дела.

Став императором Николаем II, он считал, что Российская империя должна время от времени доказывать миру свою значимость, в том числе и с помощью военной силы. В 1900 году она ввязалась в войну в Китае, защищая свои интересы в Маньчжурии. Но война против китайских повстанцев («боксеров») для участвовавших в ней российских войск не стала серьезным испытанием. В то же время она убедила императора в его возможности влиять на мировое развитие с помощью находившейся в его распоряжении военной силы.

В 1904 году началась Русско-японская война, завершившаяся полным поражением России. В этой войне неудачи преследовали русскую армию. 20 декабря 1904 года (2 января 1905 г.) капитулировал гарнизон Порт-Артура. За время героической обороны крепости русские войска потеряли 10 634 человека убитыми и умершими от ран, 24 146 ранеными, что составляло более 60 % от общей численности гарнизона. При этом потери японцев составили около 110 тысяч человек убитыми и ранеными.

Приезд императора и императрицы в Москву.

Император был огорчен этим фактом. В своем дневнике на следующий день он записал: «Получил ночью потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то значит воля Божья!» И уже через два дня правитель страны пишет: «Гулял с удовольствием, погода была мягкая. Много читал».

В феврале русская армия потерпела тяжелое поражение в Мукденском сражении и отступила на Сыпингайские позиции. По этому поводу 25 февраля император сокрушался: «Опять скверные известия с Дальнего Востока: Куропаткин дал себя обойти и уже под напором противника с трех сторон принужден отступить к Телину. Господи, что за неудачи».

В мае 1905 года у островов Цусима японский флот разгромил российскую эскадру вице-адмирала З. П. Рожественского, что окончательно утвердило господство противника на Тихом океане и предрешило исход всей войны. 19 мая в дневнике императора по этому поводу значится: «Теперь подтвердилось ужасное известие о гибели почти всей эскадры в двухдневном бою. Сам Рожественский, раненный, взят в плен!! День стоял дивный, что прибавило еще больше грусти на душе».

Военные неудачи на суше и море вынудили российское правительство искать другие пути урегулирования военного конфликта. 24 июля (6 августа) 1905 года в американском городе Портсмуте начались мирные переговоры. Условия, первоначально выдвинутые японцами, предусматривали передачу им Сахалина, Камчатки, Уссурийского края, Приморской области, Квантунского полуострова со всеми его сооружениями и выплату Россией контрибуции в размере 3 млрд рублей. Начались дипломатические «торги», которые продолжались в течение месяца. Наконец, 23 августа (5 сентября) мирный договор был подписан. Россия признала за Японией преобладание ее интересов в Корее, уступила ей право на аренду Квантунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, передала без оплаты Южную ветку КВЖД от Харбина до Порт-Артура со всем имуществом и южную часть Сахалина. Прямой материальный ущерб, понесенный Россией в ходе войны, составил 2295 млн рублей. Людские потери русской армии и флота достигли 270 тысяч человек. Такого поражения империя не знала более 400 лет, со времен Смутного времени. Император же 17 августа в дневнике пишет: «Ночью пришла телеграмма от Витте с извещением, что переговоры о мире проведены окончательно. Весь день ходил как в дурмане после этого!» И тут же: «Поехали в Красное Село на Егерский праздник, который прошел прекрасно. После завтрака снялся с группой офицеров. Погода была прекрасная...»

Безусловно, выдержки из дневника не могут абсолютно достоверно передавать настроения императора в дни, трагические для русской армии, флота и всего государства. Нет сомнений, что он переживал и военные неудачи, и поражение своей державы в войне с Японией. Но то, что Николай не чувствовал себя прямым виновником этих несчастий, не оставляет сомнений.

Поражение в войне ввергло Россию в смуту 1905–1906 года, позже названную «первой революцией». Народные выступления произошли во многих городах и селах. Для их подавления были применены войска, которые производили карательные экспедиции. Император хорошо знал об этом. 19 декабря 1905 года он пишет: «В Москве, слава богу, мятеж подавлен силою оружия».

Революция коснулась также армии и флота. Невыносимые условия службы «низших чинов» и откровенно барское поведение некоторых офицеров и генералов, низкий уровень их профессиональной подготовки уже не вписывались в рамки времени. И это не удивительно. Прогресс шел по Земле семимильными шагами, а Россия все еще ориентировалась на явно устаревшие принципы ведения войны. И то, что уже на полях Маньчжурии дали о себе знать пулеметы, скорострельные артиллерийские орудия, новые средства управления войсками, практически никак не влияло на систему подготовки войск.

В то же время несогласованность между косностью во взглядах императора и высшего генералитета на прогресс и уровнем развития солдатских масс привела к антиправительственным вооруженным выступлениям. Требовались принципиальные оценки состояния Вооруженных сил и их немедленное реформирование. Император понимал это, но плохо представлял пути решения проблемы. Для него всякое проявление протеста было только бунтом, который нужно всеми мерами пресекать. Так, 15 июня 1905 года в его дневнике имеется такая запись: «Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда пришедшего туда броненосца «Князь Потемкин-Таврический» взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе. Просто не верится!» И никакой оценки событиям, предшествовавшим этому «бунту».

Пятью днями позже: «Черт знает, что происходит на Черноморском флоте. Три дня тому назад команда «Георгия Победоносца» присоединилась к «Потемкину», но скоро опомнилась, просила командира и офицеров вернуться и, раскаявшись, выдала 67 зачинщиков... На «Пруте» были также беспорядки, прекращенные по приходу транспорта в Севастополь».

Не вдаваясь в причины бунта, император пишет: «Лишь бы удалось удержать в повиновении остальные команды эскадры! За то надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников».

Но после подавления восстания на «Потемкине» положение в армии и на флоте не улучшилось. В результате – во второй половине июля 1906 года вспыхнули мятежи в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле. В противодействие им правительством учреждаются военно-полевые суды, которые за восемь месяцев вынесли более тысячи смертных приговоров.

К неудачам Русско-японской войны и революционным выступлениям в России для императора добавились и личные переживания, связанные с болезнью единственного сына и наследника, давлением жены, появлением в их жизни Распутина.

Наследник Алексей родился 30 июля 1904 года, после десяти лет супружеской жизни Николая II и Александры Федоровны, урожденной принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской. Немка по происхождению и воспитанная в чисто немецком духе, она хоть и приняла при браке православие и имя Александры Федоровны, но не смогла изменить своей натуре. В чуждой и враждебной ей атмосфере русского императорского двора она жила в постоянном страхе перед актами террора в отношении царя. Болезненная, крайне застенчивая, неимоверно страдающая при исполнении своих официальных функций, она редко появлялась в санкт-петербургском обществе, довольствуясь узким кругом склонных к мистицизму друзей.

В то же время она не была лишена амбиций. После рождения престолонаследника она стала демонстративно уделять внимание делам государственным, поскольку самодержавие отныне символизировало уже не только власть ее мужа, но и будущее ее сына, который должен был стать истинным самодержцем. В ее экзальтированном сознании православие и

самодержавие были неотделимы. Она верила в мистическое единение короны и народа и страшилась самой идеи ограничения самодержавной власти.

Торжественный молебен по случаю начала Первой мировой войны.

Идея самодержавия была слишком прочна в России в начале XX века. Она не позволяла обществу как-либо влиять на внешнюю и внутреннюю политику государства. Это также касалось и вопросов военного строительства. Всякие попытки коллегиального обсуждения и решения важнейших проблем превращались в фарс. Так, в июне 1905 года, еще во время войны с Японией, был создан Совет Государственной обороны, призванный определять все направления военного строительства. Но император счел для себя лишним возглавить этот орган, поручив его великому князю Николаю Николаевичу. В результате хорошее начинание было похоронено в зародыше. Заседания Совета государственной обороны П. А. Столыпин называл «бедламом», великий князь Сергей Михайлович – «кошачьим концертом», а генерал Палицын – один из инициаторов его создания – просто «кабаком». В результате столь «плодотворной» работы в 1909 году Совет Государственной обороны был упразднен.

Деятельность Совета совпала с периодом управления Военным министерством генерала А. Ф. Редигера, который занял этот пост в 1906 году. Редигер, как и великий князь Николай Николаевич, не участвовал в войне с Японией и, следовательно, имел полное право критиковать действия тех военачальников, которым пришлось принимать решения непосредственно на полях сражений. Правда, несомненной заслугой Редигера стало то, что именно он организовал опрос участников войны на предмет выявления слабых сторон русской армии. На основе этого опроса работала комиссия и были выработаны некоторые рекомендации. Но сам Николай II ходом работы этой комиссии интересовался очень мало, ограничиваясь периодическими докладами военного, морского министров и некоторых родственников, занимавших высшие посты по линии военного и морского ведомств.

Судя по дневниковым записям, император продолжал считать армию и флот слепым орудием его политики, не имеющим права на какие-либо требования в свой счет. Тем не менее, в период с 1905 по 1914 год Николай II санкционировал проведение ряда мероприятий, направленных на улучшение состояния Вооруженных сил державы, которые были представлены двумя видами – Сухопутными войсками (армией) и Военно-морскими силами (флотом). Правда, реально его работа заключалась в назначении новых министров и утверждении бюджета, направляемого в соответствующие министерства.

Первый «решительный» шаг был сделан в армии. В марте 1909 года А. Ф. Редигер на посту военного министра был заменен В. А. Сухомлиновым, который начал активно проводить в жизнь отдельные мероприятия военной реформы. Этот человек стал вдохновителем и главным проводником военной политики Николая II накануне и в начале Первой мировой войны. Вступив на пост военного министра, Владимир Александрович в качестве основных определил следующие задачи: упрощение организации войск и военного управления, усиление материальной основы армии, реформирование территориальной системы, сосредоточение внимания на полевых войсках, некоторое изменение дислокации войск, упразднение резервных войск и крепостной пехоты.

Однако на деле, по разным причинам и, главное, из-за косности мышления высшего военного руководства, решение задач реформирования армии осуществлялось медленно, не всегда велось в правильном направлении. Перевооружение происходило в основном за счет закупок оружия за рубежом, прежде всего во Франции, так как собственная военная промышленность России была очень слабой. Мало внимания уделялось освоению новой техники – самолетов, автомобилей, пулеметов, новых средств управления.

Сухомлинов, как утверждают современники, не терпел рядом с собой умных и инициативных генералов. Следствием этой кадровой политики стало назначение в 1911 году начальником Генерального штаба вначале «человека в футляре» генерала Я. Г. Жилинского, а в 1914 году – совершенно безвольного генерала Н. Н. Янушкевича, которые, в свою очередь, старались окружить себя «удобными» людьми, которые подбирались не по деловым качествам, а в результате оценки совсем других критериев. В результате этого Генеральный штаб, являвшийся высшим органом оперативно-стратегического управления сухопутными войсками России, вскоре превратился в огромную канцелярию в худшем смысле этого слова. Работники Генерального штаба буквально утопали во всевозможной переписке по самым различным вопросам вместо того, чтобы заниматься конкретным планированием операций и подготовкой войск.

Вторым шагом Николая II в области укрепления обороноспособности страны стало назначение в марте 1911 года морским министром деятельного адмирала И. К. Григоровича, который всеми силами добивался создания в России мощного Военно-морского флота, практически уничтоженного во время Русско-японской войны в 1904 и 1905 годах. Его старания принесли ощутимые плоды. К 1914 году Россия имела 9 линкоров, 14 крейсеров, 71 эсминец и 23 подлодки. На верфях были заложены новые эсминцы, считавшиеся в то время лучшими в мире, линкоры, велась разработка первых в мире тральщиков. Однако эта большая работа, требовавшая огромных капиталовложений, привела к настоящему противоборству между морским и военным министерствами, каждое из которых постоянно требовало все новых и новых денег. Под давлением Великобритании и негласной поддержкой Франции в этой борьбе, как правило, побеждало морское министерство, в результате чего образовался серьезный дисбаланс в развитии видов Вооруженных сил России.

Император в последние предвоенные годы фактически не вмешивался в процесс военного строительства, ограничиваясь посещением маневров войск, подписанием указов о назначении и награждении высших военачальников. Его попытками оценить командные качества высших военачальников Российской армии стали военные игры. Но военная игра, которая должна была состояться в декабре 1910 года в Зимнем дворце, встретила сильное противодействие со стороны генералитета, боявшегося экзамена, и за час до начала была отменена. Вторая военная игра с этой же целью, состоявшаяся в апреле 1914 года в Киеве, не дала результатов по причине военной необразованности самого императора. Не обладая даром стратега, Николай II не мог судить о решениях высших военачальников и ограничивался оценкой четкости их докладов.

Судьбоносными для России стали и внешнеполитические шаги Николая II. Они чаще становились следствием его личной привязанности к какой-либо стране или правителю, чем заботы о благе государства и народа.

При этом специалисты отмечают, что Николай II не являлся реальным верховным руководителем внешней политики страны, как было предусмотрено законодательством. Дело заключалось не только в его личных качествах (хотя их нельзя игнорировать), но в определенной перестройке внешнеполитического аппарата.

Николай II на смотре войск на Дворцовой площади.

Когда этот процесс начался, точно установить трудно. Эволюция протекала медленно, камуфлировалась и не была достоянием гласности. В целом же это общее тогда для многих стран явление дало различные последствия. В одних государствах усилилось влияние прессы и общественного мнения, в других – парламента и политических партий. В России, сделавшей в 1905–1907 годах лишь второй шаг в сторону буржуазной монархии, этот процесс привел к росту значения бюрократии на всех стадиях принятия решений по иностранным делам.

В начале XX столетия под давлением внешних и внутренних сил и по воле императора происходила переориентация России в отношении ее потенциальных врагов и союзников. На протяжении многих десятилетий Россия была союзником Австрии и германских земель против Турции и Франции. Правящий дом Романовых фактически состоял из немцев. Со времен Екатерины II в венах его представителей не было ни капли русской крови, зато там было предостаточно крови немецкой. Не зря Николай II называл германского императора Вильгельма II «дядя Вилли». В эти же десятилетия Франция и Англия ни разу не пришли на помощь России в трудную минуту. Зато английские, французские и турецкие войска вторглись на территорию Крыма и обильно полили ее русской кровью во время Восточной войны 1854–1856 годов. Несмотря на это, Николай II заключил военно-политический союз с далекими от России Англией и Францией против близкой ему Германии.

Исследователи считают, что главной причиной сближения России с Францией стали займы. Уже в начале войны с Японией императору внушили мысль, что собственными силами Россия с этой задачей не справится, и посоветовали обратиться к Западу. И мае 1904 года в Россию из Франции поступили первые 300 млн рублей займа. В последующем эта практика была продолжена, особенно накануне Первой мировой войны. В начале 1914 года для обустройства стратегических железных дорог в своих западных районах, то есть для последующей переброски войск против Германии и Австро-Венгрии, Франция «любезно» предоставляет России новый заем на 5 лет в размере 500 млн франков ежегодно. К тому времени общая сумма займов российского правительства достигла 9 млн рублей, из которых половина поступила из Франции. Кроме того, из 2 млрд рублей частных инвестиций в российскую экономику более 650 млн также были французскими. Под таким бременем долгов Россия уже не была способна противостоять политическому давлению Парижа.

Были и другие просчеты. Так, узнав о подготовке агрессии Турции против Балканских стран, летом 1912 года русский император создал военно-политический союз России, Сербии, Черногории, Греции и Болгарии против этой страны. Это обострило отношения между Россией с одной стороны, Австрией и Германией – с другой. Причем последним удалось поссорить бывших союзников. Первой от союза откололась Болгария, которая в 1913 году подверглась ударам со стороны Сербии и Греции, к которым присоединилась Румыния. Воспользовавшись ситуацией, с попустительства России «куснула» Болгарию и Турция, отняв у нее Фракию и Андрианополь. В результате вчерашние союзники стали заклятыми врагами, и вся работа русской дипломатии на Балканах пошла прахом. В последующем ее внимание было сосредоточено на Сербии, от которой, казалось, зависела дальнейшая судьба россий-

ского народа. Именно это обстоятельство и стало определяющим в поведении России и ее императора в 1914 году.

«Николаю II, – отмечал русский историк и публицист Н. Н. Фирсов, – судьба дала слабые силы и огромную власть. Получилось роковое противоречие, повлекшее за собой ту неразбериху, которой характеризуется все его царствование от начала до конца. Кто только тут не направлял слабые руки «самодержца!» В 1907–1914 годах эти руки направляли профессионалы – политики и дипломаты. Тенденция падения значения монархического принципа в сфере дипломатии была характерна в то время для всех европейских стран, и Россия не составляла исключения.

Николай II был фактически отторгнут и от внутренней политики. В 1905 году, в дни «кровавого воскресенья», произошел разрыв духовных связей между трон и рабочими, промышленным пролетариатом. В глазах многих император стал «Николаем Кровавым». «Кризис 1905 года окончательно решил его судьбу», – пишет американский историк Э. Вернер, в 1990 году выпустивший в США книгу о Николае II. 8 июля 1906 года в результате роспуска первой думы, обсуждавшей вопрос о земельной реформе, была разрушена вера крестьянства в царя как «носителя народной правды». Излюбленной же мечтой Николая II, которой он не раз делился со своей матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, было сблизиться с людьми, находящимися вне круга интеллигентов, профессиональных политиков и государственных деятелей.

«Удивительно, насколько по-разному относились к власти царь и царица, – отмечал в воспоминаниях «Россия на историческом повороте» бывший премьер-министр А. Ф. Керенский. – Александра Федоровна воспринимала свое право на власть честолюбиво и вполне осознанно. Николай II покорно нес ее бремя. Он всегда помнил, что рожден «в день праздника великого долготерпения». В. Н. Коковцев, близко знавший императора, утверждал, что по натуре своей Николай II был превосходным конституционным монархом. Однако в силу присущего ему упрямства он продолжал вести себя как самодержец даже после того, как даровал России конституцию. Возможно, причина его безучастности в момент, когда он был вынужден отречься от престола, крылась в том, что в освобождении от бремени власти он видел промысел Божий, поскольку сам, добровольно не мог сложить ее, связанный клятвой помазанника Божьего. Повседневная жизнь монарха была для него непереносимо утомительной. Он не испытывал ни малейшего желания бороться за утраченную власть».

В начале царствования Николай II, свято чтивший память своего отца, тем не менее, проявил особое стремление как можно скорее расстаться с его сотрудниками, как бы опасаясь их влияния и давления на свою волю и решения. Боязнь чужого влияния можно объяснить и то охлаждение, которое быстро наступало в отношениях императора к тем министрам, которые выделялись своими дарованиями, знаниями и независимостью взглядов. Люди же, внешне вкрадчивые и обаятельные, легко приспосабливающиеся к любым требованиям, лукаво не мудровавшие, были лично ему приятны. Как часто бывает с людьми слабевольными, показывая себя требовательными к тем, кто стоит от них на известном расстоянии, они легко сдают перед теми, кто им близок. Так случилось и с Николаем II, на которого влияние его супруги росло с каждым днем. К тому же он был глубоко верующим человеком. Современники утверждают, что в его вагоне находилась целая молельня из образов и всяких предметов, имевших отношение к религиозному культу. Будучи в Ставке, он не пропускал ни одной церковной службы.

«Вера в государя, – подчеркивал Ю. Н. Данилов, – несомненно, поддерживалась и укреплялась с детства понятием, что русский царь – помазанник Божий. Ослабление религиозного чувства, таким образом, было бы равносильно развенчиванию собственного положения.

Не рассчитывая на свои силы и привыкнув недоверчиво относиться к окружавшим его людям, император Николай II искал поддержки себе в молитве и чутко прислушивался ко всяким приметам и явлениям, кои могли казаться ниспосылаемыми ему свыше. Отсюда – его суеверие, увлечение одно время спиритизмом и склонность к мистицизму, подготовившие богатую почву для разного рода безответственных влияний на него со стороны. И действительно, в период царствования этого государя при дворе не раз появлялись ловкие авантюристы и проходимцы, приобретающие силы и влияние. Рядом с религиозностью, суеверием и мистикой в натуре императора Николая II уживался и какой-то особый восточный фатализм, присущий, однако, и всему русскому народу. Чувство это отчетливо выразилось в народной поговорке: «От судьбы не уйдешь».

Император и его министры.

Николай слабо верил в возможность войны России с Германией. 8 (20) июля 1914 года, ожидая прибытия президента Франции Раймона Пуанкаре в Петербург, император сказал французскому послу М. Палеологу: «Я не могу поверить, чтобы император Вильгельм желал войны... Если бы вы его знали, как я».

Узнав, что Австро-Венгрия объявила войну Сербии, русский император тут же послал телеграмму своему немецкому кузену. «В этот особенно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи, – писал он. – Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая производящему на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые приведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как Европейская война, я умоляю тебя, во имя нашей старой дружбы, сделать все возможное в целях недопущения твоих союзников зайти слишком далеко». Следовательно, император опасался войны России с Австро-Венгрией и просил Вильгельма воздействовать на Вену с тем, чтобы не допустить этого. Сама Германия в качестве врага все еще не рассматривалась.

В Берлине также не желали войны с Россией. 16 (29) июля Вильгельм телеграфировал в Петербург: «... Я считаю вполне возможным для России остаться только зрителем австро-

сербского конфликта и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей когда-либо приходилось видеть. Полагаю, что непосредственное соглашение твоего правительства с Веней возможно и желательно, и, как я уже телеграфировал тебе, мое правительство прилагает все усилия к тому, чтобы достигнуть этого соглашения».

Но в это время в России уже была объявлена частичная мобилизация, приведшая в движение огромную военную машину. Не увидеть этого в Берлине не могли. Поэтому утром 17 (30) июля Николай направил туда очередную телеграмму с объяснениями происходящего. «...Военные приготовления, вошедшие теперь в силу, были решены пять дней тому назад как мера защиты ввиду приготовлений Австрии, — оправдывался он. — От всего сердца надеюсь, что эти наши приготовления ни с какой стороны не помешают твоему посредничеству, которое я высоко ценю. Необходимо сильное давление с твоей стороны на Австрию для того, чтобы она пришла к соглашению с нами».

В этот же день к императору прибыл на доклад министр иностранных дел Сазонов. Он убедил его в неизбежности войны и в необходимости приступить к всеобщей мобилизации.

— Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей! — сокрушался Николай II.

— Мы сделали все, чтобы избежать войны, — заверил императора министр. — Но эта война навязана нам злою волей врагов, решивших упрочить свою власть поработением наших естественных союзников на Балканах и уничтожением нашего исторически сложившегося влияния с том районе. Это было бы равносильно обречению России на жалкое существование, зависимое от произвола центральных империй.

— Вы правы, — с трудом выдавил из себя самодержец. — Нам ничего другого не остается делать, как ожидать нападения. Передайте мое приказание о мобилизации.

На следующий день он направил в Берлин следующую телеграмму: «По техническим причинам невозможно приостановить нами военные приготовления, которые явились неизбежным последствием мобилизации Австрии... Пока будут длиться переговоры с Австрией... мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Даю тебе в этом мое слово».

Весть о мобилизации русской армии была однозначно воспринята в Берлине. В полночь 18 (31) июля германский посол граф Пурталес появился в кабинете Сазонова и вручил ему германский ультиматум с требованием в течение 12 часов прекратить мобилизацию. К полудню следующего дня Россия не дала ответа, и кайзер приказал начать общую мобилизацию в Германии. В 19.10 Пурталес вручил Сазонову ноту своего правительства с объявлением войны.

Вполне понятно, что после всех описанных выше событий начало Первой мировой войны император воспринял, как должное. В своем дневнике по этому поводу 19 июля он записал: «Погоулял с детьми. В 6 1/2 поехал ко всенощной. По возвращении оттуда узнал, что Германия объявила нам войну». И на следующий день: «Хороший день, в особенности в смысле подъема духа... В 2 1/4 отправился на «Александрии» в Петербург и на карете прямо в Зимний дворец. Подписал манифест об объявлении войны. Из Малахитовой прошли выходом в Николаевскую залу, среди которой был прочитан манифест и затем отслужен молебен. Вся зала пела «Спаси, Господи» и «Многие лета». Сказал несколько слов. При возвращении дамы бросились целовать руки и немного потрепали Аликс и меня. Затем мы вышли на балкон на Александровскую площадь и кланялись огромной массе народа...»

И это правда. Весть о начале войны России с Германией и Австро-Венгрией была с воодушевлением встречена в русском обществе. Сказалось многое: и желание реабилитировать страну после поражения в войне с Японией, и дух освободителей Балкан 1878 года, и еще что-то другое, свойственное только бесшабашной удали русского человека. Свидетель этих событий великий князь Андрей Владимирович в своем Военном дневнике записал:

«18 июля 1914 года была объявлена мобилизация, а 20 июля манифест возвещал об объявлении войны Германии. Итак, началась всеобщая европейская война.

Истории возникновения отдельных событий я касаться не буду. Скажу лишь, что в России война была встречена с большим подъемом, но без лишнего хвастовства. Все трезво смотрели на грядущие события и ясно сознавали, что война будет тяжелой, упорной.

Торжественный молебен и чтение манифеста в Николаевском зале Зимнего дворца оставили на всех глубокое впечатление. Посреди залы наши святыни: образ Спасителя из домика Петра Великого и Казанская Божья Матерь. Когда певчие запели «Спаси, Господи», все запели хором и почти у всех на глазах заблестали слезы.

Речь Государя еще больше подняла настроение. В его простых словах звучали, как у Апостола, силы с неба, казалось, что Господь всемогущий через него говорил с нами, и, когда он сказал: «Благословляю вас на ратный бой», – все встали на колени. Особенно сильно было сказано: «Я здесь перед вами торжественно заявляю, доколе хоть один неприятель останется на земле русской, я не заключу мира». Эти слова были покрыты таким «Ура!», которого никто никогда не слышал. В этом несмолкаемом звуке как будто звучал ответ Создателю на Его призыв стать всем на защиту Родины, Царя и погранных прав нашей великой Родины.

Государь Николай II принимает раненого генерал-лейтенанта Глеба Григорьевича Волкова при въезде в г. Ясень.

Приезд императора в Ставку.

Из Николаевского зала Государь прошел на балкон, выходящий на Александровскую площадь. Вся она была заполнена сплошь народом, от дворца вплоть до зданий штабов (Генерального и Главного. – *авт.*). При появлении Государя все встали на колени. В эти короткие минуты Россия переродилась. Самосознание воскресло у всех, чувство долга стало на первое место...

Итак, по свидетельству современников, вступление России в войну, как следствие проводимой международной политики правительством Николая II, российским народом было воспринято положительно. При этом на улицах совершенно искренне звучали слова: «Вера, Царь, Отечество». Император, как никогда прежде, вплотную приблизился к своему народу, и народ искренне желал этого сближения. В июльские дни 1914 года страна представляла собой монолит, скрепленный идеологическим цементом, который можно было использовать для любого великого дела. Но для этого нужно было в тонкостях знать искусство управления и иметь железный характер, чего Николаю II явно не доставало.

С началом военных действий Николай II стал царем воюющей страны, практически не поняв своего отличия от царя страны мирного времени. В его дневнике до конца июля содержатся только записи о дворцовых приемах и докладах различных чинов, и только 29 о том, что «27 июля наши 10-я и 11-я кавалерийские дивизии, перейдя границу, начали удачные дела с австрийскими войсками». И далее снова о приемах, завтраках, обедах, погоде...

Безусловно, императору ежедневно докладывали о сводках, поступавших с фронтов. Он скупно реагировал на них в своем дневнике, всегда без расширенных умозаключений и выводов. Казалось, он просто механически фиксировал то, что слышал, практически не отличая его от того, что непосредственно наблюдал и ощущал. Война было далеко от Царского Села, и занимались ею совсем другие люди.

1 августа император выехал в Москву. Цель поездки – поднять боевой дух населения, встретиться с промышленниками и купечеством, посетить соборы, проинспектировать резервные части и осмотреть развернувшиеся госпитали. Вернулся в Царское Село 9 августа, где «привел в порядок комнаты и пошел гулять». После обеденного часа «почувствовал головокружение с тошнотой и прилег на весь вечер».

И вот запись в дневнике от 18 августа: «Были обычные доклады... Гулял и катался на прудах... Получил тяжелое известие из 2-й армии, что германцы обрушились с подавляющими силами на 13-й и 15-й корпуса и обстрелом тяжелой артиллерии почти уничтожили их. Генерал Самсонов и многие другие погибли!»

Не что другое, как констатация факта. Ни выводов, ни решений. Словно все происходит на другой планете. И на следующий день, 19 августа: «Стоял сырой холодный день, и на душе было невесело. Погулял два раза... Вообще, день был свободнее обыкновенного».

20 августа император по приглашению морского министра выехал в Петроград для осмотра совершавших строительство линейных кораблей «Севастополь» и «Гангут». Осмотрев корабли и отметив чистоту палуб, он позавтракал вместе с адмиралом Григоровичем, а затем направился посещать столичные госпитали. Погода стояла также светлая. В тот день он получил радостнейшую весть о взятии Львова и Галича. «Невероятно счастлив этой победе и радуюсь торжеству нашей дорогой армии!» – записал он в своем дневнике.

И снова приемы, доклады, посещения, чаепития, прогулки. Причем последним отводится особое внимание. Наконец, 30 августа «пришли хорошие известия о победе на австрийском фронте на юге Люблинской губернии, где взято в плен около 30 тысяч человек». Кто взял, каким образом – не раскрывается. Это, видимо, императору не интересно. Вот цифра внушительная – другое дело!!! А далее в тот же день: «Катался с Марией и Анастасией на велосипеде. Было совсем тепло. По временам шел дождь... Ездил ко всенощной».

Между тем, война набирала свои обороты. На широком фронте от Прибалтики до Галиции обильно лилась человеческая кровь. Русское военное командование лихорадочно пыталось взять под контроль постоянно меняющуюся обстановку. министерства и ведомства перестраивались на военные рельсы. Страна переходила от размеренной мирной жизни к жизни по условиям военного времени. Менять нужно было очень многое, и самым коренным образом. Но как, что делать в первую очередь? Ответ в дневниковых записях императора от 5 сентября: «Вечером имел утешение побеседовать с Григорием (Распутиным. – *авт.*) с 9.45 до 11.30». Почти двухчасовая беседа с человеком, ничего не смыслящим в государственных и военных делах. Непозволительная расточительность времени для руководителя воюющего государства!!!

Наконец 22 сентября император принимает решение лично отправиться в Ставку, чтобы принять доклад Верховного главнокомандующего и засвидетельствовать свое почтение войскам. По этому поводу он пишет: «В 2.30 простился в поезде со своими дорогими и поехал в действующую армию. Давнишнее мое желание отправиться туда поближе – осуществилось, хотя грустно было покидать свою родную семью!»

Зачем такие большие жертвы и что конкретного мог решить царь во время посещения Ставки? На эти вопросы мы также не находим ответа, кроме записи от 21 сентября: «В 5 ½ прибыли в Барановичи. Николаша (Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. – *авт.*) вошел в поезд... В церкви железнодорожной бригады отслужили молебен. В 7 ½ у меня обедали Николаша, Петр и Кирилл и несколько генералов штаба Верховного главнокомандующего. После обеда пошел в вагон Николаши и выслушал подробный доклад генерала Янушкевича о настоящем положении дел и новых предположениях. Вернулся к себе в 10 ½, пил чай с некоторыми лицами свиты».

На следующий день – доклад генерал-квартирмейстера Ставки генерала Ю. Н. Данилова «о всем, происходившем вчера на обоих фронтах». После доклада – прогулка, обед, фотографирование, составление письма жене.

23 сентября гулял под дождем. «Пожаловал Николаше орден Св. Георгия 3-й степени, а Янушкевичу и Данилову 4-ю степень... Поиграл с Дрентельном в кости».

24 сентября уехал из Ставки вместе с Николаем Николаевичем через Ровно в Брест-Литовский, куда прибыл командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. И. Иванов. Прямо на вокзале «поговорил с Ивановым и дал ему Георгия 2-й степени. Обедал с Николашей и старшими местными начальниками. Вечером выслушал обычную сводку за вчерашний день».

25 сентября неожиданно император приехал в крепость Осовец. Посмотрел следы обстрела ее немецкой артиллерией, произвел смотр войск, обошел лазареты с ранеными и отправился обратно в «родное Царское Село». Первая фронтовая поездка Николая II была успешно завершена.

Николай II у своего поезда в Ставке.

Приехав в Царское Село, император вернулся к обычному укладу жизни, присущей венценосному самодержцу: приемы, доклады, смотры войск, посещения служб, прогулки. И только фрагментально в его дневнике встречаются записи о событиях, происходивших на фронтах, но, как и прежде, без оценок и выводов. Хочется процитировать отдельные из них:

29 сентября. Вчера пришли неважные известия из-под Варшавы.

15 октября. Отличные вести приходят из-за Вислы, немцы отступают почти на всем фронте.

16 октября. Немцы-подлецы продолжают отступать поспешно к Западной Польше.

19 октября. Из армии, слава Богу, добрые вести.

Затем несколько коротких, ничего не значащих записей за 20 дней войны. С 22 октября по 1 ноября. Очередная поездка в Ставку и на фронты. Побывал в Минске, Ровно, Ивангороде, Гродно, Двинске. И везде – традиционное заслушивание докладов, смотр войск, осмотр лазаретов. И тут же – длительные прогулки, церковные богослужения, званые обеды, чаепития... 2 ноября утром вернулся в Царское Село, «обнял Мари, Анастасию и Алексея, которые проснулись, когда я к ним вошел. Вернулся очень довольный из своей интересной поездки».

И снова размеренная жизнь по давно уже отработанному сценарию.

9 ноября появляется следующая запись в дневнике: «Последние дни были тревожные вследствие очень неясных и кратких сведений о прорыве между нашими 1-й и 2-й армиями и о глубоком наступлении германцев именно в это пространство в направлении на Петроков». И немного ниже: «Слава Богу, к вечеру пришли более успокоительные донесения! Наши войска с разных сторон атакуют неприятеля. Дай Бог, чтобы наши успехи оказались решительными».

18 ноября Николай II направился в большую инспекторскую поездку. Он провел один день в Ставке в Барановичах, где выслушал доклады Верховного главнокомандующего и

побеседовал с его начальником штаба. Затем император через Смоленск выехал в Тулу, где осмотрел оружейный завод. По пути через Орел, Курск, Харьков, Екатеринодар и Дербент 26 ноября прибыл в Тифлис, где находилась резиденция Кавказского наместника графа Воронцова-Дашкова. В Закавказье Николай II пробыл неделю. Побывал в Карсе, Сарыкамыше, Александрополе. Затем его поезд направился на север. 4 декабря он прибыл во Владикавказ, 5 – в Новочеркасск, 6 – в Воронеж, где император встретился с женой и двумя дочерьми, 7 – в Тамбов, 8 – в Москву, где в царскую семью влились остальные дети. Там по случаю приезда царской семьи был устроен торжественный парад.

Проведя в Москве четыре дня, 12 декабря император, проводив семью в Царское Село, сам снова направился в Ставку. Там он провел еще трое суток, как обычно, заслушал доклады основных должностных лиц, а затем направился в войска. Побывал в Седлеце, где заслушал доклад командующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского, а к вечеру 10 декабря вернулся в Царское Село.

На следующий день после возвращения император пригласил к себе военного министра Сухомлинова, с которым имел достаточно долгий разговор по вопросам материального снабжения армии и подготовки резервов. После поездки у Николая II не осталось сомнений в том, что расчеты на быструю победу себя не оправдали. Нужно было готовиться к длительной и упорной борьбе, а запасы, приготовленные в мирное время, быстро истощались. Нужно было не просто пополнять их по старой схеме, но и искать другие источники, включать новые механизмы.

Сухомлинов был более чем сдержан в обещаниях. Постоянно помня о приоритетах моряков, он не постеснялся напомнить императору об ошибках, допущенных в строительстве вооруженных сил в предвоенные годы.

– Без денег решать какую-либо проблему очень трудно, – резюмировал он. – Нынешняя война носит, главным образом, сухопутный характер. Необходимо в срочном порядке переориентировать нашу экономику на решение задач армии, даже в ущерб флоту.

Император слушал его без возражений. Его состояние ухудшалось с каждой минутой – он заболел простудой... которая приковала его к постели почти на неделю.

27 декабря, выздоровев, Николай II с удовлетворением в своем дневнике отметил, что «24 декабря наша славная Кавказская армия нанесла решительное поражение турецким войскам, сделавшим глубокий обход нашего правого фланга. Главный бой разыгрался у Сарыкамыша». Видимо, в этом он видел итоги своего недавнего посещения Кавказской армии и, в частности, Сарыкамыша.

Наступил 1915 год. В жизни российского императора существенных изменений не происходило. Новый год и Рождество Николай II встретил в кругу семьи. 23 января в очередной раз приехал в Ставку, где «вечером был обычный доклад о военных действиях». Пробыв в Ставке несколько дней, 26 января император через Ровно выехал через Киев, Полтаву в Севастополь. Там он посетил флагман Черноморского флота «Евстафий» и крейсер «Кагул», провел смотр морских частей, осмотрел береговые укрепления. На обратном пути впервые посетил Екатеринослав и 2 февраля вернулся в Царское Село.

К тому времени положение на фронтах начало меняться и, прежде всего, на Северо-Западном фронте, где немцы еще 25 января начали очередное крупное наступление в районе Августова. Находившийся на этом фронте великий князь Андрей Владимирович 5 февраля в своем дневнике записал: «Развитие боевых действий за эти дни шло весьма печально. Самый крайний правый фланг (фронта), 3-й корпус Епанчина, отброшенный на Ковно, находится в неопределенном положении. До сих пор нет точных данных, что от него осталось. От 20, 26 и 3 корпусов четыре дня не было сведений, что с ними, где они! Лишь сегодня я узнал у начальника штаба Гулевича, что получены крайне туманные сведения о выходе к Гродно

батальонов разных корпусов. Но это и все. Неприятель продолжает обхват нашего правого фланга, и мы посылаем корпус за корпусом...»

Тревожные сведения немедленно достигли Царского Села, где были восприняты императором с поразительным спокойствием. 6 февраля 1915 года он написал: «За последние 4 дня германцы большими силами повели наступление в Восточной Пруссии. Благодаря глубокому обходу нашей 10-й армии, ей пришлось отступить от Мазурских озер через границу... И на крайнем нашем левом фланге в Буковине и прилегающих Карпатах наши войска тоже отошли под напором подавляющих сил противника. Грустно и неприятно, но, надо думать, все это преходящее!»

И тут же: «До обедни принял Харитонову по делам министерства финансов. Днем хорошо погулял и поработал. Вечером исповедовались».

1 марта император в очередной раз приехал в Ставку. Принимал доклады, много гулял пешком по проложенным в снегу тропинкам, стоял церковную службу, читал, вручал награды, вечерами играл в домино. 9 марта в дневнике записал: «После утреннего доклада вернулся к себе и начал письмо к Алике, как вдруг Николаша ворвался ко мне с Янушкевичем и Даниловым и объявил радостную весть о падении Перемышля! После завтрака был отслужен благодарственный молебен при множестве офицеров и лейб-казаков. Отправил Граббе в 11-ю армию Селиванова с наградами и крестами... Дал Николаше Георгия 2-й степени... За обедом выпили по стаканчику шампанского...».

Наблюдение за полем боя.

Постепенно становится очевидным, что император тщательно «фильтрует» поступающую ему информацию, выбирая из нее только то, что носит положительную окраску. Негативные и сложные проблемы он «великодушно» оставляет для решения другим, в том числе Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. В результате этого постепенно происходит некий разрыв между центральной властью и Ставкой, решения которой все чаще подвергаются острой критике.

Верховный главнокомандующий, в свою очередь, старается часть военных неудач связать с ошибками правительства, и начинает обвинительную кампанию против военного министра, который находится в Петрограде и часто общается с царем. Это приводит к тому, что часть обвинений, брошенных в Сухомлинова, рикошетом попадают в императора и его семью, которую начинают подозревать в прогерманских настроениях.

Императору докладывают об этом по линии тайной полиции, но он и без того уже в определенной степени настроен против руководства Ставки благодаря усилиям жены и Распутина, которые уверяют, что «в Барановичах создан свой политический центр, не прислушивающийся к мнениям официальной власти». Для того чтобы разобраться в этом, император в период с 5 по 22 апреля совершает очередную большую поездку по стране. Он посещает Ставку, фронт (Перемышль), затем направляется через Проскуров в Одессу и Севастополь, где снова побывал на кораблях Черноморского флота.

Таким образом, в первый год после начала войны император Николай II осуществлял, главным образом, представительские функции и не вмешивался в вопросы управления войсками. Из докладов он знал о подготовке крупных операций, но его больше интересовали их итоги. По крайней мере, мы не встречаем документов, на основании которых можно утверждать, что император забраковал или скорректировал решение, принятое в Ставке Верховного главнокомандующего или штабом фронта. В то же время, предпринятые дипломатические шаги, частые встречи Николая II с военным, морским и другими министрами, его инспекторские поездки по стране дают основание говорить о том, что император делал все возможное для того, чтобы обеспечить воюющую армию всем необходимым. В результате Николай II считал, что те жертвы и усилия, которые предпринимаются страной и им лично ради армии, не в полной мере реализуются последней на полях сражения. Ему начинало казаться, а к этой мысли его подталкивали и искусственно, что все может пойти по-другому, если бы он лично стал во главе вооруженных сил, совместив это с управлением государством. Но он не знал, как это сделать на практике, и поэтому выбрал достаточно примитивный путь.

В Петербурге военные неудачи Российской армии на австро-германском фронте в 1914 и 1915 годы, как правило, объяснялись слабостью Верховного командования. Причем говорили об этом на всех уровнях – от улицы до коридоров Зимнего и царскосельского дворцов. Поэтому не удивительно, что император Николай II все чаще приходил к мысли о необходимости лично возглавить вооруженную борьбу России с врагами во всех ее проявлениях. Перед ним были примеры Петра Великого, Александра I и Александра II, которые во время войны были вместе со своей армией. Со временем, по мнению императора и его ближайшего окружения, это стало особым выражением отношения царя к своему долгу перед подданными и Отечеством. И Николай II не смог не поддаться искушению.

В августе 1915 года он принял ответственное решение.

«Вечером 4 августа после обычного доклада, – вспоминал бывший тогда военным министром А. А. Поливанов, – государь высказал мне намерение вступить в Верховное командование армиями. На возражение о трудностях, сопряженных с таким намерением, император ответил:

– Я много размышлял по сему поводу, принятое мною решение является вполне твердым».

События последующих дней до вступления Николая II в должность Верховного главнокомандующего мало чем отличались от обычного уклада его жизни.

11 августа у императора состоялись встречи и обстоятельные разговоры с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, председателем Государственной думы М. В. Родзянко и новым военным министром А. А. Поливановым. Обсуждались меры, связанные с вступле-

нием императора в должность Верховного главнокомандующего. Сазонов и Поливанов были против, Родзянко, почувствовав ослабление контроля над Государственной думой, занял явно выжидательную позицию.

После этого несколько дней Николай II в кругу семьи обдумывал результаты этой беседы, не встречаясь ни с кем из ответственных министров. 15 августа он снова пригласил к себе А. А. Поливанова и министра императорского двора В. Б. Фредерикса. На этот раз вопрос о вступлении в Верховное главное командование уже не обсуждался, а обговаривались только отдельные детали. При этом если военный министр уже внутренне был готов к такому разговору, то 75-летний Фредерикс выглядел явно подавленным.

18 августа император снова пригласил к себе А. А. Поливанова, с которым проговорил ряд вопросов, связанных со снабжением армии на ближайшее время. По тому, что первые вопросы военных поставок рассматривались не в целом, а по направлениям, у военного министра сложилось мнение, что император старался увязать их со стратегическими планами ближайшей кампании.

20 августа, после обеда, по настоянию большинства министров Николай II собрал в Царском Селе совет для того, чтобы выслушать тревожившие его членов мысли. С горячими речами выступили большинство министров, убеждая государя отказаться от задуманного. Они указывали на то обстоятельство, что положение на фронте не является следствием просчетов великого князя Николая Николаевича, отмечали те опасности, которые могут возникнуть с оставлением государем столицы при нарушенной равновесии в стране.

Заседание продолжалось до 23.30. По воспоминаниям его участников, Николай II с усталым видом выслушал речи министров и в заключение кратко произнес:

– Я остаюсь при своем мнении...

В подавленном настроении разъезжались участники этого заседания.

На другой день большинство их собрались вновь у министра иностранных дел С. Д. Сазонова и подписали коллективное письмо государю, убеждая его отказаться от Верховного командования. И хотя это письмо было подписано восемью министрами, оно не вызвало никаких изменений в решении Николая II.

В этот день он ездил из Царского Села в Петроград, где обошел несколько церквей и принял благословение от матери.

22 августа император снова поехал в Петроград, где в Зимнем дворце провел первое расширенное совещание по снабжению армии боеприпасами и снаряжением. Во время этого совещания в зал вошла Александра Федоровна с наследником Алексеем, которые обошли всех присутствовавших, поздоровавшись с ними. Данная акция не имела никакого отношения к материальному снабжению армии, но должна была возбудить верноподданнические чувства присутствующих и мобилизовать их на новые свершения.

Осмотр артиллерийских частей.

23 августа император «в 3.30 прибыл в **свою Ставку** в одной версте от города Могилева», – с особым ударением отмечает он. «Николаша ждал меня. Поговорив с ним, принял генерала Алексеева и первый его доклад. Все обошлось хорошо».

На следующий день утром Николай II выехал в Могилев. Первым делом посетил молебен в городском соборе, затем поехал в дом губернского правления, где размещался штаб Ставки. Выслушав доклады начальника штаба и генерал-квартирмейстера, поехал в дом губернатора, часть которого занимал великий князь Николай Николаевич. Там он подписал указ и приказ по армии о принятии им Верховного командования с 23 августа 1914 года. Вернувшись в Ставку, новый Верховный главнокомандующий «сделал прогулку за Днепром по Гомельскому шоссе и погулял в хорошем лесу», а вечером поиграл в кости.

Возложив на себя обязанности Верховного главнокомандующего, император Николай II произвел и некоторые замены среди высших чинов Ставки и Западного фронта. Бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич убыл с великим князем на Кавказ, а на смену ему пришел бывший командующий Западным фронтом генерал М. В. Алексеев. Выбор, безусловно, удачный, хотя и не идеальный. Исключительно работоспособный и умный, Михаил Васильевич оказался слишком амбициозным для того, чтобы мириться с недостатками своего прямого начальника.

На должность генерал-квартирмейстера Ставки вместо генерала Данилова был назначен генерал-майор М. С. Пустовойтенко, который раньше был генерал-квартирмейстером Северо-Западного фронта. Этим фронтом непродолжительное время командовал М. В. Алексеев, который и привел в Ставку Пустовойтенко. Михаил Саввич, по воспоминаниям современников, не отличался высокой оперативной эрудицией, зато славился своим педантизмом и любовью к хорошо отработанным документам.

В связи с новым назначением М. В. Алексеева Николай II передал командование Западным фронтом бывшему командующему 4-й армией генералу от инфантерии А. Е. Эверту, за которым не числилось ни особых заслуг, ни больших неудач.

Других существенных перемен в высшем органе управления действующей армией не произошло.

Решение императора Николая II стать во главе действующих войск было встречено с большой сдержанностью и русскими общественными кругами, и многочисленными членами императорской фамилии, и заграницей – союзниками. На чрезвычайном собрании Московской городской думы раздались громкие протесты против этого решения. Отрицательно было отношение к этому факту и многих членов законодательных палат. Предостерегающие доклады делались императору и некоторыми великими князьями. «В армии, – отмечал А. И. Деникин, в то время командующий 10-й армией, – этот значительный по существу акт не произвел какого-либо впечатления. Генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос, кто будет начальником штаба... Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии».

Представляет интерес также оценка происшедшего председателем Государственной думы М. В. Родзянко. «Император Николай II брал на себя очевидно непосильную задачу и бремя, – писал он, – одновременно в небывало тяжелое время управлять уже начавшей волноваться страной и вести совершенно исключительной трудности войну, приняв командование над более чем десятиmillionной армией, не будучи совершенно к этому подготовлен в стратегическом отношении. Дело осложнялось еще и тем, что исчезал высший орган, перед которым главнокомандующий был бы ответствен. Русский царь добровольно и без всякой надобности брал на себя ответ в случае дальнейших военных неудач, и кто же был бы в этом случае его судья?

Революция дала грозный и кровавый ответ на этот вопрос. Дело осложнялось еще и тем, что с перенесением местопребывания императора в Главную квартиру – Ставку, неизбежно в нее переносилась атмосфера придворного быта, дух интриг и взаимных козней.

Этот вредный дух неизбежно должен был влиться в армию, что и случилось на самом деле, и губительно отозваться на дисциплине высшего командного состава, начались назначения по протекции, которые ставили во главу крупных частей войск бездарных людей и влекли при- скорбные неудачи».

Но все это более поздние рассуждения, оценки и выводы. Тогда же, в конце августа 1915 года, страна и армия в напряжении ждали перемен, которые неизбежно должны были произойти в связи с отъездом царя из столицы на долгое время и со сменой власти в армии. И все же число ожидавших было значительно меньшим, чем число тех, кто, оставаясь далеким от большой политики, по доброй воле или по принуждению исполнял свой гражданский долг, надеясь только на себя и веря в Бога.

К августу 1915 года императору Николаю II исполнилось 47 лет. Он был, по оценке современников, в расцвете сил и здоровья. Большинство фотографий того времени дают довольно полное представление о внешности последнего русского монарха. Это был человек невысокого роста, плотного сложения, с несколько непропорционально развитую верх- ней половиной туловища. Довольно полная шея придавала ему не вполне поворотливый вид. Государь носил небольшую светлую овальную бороду, отливавшую рыжеватым цве- том, имел серо-зеленые глаза, отличавшиеся какой-то особенной непроницаемостью, кото- рая внутренне всегда отделяла его от собеседника. Это впечатление являлось результатом, скорее всего, того, что император никогда не смотрел продолжительное время в глаза тому, с кем разговаривал. Его взгляд или устремлялся куда-то вдаль, через плечо собеседника, или медленно скользил по всей фигуре последнего, ни на чем особенно не задерживаясь. Все его жесты и движения были очень размеренны, даже медленны. Люди, близко знавшие Николая II, подчеркивали, что государь никогда не спешил, но никогда и не опаздывал.

«Император Николай, – отмечал Ю. Н. Данилов, – встречал лиц, являвшихся к нему, хотя и сдержанно, но очень приветливо. Он говорил не спеша, негромким, приятным груд- ным голосом, обдумывая каждую свою фразу, отчего иногда получались почти недолгие паузы, которые можно было даже понять как отсутствие дальнейших тем для продолжения разговора. Впрочем, эти паузы могли находить объяснение и в некоторой застенчивости, и внутренней неуверенности государя в себе. Эти черты в императоре проявлялись в наружно- нервном подергивании плеч, потирании рук и излишне частом покашливании, сопровож- давшемся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов. В речи Николая II слы- шался едва уловимый иностранный акцент, становившийся более заметным при произно- шении им слов с русской буквой «ять»».

Благословение на подвиг...

Другой современник императора, бывший министр земледелия А. В. Кривошеин так писал о Николае II: «Внешне – человек как человек, даже симпатичный, особенно хороши были у него глаза. И в манере держаться – ничего величественного, царственного, даже немного застенчив. В отношениях с людьми приветлив, любезен. Умом не блистал, но был далеко не глуп. Из занятий весьма хорошее в нем – любовь к литературе (прекрасная память на стихи), книги А. П. Чехова и А. Т. Аверченко – всегда под рукой, и сам не лишен был

чувства юмора. Писал грамотно, не то что родитель. В совершенстве знал английский язык. Знанием истории мог удивить и специалиста, был почетным председателем исторического общества. Театрал и меломан. Хобби – занятие фотографией. Спортсмен, чуть ли не десятиборец (конный спорт, гребля, стрельба, теннис и т. д.). Совсем редкое у царей качество – любил физическую работу: колоть дрова, убирать снег, возиться в саду. Руки поэтому часто имел обветренные, шершавые, ногти не чистые и не холеные.

Николай II был прекрасный семьянин. Он всю свою жизнь жену обожал как невесту, а в детях души не чаял. Боготворил Александра III, нежно относился к Марии Федоровне и часто прислушивался к различным ее советам, хотя в детстве не видел от нее материнской ласки».

Но это оценки императора-человека, но не государственного деятеля, которым он должен был быть. Поэтому вернемся к записям Ю. Н. Данилова, который резюмирует ранее сказанное следующими словами:

«В общем, государь был человеком среднего масштаба, которого, несомненно, должны были тяготить государственные дела и те сложные события, которыми полно было его царствование. Безответственное и спокойное житье, мне думается, должно было бы более отвечать его внутреннему складу. Простой в жизни и обращении с людьми, безупречный семьянин, очень религиозный, любивший не слишком серьезное чтение, преимущественно исторического содержания, император, безусловно, хотя и по-своему, любил Россию, жаждал ее величия и мистически верил в крепость своей царской связи с народом. Идея незыблемости самодержавного строя России пронизывала всю его натуру насквозь, и наблюдавшиеся в период его царствования отклонения от этой идеи в сторону уступок общественности, на мой взгляд, могут быть объясняемы только приступами слабости и податливости его натуры. Под чужим давлением он лишь сгибался, чтобы потом немедленно сделать попытку к выпрямлению».

Как известно, это далеко не всегда ему удавалось.

С первых же дней своего Верховного командования все вопросы стратегического планирования и практического руководства военными действиями император доверил своему начальнику штаба. «Он, – отмечал генерал А. И. Деникин, – выслушивал его долгие... обстоятельные доклады. Выслушивал терпеливо и внимательно, хотя, по-видимому, эта область не захватывала его. Некоторое расхождение случалось лишь в вопросах второстепенных – о назначении приближенных, о создании им должностей. Полное безучастие государя в вопросах высшей стратегии определилось для меня совершенно ясно после прочтения одного важного акта – записи суждений военного совета, собранного в Ставке в конце 1916 года под председательством государя».

26 августа в войска была направлена первая директива нового Верховного, требовавшая прекращения отхода. Но подписи императора под этим документом оказалось недостаточно, чтобы остановить противника.

27 августа 10-я германская армия генерала Г. фон Эйхрона нанесла удар с района Ковно в направлении на Минск встык между 5-й и 10-й армиями. Образовался прорыв, позже получивший название «Свенцянский». Германское командование решило использовать его для глубокого охвата правого фланга 10-й русской армии Западного фронта генерала Е. А. Радкевича. С этой целью германская кавалерийская группа, в которую входили 4, а с 31 августа – еще две кавалерийские дивизии, под командованием генерала Гарнье вошла в брешь во фронте русских войск и развернула наступление в направлении Свенцяны, Молодечно с задачей овладеть районом Вилейка, Молодечно, Сморгонь и выйти в тыл 10-й русской армии.

Вначале группа Гарнье имела успех. 1 сентября она захватила Вилейку и затем вышла основными силами в районе Сморгони, уничтожая тыловые учреждения 10-й русской армии

и разрушая железнодорожные сооружения. Под напором войск неприятеля 10-я армия оставила Вильно, а 5-я армия отошла к Двинску (Даугавпилсу).

Для того чтобы спасти положение, по приказу Алексеева в район вражеского прорыва русское командование срочно перебросило корпуса из различных армий и объединило их под руководством командующего 2-й армии, которому удалось организовать новую полосу обороны. Именно перед ней на подступах к Молодечно в результате упорных боев, которые велись 3 и 4 сентября, германская кавалерия была остановлена. Кавалеристы перешли к обороне на достигнутом рубеже и некоторое время успешно сопротивлялись, но затем, не имея поддержки пехоты и тяжелой артиллерии, начали отходить. К 19 сентября Свенцянский прорыв был ликвидирован и фронт стабилизировался на линии озер Дрисвяты и Нарочь и далее на Сморгонь и Делятин, где обе стороны перешли к позиционной обороне.

Таким образом, благодаря решению генерала Алексеева и стойкости русского солдата репутация нового Верховного главнокомандующего была спасена. Обозревая восточный театр военных действий в последние дни уходящей осени 1915 года, командующий германскими войсками с глубоким разочарованием отмечал, что «русские вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении». Начальник германского Генерального штаба генерал от инфантерии Эрих фон Фалькенхайн мрачно констатировал: «Выполненные операции не достигли своей цели».

Свенцянская операция продолжалась десять суток, была весьма напряженной и привела к большим жертвам. Но в дневнике Верховного главнокомандующего об этих событиях не сказано ни слова. Зато много написано о прогулках и о погоде. Только 5 сентября появляется запись следующего содержания: «Просидел за докладом час и три четверти (считал минуты. — *авт.*). Немцы все прут в свободное пространство между Минском и Вильно. На Западном фронте они нажимают на некоторых направлениях, а на Юго-Западном фронте дела идут хорошо...» И снова о прогулке, всенощной службе, игре в домино...

22 сентября, ровно через месяц после вступления в должность Верховного главнокомандующего, Николай II своим поездом направился в Царское Село. «Приятно было попасть снова в поезд... 23 сентября с большой радостью прибыл в Царское Село», пишет он в своем дневнике. Там он провел восемь дней: читал государственные бумаги, встречался с разными людьми, гулял, играл с детьми, стоял обедни... 28 сентября. «Вечер провели хорошо у Ани (Вырубовой) с Григорием (Распутиным)». Только однажды, 29 сентября, принял военного министра Поливанова и министра иностранных дел Сазонова, а на следующий день — морского министра Григоровича. 1 октября император вместе с сыном убыл в Ставку, которая к тому времени переместилась в Могилев. Отныне кроме докладов и прогулок, в распорядке дня Верховного главнокомандующего появились еще и занятия с сыном.

11 октября Николай II и цесаревич Алексей из Ставки выехали на Юг, в расположение войск Юго-Западного фронта. В Ровно провел смотр частей 8-й армии (командующий А. А. Брусилов).

Во время смотра одной из пластунских частей.

Николай II в Ровно, где располагался штаб 8-й армии, приехал с наследником Алексеем и командующим войсками фронта генералом Н. И. Ивановым в сопровождении большой свиты. Свитские чины очень боялись появления вражеских аэропланов, которые действительно частенько бомбили станцию. Но в этот день небо было покрыто низкими тучами, и визита «таубе» не приходилось ждать. Кроме того, командующий армией «на всякий случай» подготовил восемь самолетов для прикрытия станции, на которую прибыл августейший гость.

Выслушав рапорт Брусилова, Николай спросил:

– Далеко ли до противника?

– Фронт находится верстах в двадцати пяти, государь, – ответил Алексей Алексеевич. – А только что сформированная 100-я дивизия, которую вашему величеству угодно осмотреть, сосредоточена в восемнадцати верстах отсюда...

Немного помедлив, Брусилов добавил:

– Считаю своим долгом предупредить ваше величество, место сосредоточения дивизии в это время подвергается воздействию вражеской тяжелой артиллерии. Поездка все же представляется мне довольно безопасной, поскольку в тумане неприятель стрелять не станет: без корректирования стрельбы немцы зря снаряды не тратят.

К месту смотра поехали на автомобилях. Царь вместе с наследником обошел войска, пропустил их мимо себя церемониальным маршем. Затем он поехал еще ближе к фронту и осмотрел перевязочный пункт для тяжелораненых.

Затем император побывал в Волочiske в штабе 11-й армии (командующий Щербачев), в 9-й армии (командующий Лечицкий). Провел смотры отдельных соединений.

Приезд императора и наследника на Юго-Западный фронт стал рядовым событием, почти не замеченным войсками. Зато отличился командующий войсками фронта генерал Н. И. Иванов. Сразу же после убийства Николая II в Ставку он собрал при штабе фронта Георгиевскую думу под председательством генерала А. М. Каледина и предложил преподнести императору боевой орден Св. Георгия 4-й степени за то, что он побывал в зоне обстрела вражеской артиллерии, которая в тот день не произвела ни одного выстрела. Но Георгиевская дума не поддержала это предложение, и командующий фронтом был вынужден смириться с ее волей.

15 октября императорский поезд вернулся в Могилев, куда в тот же день приехала императрица с детьми. В последующем несколько дней сочетал службу с общением с семьей. 17 октября в память о посещении войск Юго-Западного фронта вручил сыну Георгиевскую медаль 4-й степени. 19 октября вместе с семьей выехал в Царское Село, где пробыл 8 дней.

28 октября император с сыном выехали из Царского Села. Побывали в войсках Северного фронта, посетив Ревель, Ригу, Псков, после чего 30 октября приехали в Могилев. Выслушав предварительно доклад начальника штаба М. В. Алексеева, на следующий день «немедленно пошел в штаб к докладу». После чего «снова здешняя жизнь вошла в свою колею... в 2 ½ выехал с Алексеем на прогулку по дороге на Оршу и делал с ним костер. Вернулись к чаю. До обеда писал Аликс. Вечером занимался и пил чай в столовой».

5 ноября царский поезд снова взял курс на Юг и через два дня прибыл в Одессу. Император показал сыну флот, затем повез его в Молдавию. Побывали в расположении войск 7-й армии, посетили города Рени (на берегу Дуная), Балту. Затем поехали в Херсон, где провели смотр и приняли парад 2-й Финляндской стрелковой дивизии, и в Николаев, где осмотрели 4-ю Финляндскую дивизию. 12 ноября Верховный главнокомандующий с сыном вернулись в Могилев, «пробыв в поездке ровно неделю».

17 ноября царь с сыном выехали в Царское Село, где 21 ноября принимал Поливанова и Сазонова, а вечером у Вырубовой встречался с Распутиным. 25 ноября вместе с сыном прибыл в Ставку.

Затем Николай II уезжал из Могилева в Царское Село с 5 по 13 и с 24 по 31 декабря, в войска с 15 по 23 декабря.

Не исключено, что я несколько утомил читателя перечнем поездок, которые совершил Верховный главнокомандующий с сентября по декабрь 1915 года. Но я сделал это умышленно. За четыре месяца Николай II покидал Ставку 9 раз и провел за ее пределами в общей сложности 67 суток (более половины времени). Из них 42 суток он пробыл в Царском Селе и 25 суток – inspectируя войска. Находясь в Царском Селе, он большее время занимался семьей, чем делами. Находясь в Ставке, большую часть времени отдавал прогулкам, обедам, богослужениям и прочим делам, весьма далеким от службы. Безусловно, для надежного управления страной и армией этого было недостаточно.

Непонятно, кто управлял Российской империей в отсутствие императора в столице (наместника он не назначал), а войсками во время поездок Верховного главнокомандующего управляли Алексеев и командующие фронтами. Эффективность такого управления, как показывает практика, была невысокой – Северо-Западный и Западный фронты в это время не провели ни одной успешной операции. В декабре 1915 года войска Юго-Западного фронта попытались наступать в Подолии, но безуспешно. 9-я армия генерала Лечицкого, начав наступление 14 декабря, за шесть дней боев потеряла около 22 тысяч человек. Другая, 7-я армия генерала Щербачева, перейдя в наступление 15 декабря, за пять дней лишилась почти 25 тысяч бойцов. Потеряв, таким образом менее чем за неделю 47 тысяч человек и не добившись существенных результатов, командующий Юго-Западным фронтом вынужден был отдать приказ о прекращении наступления. Свенцянская оборона и подольское наступление мало отразились на общей обстановке на фронте. Обескровленные войска обеих сторон зарывались в землю, подступы к сплошным линиям окопов прикрывались колючей проволокой, война постепенно заходила в позиционный тупик.

В то же время, подводя итоги военных действий осенью 1915 года, следует отметить, что Восточно-Европейский фронт, сковав основные силы германского блока, стал главным фронтом Первой мировой войны: к концу года здесь против России действовало уже 140 дивизий противника, тогда как против ее союзников – 90. «Таким образом, кампания 1915 года не выявила решающего перевеса ни одной из воюющих коалиций».

К началу 1916 года штабом Верховного главнокомандующего был составлен проект плана совместных с союзниками действий на очередную кампанию, в результате которой Антанта рассчитывала добиться решительного перелома в войне. Предпосылки для этого были.

Оценивая возможности воюющих сторон, а также обстановку, сложившуюся на всех театрах военных действий, штаб Верховного главнокомандующего считал, что руководство Центральных держав вероятнее всего основные усилия в кампании 1916 года сосредоточит на Западном фронте против Франции, нанося главный удар в районе Вердена, так как прорыв на этом участке создавал угрозу всему северному крылу армий союзников. Не исключались также одновременные активные действия стран германского блока на Итальянском театре силами австро-венгерских войск. В этих условиях Алексеев и Пустовойтенко считали, что на русском фронте противник сможет проводить только частные наступательные операции, прикрыв основную его часть прочной обороной. В то же время русская армия могла, при определенных условиях, на отдельных стратегических направлениях вести и активные наступательные действия.

На основе всего этого был сделан главный вывод – для разгрома Германии и ее союзников имеются определенные реальные предпосылки. Но основным условием их реализа-

ции должны стать согласованные по месту и времени активные действия вооруженных сил России, Англии и Франции. От российского императора это требовало большой дипломатической работы на самом высоком межгосударственном уровне и мобилизации страны в интересах воюющей армии, от Верховного главнокомандующего – разработки конкретных планов операций и подготовки командующих, штабов и войск к их выполнению.

Николай II с наследником на торжественном молебне.

23 ноября 1915 года состоялось первое заседание Межсоюзнической конференции. Россию представлял генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский. Ознакомив присутствующих с проектом плана русской Ставки, он, ссылаясь на личную беседу с Николаем II, подчеркнул две основные заложенные в нем мысли. Первая – наступление союзных армий необходимо провести одновременно на Западном и Восточном фронтах. Суть второй мысли сводилась к тому, что если одна из союзных армий будет атакована противником, другие армии, даже при неполной их готовности, должны немедленно перейти в наступление, чтобы не допустить ее поражения. Высказанные положения встретили, по словам Жилинского, «сильнейшие противодействия».

Конференция, на итоговом заседании которой присутствовали французский маршал Френч, английские генералы Робертсон и Морре, генерал Жилинский, бельгийский генерал Вилеманс, итальянский генерал Порро, сербский полковник Стефанович, признала необходимым начать подготовку к согласованному наступлению союзных армий на трех главных театрах – французском, русском и итальянском. До начала решающего наступления рекомендовалось интенсивно проводить истощение сил противника теми союзными державами, которые еще располагают людскими ресурсами. Присутствующие договорились и о том, что если одна из союзных армий подвергнется нападению, то остальные окажут ей всестороннюю помощь.

По оценке специалистов, к весне 1916 года Россия могла достичь некоторых успехов в производстве военной продукции. Однако они также считали, что только своими силами вопрос обеспечения вооруженных сил всем необходимым она не решит. Нужна была помощь

союзников. Но в справке, специально подготовленной по этому вопросу, указывалось, «что отечественное производство не может дать нам не только орудий, но даже снарядов в достаточном количестве для выполнения хотя бы одной наступательной операции продолжительностью двадцать-двадцать пять суток. Попытка в прошлом году приобрести в Англии тяжелых орудий, преимущественно шестидюймовых калибров, столь необходимых нам для борьбы с противником, укrywшимся в блиндажах, потерпела полную неудачу».

Тем не менее, в начале 1916 года готовилась к отправке за границу новая русская военная миссия во главе с адмиралом А. И. Русиным, которая имела задачу разместить в Англии и Франции крупные военные заказы. В справке, согласованной с Николаем II, в качестве товаров первой необходимости значились порох, толуол, колючая проволока, тракторы, автомобили, мотоциклы.

В последнем варианте стратегического плана, одобренного Николаем II и направляемого в Шантильи на рассмотрение союзников, предлагалось осуществить одновременное наступление силами русских армий Юго-Западного фронта в Карпатах, англо-французской армии с Салоникского плацдарма и итальянской армии из района Изонцо в направлении на Будапешт. Нанесение этих ударов, по мнению русского командования, позволило бы вывести из войны двух участников Центрального блока – Болгарию и Австро-Венгрию, а также ускорить переход на сторону Антанты Греции и Румынии. В итоге это привело бы к созданию единого фронта борьбы вокруг Германии. С целью разгрома турецкой армии и надежного обеспечения Суэца и Индии от диверсий османских войск предлагалось также нанести удар на Мосуд силами русской Кавказской армии и английских войск.

Таким образом, в международном отношении Россия брала на себя достаточно большие обязательства, но при этом требовала от союзников строгого взаимодействия и определенной материальной помощи.

Исключительно остро стоял вопрос восстановления боеспособности русской армии. Несмотря на все предпринятые усилия в сентябре – октябре 1915 года, удалось восполнить лишь 30 процентов от потерь, понесенных в прежних боях. Нужно было проводить новую масштабную мобилизацию людей и лошадей. В связи с этим появилось решение призывать в армию представителей тех национальностей, которые раньше по разным причинам были освобождены от призыва. В частности, это коснулось народов Средней Азии, где сразу же началось протестное движение.

Существенные коррективы в первоначальный план Антанты внес переход в наступление германской армии под Верденом. Оно началось утром 8 февраля, в день, когда Николай II наметил совещание руководящих лиц Ставки для обсуждения подготовленного штабом плана действий русских Вооруженных сил на лето 1916 года. На следующий день поступила информация, что немцы пытались овладеть крепостью. Им удалось вклиниться в оборону французов на пять-шесть километров. Спустя сутки стало известно, что австро-венгерские войска перешли в наступление против итальянцев в районе Третино.

Союзники вновь оказались в трудном положении. 19 февраля начальник французской военной миссии в России генерал П. По направил в русскую Ставку пространное письмо. В нем он изложил мнение генерала Жоффра относительно роли России в сложившейся ситуации. Французское командование полагало, что наступление на Верден является началом решительных операций на их фронте, поэтому нужно было, по его мнению, чтобы другие союзники активными действиями на своих фронтах сковали силы неприятеля, лишили его свободы маневрирования.

Особое внимание привлекалось к русскому фронту. В телеграмме Ж. Жоффра, которую приводил в письме генерал По, говорилось: «В предвидении развития вполне вероятных германских операций на нашем фронте и на основании постановлений, принятых в Шанти-

лы, я прошу, чтобы русская армия безотлагательно приступила к подготовке наступления, предусмотренного этим совещанием».

Содержание письма генерал Алексеев довел до Верховного главнокомандующего, только что прибывшего в Ставку из очередной поездки к семье в Царское Село.

– Нужно помочь французам, – последовало решение государя.

24 февраля в Ставке состоялось совещание высшего командного состава по оперативным вопросам. Было принято решение войсками двух смежных фронтов перейти в наступление на противника, «собрав в точке удара возможно больше сил». Объектом для поражения была выбрана находящаяся в обороне 10-я германская армия, насчитывавшая более 500 тысяч солдат и офицеров, большим количеством артиллерийских орудий.

Разработка плана операции, получившей в военной истории название Нарочской, проходила в очень сжатые сроки. Спустя всего сутки Николай II подписал директиву, в которой потребовал от командующих войсками Северного и Западного фронтов закончить подготовку к наступлению не позже 5 марта. Задачей войск в операции был разгром противостоящей группировки противника и выход на рубеж Митава, Вилькомир, Вильно, Делятичи. Для этого главный удар войск Северного фронта должен был наноситься из района севернее Двинска на Поневеж, а Западного фронта – севернее и южнее озера Нарочь на Свенцяны. Кроме того, предусматривалось, что вспомогательные удары нанесут соединения 12-й, 1-й и 10-й армий. Всего к наступлению привлекалось четыре корпуса Северного и восемь корпусов Западного фронтов, которые в своем составе насчитывали немногим более 600 тысяч человек. И хотя русские войска превосходили противника по числу артиллерии, но ее запасы боеприпасов были ограничены.

Верховный главнокомандующий с представителями союзных армий.

Начинать крупномасштабную наступательную операцию в таких условиях было достаточно рискованно, и это понимали многие военачальники, но только не Верховный главнокомандующий, который к военному делу относился несколько поверхностно. Так как начальник штаба и генерал-квартирмейстер не нашли в себе сил или желания убедить императора в рискованности данной затеи, то каждый из командующих фронтом решил поступать по-своему.

В период подготовки к наступлению командующий Северным фронтом генерал Рузский снова заболел. Решением Верховного на этот ответственный пост 6 февраля был назначен 68-летний генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин, с чьим именем общество и армия связывали поражение России в войне с Японией. Назначение на столь высокую должность этого человека в столь ответственный период явно было не в пользу кадровой политики императора.

В угоду союзникам русское командование начало наступление на три месяца раньше намеченного срока. Первыми 5 (18) марта 1916 года двинулись вперед войска Западного фронта. Но их продвижение было незначительным. А на следующий день противника атаковали объединения Северного фронта.

Позже, характеризуя эту операцию, А. А. Керсновский писал, что из-за сокращения сроков подготовки «пришлось бросать в бой еще не обученные, неготовые войска, расстреливать еще не накопившийся запас снарядов, наступать в озерно-болотистом районе в весеннюю распутицу, когда пехота проваливалась выше колен в воду. А артиллерия при выстреле осаживалась по ступицу колес. Началось десятидневное побоище, известное под именем «Нарочского наступления». Корпус за корпусом шел на германскую проволоку и повисал на ней, сгорал в адском огне германской артиллерии».

Верховный главнокомандующий отнесся к неудачам операции со свойственным ему «философским» спокойствием. 16 марта он записал в своем дневнике: «Вследствие необычайной трудности нашим войскам вести наступление против сильнейших германских позиций в теперешнюю ростепель, выше колена в воде, — приказано приостановить атаку до более выгодных условий почвы и погоды».

Успех продвижения русских войск был ничтожным, всего 5–9 километров, а потери ужасны. 2-я армия Западного фронта потеряла 90 тысяч человек, армии Северного фронта — 60 тысяч человек.

В то же время кровь 150 тысяч русских солдат и офицеров, пролитая в районе Двинска и озера Нарочь, оказала существенное положительное влияние на ход боевых действий союзников во Франции. Немецкое командование было вынуждено на две недели прекратить атаки на Верден и перебросить часть своих резервов (свыше четырех дивизий) на восток. «Последнее русское наступление, — отмечал генерал Ж. Жоффри, — заставило немцев, располагающих лишь незначительными общими резервами, ввести в дело все эти резервы и, кроме того, притянуть этапные войска, перебросить целые дивизии, снятые с других участков».

Неудачный исход мартовского наступления требовал традиционного поиска виновных. В Ставке, возглавляемой императором, их, конечно же, не искали. Взоры правительства были обращены в тыл. «Козлом отпущения» стал военный министр А. А. Поливанов. «Неожиданно» вспомнили о том, что еще задолго до войны, являясь помощником военного министра, Алексей Андреевич стал одним из учредителей так называемой «Военной ложи», созданной в России по образцу масонских лож с привлечением в нее молодых офицеров Главного управления Генерального штаба и Военного министерства. Правда, тогда этому не придали значения, но теперь масонские связи военного министра вызвали подозрение. 15 марта Поливанов был отправлен в отставку.

Новым военным министром, по решению императора, стал генерал от инфантерии Д. С. Шуваев, ни разу не «нюхавший» пороха, но зато всю службу занимавшийся вопросами материального снабжения армии.

Тем временем по указанию Верховного главнокомандующего в Ставке завершалась разработка оперативного плана весенне-летней кампании. В его основу закладывался расчет по соотношению сил и средств, сложившийся на Восточно-Европейском театре военных действий, который, по подсчетам штаба, складывался в пользу русской армии. Северный и Западный фронты имели 1200 тысяч штыков и сабель, в то время как у немцев их было несколько более 620 тысяч. Юго-Западный фронт располагал 512 тысячами личного состава, в то время, как австро-венгры против него имели несколько более 440 тысяч. Таким образом, общий перевес русских составлял почти 700 тысяч человек. При этом наибольшим превосходство русских войск было на участке севернее Полесья, где они превосходили противника в два раза. Несколько меньшим оно было в полосе Юго-Западного фронта.

Докладывая Верховному главнокомандующему предложения по плану, генерал М. В. Алексеев постарался более убедительно раскрыть главную мысль – о необходимости взять в свои руки стратегическую инициативу. «Возникает вопрос, – говорил он, гуляя по саду с императором, – как решать предстоящую нам в мае месяце задачу: отдать ли инициативу действий противнику, ожидая его натиска и готовиться к обороне, или наоборот – упредив неприятеля началом наступления, заставить его сообразовываться с нашей волей и разрушить его планы действий».

Николай II сразу же согласился на первый вариант, но при этом не пожелал обсуждать условия, необходимые для его реализации.

– Давайте вернемся к этому делу несколько позже, когда уже будет конкретно известно, что требуется от России, и что дадут союзники, – сказал он.

Второй вопрос, который поднял Алексеев в этой беседе, был о выполнении военных заказов промышленностью России и об ответственности за решение военно-экономических проблем Советом министров. Однако как только разговор отошел от чисто военных аспектов, Михаил Васильевич встретил хорошо уже ему знакомый непроницаемый взгляд императора и сухой лаконичный ответ: «Я это знаю...»

1 апреля в Могилеве состоялось совещание высшего военного руководства. Присутствующий на этом совещании А. А. Брушков вспомнил, что Николай II «прениями не руководил, эти обязанности исполнял Алексеев. Царь же все время сидел молча, не высказывал никаких мнений, а по предположению Алексеева своим авторитетом утверждал то, что решалось... а также выводы, которые делал Алексеев».

Так как совещание продолжалось долго, дважды делали перерыв: в 12.45 ходили завтракать к царю, в шесть вечера отправились обедать уже основательно. Об этом обеде осталось больше воспоминаний, чем о самом совещании.

Верховный главнокомандующий с сыном во время приезда на Юго-Западный фронт.

В столовой, на втором этаже, были накрыты два стола: большой, сервированный для обеда, и у окна – маленький, с закусками. Посуда на столе – тарелки, рюмки, кувшины с вином – серебряная, ни стекла, ни хрусталя, ни фарфора: считалось, что Ставка в походе, потому быющиеся предметы из сервировки исключались.

Царь первый подошел к закускам, налил в серебряную чарочку водки, быстро и со вкусом выпил. За ним остальные. Гофмаршал указал, кому где сесть, приступили к обеду.

После сладкого Николай II вынул портсигар:

– Кому угодно закурить?

Когда царь докурил папиросу, подали кофе.

По свидетельству очевидцев, в этот день царь обедом остался доволен, а потому и был в хорошем настроении. Потом начались разговоры – светские, сдержанные...

Тем не менее, на совещании удалось выработать общую точку зрения по вопросу о плане кампании на русском фронте. На следующий день штаб приступил к разработке директивы, в которой излагался замысел предстоящих военных действий. Предусматривался переход в наступление всех трех фронтов. Главный удар должны были наносить вой-

ска Западного фронта из района Молодечно в направлении Ошмяны, Вильно. Северному фронту ставилась задача наступать из района Двинска на юго-запад, а Юго-Западному – на Луцк.

В последующие дни были уточнены сроки намеченных операций. Это произошло потому, что англичане уведомили русскую Ставку, что они полностью завершат подготовку своей армии только в июне. Не могла быть готова к наступлению ранее англичан и французская армия, поскольку ей приходилось еще отбивать атаки немцев под Верденом. Да и русской армии требовалось немало времени для решения задач восполнения потерь и материального обеспечения, особенно боеприпасами. Поэтому Алексеев рекомендовал Николаю II намеченное на первые числа мая наступление отложить до конца месяца. Верховный главнокомандующий, заслушав его доводы, выразил свое согласие.

Началась подготовка операций. Предоставив это дело своему штабу, Николай II, по обыкновению, совершил ряд поездок в войска. Он побывал в соединениях всех трех фронтов, встретился со многими военачальниками, провел смотр войск.

Больше всего времени, почти трое суток, Верховный провел на Юго-Западном фронте. На второй день визита с утра царь на автомобиле отправился посмотреть недавно прибывшую 3-ю Заамурскую пехотную дивизию, сформированную из частей пограничной стражи. Проехав часа полтора на автомобиле, Николай II пересел на белого коня и в сопровождении великого князя Дмитрия Павловича, графа Фредерикса и свиты стал совершать объезд.

«На этот раз царь, – вспоминал Брусилов, – был в форме Павлодарского императора Александра III полка, в солдатской шинели с георгиевской ленточкой в петлице (той самой, которую так хотел вручить ему Иванов). Небольшой ростом, но стройный и подтянутый, государь ловко носил военную форму и красиво сидел в седле. Разумеется, «ура» гремело достаточно сильно, однако истинного воодушевления не чувствовалось. На другой день состоялся смотр 11-го армейского корпуса. Во время смотра над войсками вдруг появились два вражеских аэроплана. Это вызвало суматоху в свите, но зенитные батареи сразу же отогнали «таубе». Вечером Николай II уехал в Одессу, где он пожелал присутствовать при осмотре сербской дивизии».

Наступил май 1915 года. С рассвета второго дня этого последнего весеннего месяца превосходящие силы австрийцев атаковали в районе Третино войска 1-й итальянской армии. Понеся крупные потери, итальянцы стали отступать. Это сильно встревожило руководящие круги страны. Они обратились в главную квартиру французов с просьбой повлиять на русское командование в принятии решения о переходе в наступление на австрийском фронте с тем, чтобы облегчить положение дел в Италии. Спустя сутки Алексеев получил телеграмму от Ж. Жоффра с просьбой о немедленном проведении наступательной операции русских войск. И на этот раз Николай II, идя навстречу пожеланиям союзников, решил начать наступление несколько раньше, чем предусматривалось планом. Ставка делалась на войска Юго-Западного фронта и его нового командующего генерала А. А. Брусилова, сменившего Иванова 17 марта 1916 года.

11 мая начальник штаба Верховного главнокомандующего направил А. А. Брусилову телеграмму. «Прошу вас уведомить, – говорилось в ней, – когда могут быть закончены фронтом подготовительные работы для производства атаки австрийцев... какое содействие было бы вам необходимо получить, дабы дать надлежащее развитие удару». В тот же день А. А. Брусилов телеграфировал Алексееву, что войска его фронта будут готовы начать наступление к 20 мая, войска Западного фронта – не позже 29 мая.

Утром 22 мая мощная артиллерийская канонада возвестила о начале наступления войск Юго-Западного фронта. В течение первых трех дней они добились значительных успехов. Неприятельские позиции в полосе 8-й армии генерала А. М. Каледина оказались про-

рванными на фронте 70–80 километров на глубину 25–35 километров. Противник понес значительные потери.

Верховный главнокомандующий искренне радовался успехам своих войск. 23 мая он пишет в своем дневнике: «Вчера на многих участках Юго-Западного фронта после сильнейшего обстрела неприятельских позиций был произведен прорыв их линий и в общем захвачено в плен 13 000 человек, 15 орудий и 30 пулеметов. Благослови, Господи, наши доблестные войска дальнейшим успехом!» В последующие дни дневниковые записи пестрят цифрами захваченных пленных, орудий, пулеметов.

Между тем развитие наступления Юго-Западного фронта срочно требовало резервов. Направление в конце мая Брусилову двух корпусов не могло решить этой задачи.

Наступление требовалось поддержать активными действиями других фронтов. Поэтому Верховным главнокомандующим Западному фронту ставится задача не позднее 3 июня нанести удар из района Барановичи на Гродно. Северному фронту приказывалось активными действиями улучшить свои позиции и привлечь к себе подкрепления противника. Однако ни один из этих фронтов не поддержал наступление южного соседа.

Тем временем в Берлине состоялось совещание начальников генеральных штабов Центральных держав. На нем было решено срочно сосредоточить у Ковеля ударную группировку под общим командованием генерала Лизингена с задачей вырвать инициативу у русских. В район предстоящих действий перегруппировывались с Западного фронта 10-й армейский корпус, с итальянского фронта – две пехотные дивизии. 3 июня австро-германцы нанесли контрудар, который хотя и не достиг намеченных целей, но затруднил наступление русских войск.

К 12 июня войска Юго-Западного фронта форсировали Прут, овладели Черновицами, вышли к реке Серет, после чего на фронте наступило временное затишье.

Ставка приступила к подготовке новой наступательной операции. По решению Верховного главнокомандующего А. А. Брусилову были переданы 3-я армия и 78-я пехотная дивизия Западного фронта. Командующему войсками Юго-Западного фронта предлагалось сосредоточить основные усилия на ковельском направлении, нанести этот удар силами не менее восьми корпусов. 4-я армия Западного фронта должна была сломить, наконец, сопротивление противника на барановичском направлении.

Поздравление личного состава собственного конвоя с праздником Святой Пасхи.

Войска Юго-Западного фронта возобновили наступление 21 июня. За три дня 8-я и 3-я армии вновь прорвали оборону противника и начали продвижение на Ковель. Австро-германское командование было на грани паники. «Это был один из наисильнейших кризисов на Восточном фронте, – признавался Людендорф. – Надежды на то, что австро-венгерские войска удержат неукрепленную линию Стохода, было мало. Протекали очень тревожные дни. Мы отдавали все, что могли, и знали, что если противник нас атакует, то нам неоткуда ждать помощи». Однако и войска Юго-Западного фронта были лишены помощи. Поэтому их попытки форсировать реку Стоход на плечах отступавшего противника успеха не имели.

Австрийцы разрушили переправы, форсирование реки требовало людских резервов, артиллерии и боеприпасов, которых не хватало.

Не помогло и наконец-то начавшееся наступление войск Западного фронта. А. Е. Эверт докладывал, что наметился успех прорыва вражеской обороны. Но вскоре выяснилось, что такая оценка была преждевременной.

В итоге оперативные успехи Юго-Западного фронта так и не привели к решающим стратегическим результатам. Отвечая на вопрос, почему так произошло, генерал А. А. Брусилов писал: «Произошло это оттого, что Верховного главнокомандующего у нас по сути дела не было, а его начальник штаба, невзирая на весь свой ум и знания, не был волевым человеком». В какой-то мере он, вероятно, был прав. И все же справедливости ради следует отметить, что летние операции 1916 года стали первыми, когда были сделаны попытки согласовать действия трех фронтов в единую стратегическую наступательную операцию. Потери австро-венгерских войск в Галиции достигли полтора миллиона человек убитыми, ранеными и пленными. Были уничтожены или захвачены 581 орудие, 1795 пулеметов. Потери русских войск составили около 500 тысяч человек.

В первых числах сентября 1916 года перед Николаем II встали новые проблемы. К этому времени Румыния, преодолев двухлетнее колебание, объявила, наконец, войну Австро-Венгрии. Первые же бои показали, однако, что новая союзница Антанты не была готова к военным испытаниям. Ее войска терпели поражения. Значительная часть румынской армии попала в плен. Оставшиеся боеспособные части отходили в провинцию Молдова. Необходимо было принимать решительные меры.

Но Верховный главнокомандующий находился во власти совсем других настроений. Он устал от пребывания в Ставке, от скучных дел, докладов, обсуждений. 18 октября в своем дневнике император пишет: «После доклада был счастлив уехать из Могилева и попасть в свой поезд. Невмоготу мне стало это пятимесячное сидение на месте...» И на следующий день: «Душа радовалась от сознания скорейшего возвращения домой, на лоно милого семейства...»

Факт – Николай II очень любил свою семью и стремился быть к ней ближе. Некоторые писатели эту его привязанность подают как величайшее достоинство, сравнимое с лучшими качествами правителя. Другие, более объективные, представляют последнего российского императора как доброго человека и нежного семьянина, которому были свойственны некоторые человеческие слабости. Все это так. Но ответственность Верховного правителя страны и Верховного главнокомандующего не терпит снисхождения...

Осенью 1916 года по разработанному Ставкой плану прикрытия Бессарабии создается новый Румынский фронт, в состав которого входят румынские войска и передается 9-я армия Юго-Западного фронта. Но румынские соединения не в состоянии сдерживать удары врага. 21 ноября (4 декабря) румыны без боя сдали Бухарест. Русское командование вынуждено наращивать свою группировку в Румынии и брать на себя выполнение важных оперативных задач. Только в конце декабря наступление германцев на этом фронте было остановлено по рубежу нижнее течение Дуная, Браилов, Фокшаны, Дорна-Ватра. К тому времени на Румынский фронт Ставка была вынуждена перебросить 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий, ослабив тем самым другие фронты. В итоге обстановка на юге для русских войск создавалась бесперспективная.

Несколько лучше складывались дела на Кавказско-Турецком театре военных действий, где русские войска, проведя Трапезундскую наступательную операцию, вышли к Элхау и озеру Ван.

Тем временем по установившейся уже традиции в Шантильи, где располагалась французская главная квартира, собрались военные представители стран Антанты. Принятые на совещании резолюции сводились к решению комплекса задач. Во-первых, союзные армии

должны были подготовить к весне 1917 года согласованные операции, которые способны были придать кампании целеустремленный характер. Чтобы воспрепятствовать противнику вернуть себе инициативу, во-вторых, вооруженными силами всех стран в течение зимы должны были быть продолжены начатые уже наступательные операции. Предусматривалось также к первой половине февраля подготовить совместные наступательные операции теми силами и средствами, которыми к тому времени будут располагать союзные армии. В решениях оговаривалось, наконец, что, если обстоятельства позволят, то «общие наступательные операции с наиболее полным использованием средств, которые каждая армия будет иметь возможность ввести в дело, будут начаты на всех фронтах, как только окажется возможность их согласовать».

В начале ноября заболел начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев и запросил отпуск для лечения. Император дал свое согласие, решив назначить на время отсутствия Михаила Васильевича начальником штаба генерала В. И. Гурко, который совершенно не имел опыта управления войсками в стратегическом звене.

21 ноября новый начальник штаба Верховного довел до сведения командующих войсками фронтов результаты конференции в Шантильи, предложив им подготовить сообщения относительно плана кампании 1917 года незамедлительно. 17 декабря в Ставке состоялось совещание высших руководителей русской армии. Оно началось утром, шло под председательством государя, но фактически же его вел генерал Гурко. «Этот военный совет, – отмечал генерал А. М. Зайончковский, – радикально отличался от проводимых Алексеевым... Носил он характер санкционирования предложений Ставки или, вернее, мыслей Гурко, которые он хотел заставить разделить с собой командующих».

Верховному главнокомандующему в тот день было не до стратегии – он узнал об убийстве Распутина и очень переживал, выдержит ли такое горе супруга. Не дождавшись конца совещания, в четыре часа пополудни государь спешно выехал из Могилева в Царское Село. После отъезда царя продолжать совещание стало нецелесообразно, так как «генерал Гурко, – как отмечал генерал Ю. Н. Данилов, в то время начальник штаба Северного фронта, – не смог взять на себя самостоятельное решение вопроса о характере будущих действий, и таким образом совещание закончилось без определенных выводов».

Посещение раненых.

21 декабря император со всей семьей присутствовал на погребении Распутина. Судя по записям в его дневнике тех дней, особенно расстроен случившимся он не был. Видимо, «старец», не пользовавшийся любовью российского общества и армии, ему также изрядно надоел. На следующий после похорон день в кругу семьи Романовы отметили день рождения Анастасии.

Итак, завершилась кампания 1916 года. Становилось ясным, что ни одна из воюющих коалиций не смогла выполнить свои стратегические задачи. Тем не менее, Россия смогла оттянуть на себя главные силы противника – в ходе кампании на Восточный фронт, по подсчетам Ставки, прибыло 17 дивизий с французского фронта, 13 из внутренних округов Германии. В результате боев огромными были потери русской армии, которые, по приближи-

тельными подсчетам, достигли только убитыми и ранеными более 90 тысяч человек. Кроме того, числилось более 2,3 миллиона человек, взятых противником в плен, в том числе 13 400 офицеров. Следовательно, общее количество потерь России с начала войны к тому времени уже приближалось к 7 миллионам человек.

Но Россия не только активными действиями на своем фронте старалась помочь союзникам. Во Францию были отправлены три особые русские бригады, которые приняли участие в оборонительных боях в районе Мурмелон Ле-Гран. К сожалению, для самой России жертвы, принесенные этими бригадами, оказались напрасными.

И все же итоги кампании 1916 года были более благоприятны для стран Антанты, которая добилась перехвата стратегической инициативы. Германия и Австрия вынуждены были перейти к жесткой обороне. В сложнейшем положении оказалась Турция. Но Николай II не смог воспользоваться этими возможностями.

После похорон Распутина Николай II задержался в Царском Селе почти на два месяца. Приемы, доклады, прогулки были содержанием его жизни в это время. Важнейшим событием в кадровой политике того периода стала смена военных министров. Новый 1917 год император начал с того, что освободил от этой должности генерала Шуваева и назначил на этот пост его заместителя и одновременно начальника Генерального штаба генерала от инфантерии М. В. Беляева. Но и этот человек, который также прослужил много лет на высоких штабных должностях в столице, был мало знаком с боевой деятельностью войск. Но он слыл хорошим организатором, и Верховный главнокомандующий надеялся, что новый военный министр сможет обеспечить армию людскими резервами и необходимыми материальными средствами.

В двадцатых числах января в Царское Село приехал начальник штаба Ставки генерал Гурко с проектом плана военных действий на 1917 год. 24 января Верховный главнокомандующий утвердил этот план. Началась подготовка наступательных операций.

Спустя неделю была проведена очередная встреча представителей союзных армий. На этот раз она состоялась в Петрограде. Участники конференции подтвердили свое намерение в предстоящую кампанию довести войну до победного конца. «Кампания 1917 года, — отмечалось в постановлении, — должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех был бы вне всякого сомнения».

После оживленной дискуссии представители союзного командования согласились начать наступление на всех фронтах не позднее 5–8 мая. Российский император согласился с этим решением, при этом он, как Верховный главнокомандующий русской армией, уже не учитывал реально сложившиеся на то время обстоятельства.

22 февраля Николай II выехал из Царского Села в Ставку. В Могилеве его встречал генерал М. В. Алексеев, вернувшийся к исполнению обязанностей начальника штаба после болезни. Доклад о положении дел на фронтах продолжался около часа. Верховный скучал по семье и не был настроен на работу. «Пусто показалось в доме без Алексея (сына)», — записал он в тот день в своем дневнике.

Меж тем обстановка в стране становилась все более взрывоопасной. Первые волнения начались 23 февраля, в день отъезда императора в Могилев. К вечеру в Ставку поступили сведения о том, что в Петрограде толпы народа загрохотали улицы, требуя хлеба. Слух о введении хлебных карточек взволновал жителей города. В следующие дни характер уличных скопищ стал видоизменяться. Волнения широко охватили заводы. На улицы выходили рабочие. Среди них появились агитаторы. Из народных толп стали выкрикивать лозунги: «Долой самодержавие! Долой войну!» Появились красные флаги, носившие аналогичные надписи. Распевались революционные песни.

В это время император жил привычной для него жизнью Ставки и переживаниями за семью. 24 февраля он пишет: «В 10.30 пришел к докладу, который кончился к 12 часам. Перед завтраком принесли мне от имени бельгийского короля Военный крест. Погода была неприятная – метель. Погулял немного в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру».

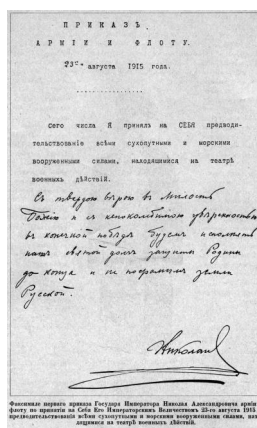
В ночь на 25 февраля в Петрограде были проведены многочисленные аресты, подлившие еще больше масла в огонь. Как доносил в Ставку командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов, число бастовавших исчислялось в 250 тысяч человек.

В ответ на полученное донесение император направил в столицу телеграмму, требуя прекратить беспорядки. Утром 26 февраля войска в разных местах столицы открыли огонь по возбужденным народным толпам. Тучи сгущались...

В полдень 25 февраля император получил от Александры Федоровны телеграмму: «Я очень встревожена положением в городе...» – писала она.

Спустя час поступило сообщение от М. В. Родзянко: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

Прошло не менее получаса и в Ставку пришла новая телеграмма от М. В. Родзянко. Она была рассчитана прежде всего на генерала М. В. Алексеева, но копии ее были адресованы командующим войсками фронтов. Телеграмма гласила: «Обстановка настоятельно требует передачи власти лицу... которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения». В данной телеграмме Родзянко просил военных руководителей высказаться по этому вопросу.

Приказ по войскам о вступлении Николая II в Верховное командование.

27 февраля утром председатель Государственной думы обратился к государю с очередной телеграммой: «Положение ухудшается, надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

«Первые сообщения о происшедшей революции, – писал в те дни А. Ф. Керенский, – Николай II воспринял спокойно. Неизбежные беспорядки в связи с разрывом с думой предусматривались в его плане восстановления абсолютизма, а командующий специальными вооруженными силами, дислоцированными в Петрограде, генерал Хабалов заверил царя,

что «войска выполняют свой долг». Действительно, несколько гвардейских кавалерийских полков, отозванных с фронта, как это и обещал царь перед отъездом 22 февраля в Ставку, уже двигались в направлении столицы».

Тревожные сигналы из столицы поступали один за другим. «Трудно думать, – отмечал генерал А. И. Деникин, – что и в этот день государь не отдавал себе ясного отчета в катастрофическом положении». Но «он – слабовольный и нерешительный человек – искал малейшего предлога, чтобы отдалить час решения... Во всяком случае, новое внушительное представление генерала Алексеева, поддержанное ответными телеграммами командующих на призыв Родзянко, не имело успеха».

Утром 27 февраля к царю обратился его брат, великий князь Михаил Александрович, умоляя государя прекратить беспорядки, назначив такого премьер-министра, который будет пользоваться доверием думы и общественности. Однако Николай II в весьма резкой форме посоветовал великому князю не вмешиваться не в свои дела. Он приказал генералу С. С. Хабалову использовать все имеющиеся в его распоряжении средства для подавления бунта. В тот же день император отдал приказ генералу Н. И. Иванову отправиться в Царское Село.

Сам государь, обеспокоенный участью своей семьи, утром 28 февраля поехал в Царское Село, не приняв никакого определенного решения. Оставшийся во главе Ставки генерал Алексеев, как считал А. И. Деникин, «не обладал достаточной твердостью, властью и влиянием, чтобы заставить государя решиться на тот шаг, необходимость которого осознавалась даже императрицей...»

На следующий день на узловой станции Дно, через которую шел путь в Царское Село, комиссар по железнодорожному транспорту Бубликов распорядился остановить императорский поезд, а также состав с его свитой. Узнав, что путь через станцию Дно закрыт, царь после лихорадочных консультаций с приближенными приказал отправить состав в Псков, где находился штаб командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. Путь в этом направлении был еще свободен.

1 марта в 7.30 вечера Николай II прибыл в Псков, где его встретил генерал Н. В. Рузский с офицерами своего штаба. По свидетельству очевидцев, во время этой нелегкой поездки царь не проявлял никаких признаков нервозности или раздражения. В этом и не было ничего удивительного, ибо ему была всегда свойственна какая-то странная способность равнодушно воспринимать внешние события. Спустя час он заслушал в своем личном вагоне доклады генерала Рузского и начальника штаба фронта о происшедших за время его поездки событиях. Они никоим образом не изменили состояния его духа.

В 11.30 вечера генерал Рузский передал царю только что полученную телеграмму от генерала Алексеева. В ней начальник штаба Ставки сообщал о растущей опасности анархии, распространяющейся по всей стране, дальнейшей деморализации армии и невозможности продолжать войну в сложившейся ситуации. В телеграмме также говорилось о необходимости опубликовать официальное заявление, желательно в форме манифеста, которое внесло бы хоть какое-то успокоение в умы людей, и провозгласить создание «внушающего доверие» кабинета министров, поручив его формирование председателю думы. Алексеев умолял царя безотлагательно опубликовать такой манифест и предлагал свой проект документа.

Прочитав телеграмму и выслушав соображения генерала Рузского, царь согласился обнародовать манифест. Немедленно по принятии этого решения он направил генералу Иванову телеграмму, в которой потребовал не предпринимать до его прибытия никаких акций. Тогда же Николай II распорядился о возвращении на фронт всех частей, направленных в Петроград для подавления мятежа силой оружия.

Подводя итоги прошедшего первого весеннего дня, Верховный главнокомандующий по своему обыкновению сделал запись в дневнике. Сжато описав маршрут движения и отметив факт встречи с генералом Рузским, он позволил себе огорчиться. «Стыд и позор! – сокру-

шался император. – Доехать до Царского не удалось. А мыслями и чувствами все время там! Как бедной Алике должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!»

Предпринятые императором шаги и надежда на Бога не дали ожидаемых результатов. События развивались стремительно.

1 марта в столице началось формирование Временного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым. Днем в Ставку доставили копии телеграфных лент переговоров генерала Рузского с Родзянко, не приехавшего на встречу с императором в Псков. Ознакомившись с текстом, генерал Алексеев составил на имя командующего войсками фронтов телеграмму, которая приобрела поистине историческое значение в последующих событиях в России. В ней излагалась общая обстановка так, как она была обрисована М. В. Родзянко в разговоре с Рузским, приводилось мнение председателя Государственной думы о том, что спокойствие в стране, а следовательно, и возможность продолжения войны могут быть достигнуты только при условии отречения императора Николая II от престола в пользу его сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Пленные немцы. Осень 1915 г.

«Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, – писал М. В. Алексеев. – Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжить до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой уступок. Если вы разделяете этот взгляд, – обращался к военным руководителям Михаил Васильевич, – то не благоволите ли вы телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству, известив меня».

Эти телеграммы были разосланы 2 марта. Ответы командующих фронтами были почти одинаковыми. Командующие Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич, Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов и Западным фронтом генерал А. Е. Эверт в разных выражениях просили императора принять решение, высказанное председателем Государственной думы, признавая его единственным могущим спасти Россию, династию и армию. Несколько позднее были получены телеграммы от командующего Румынским фронтом и Балтийским флотом.

Утром того дня генерал Рузский довел до императора содержание его разговора с Родзянко. По его словам, положение складывалось так, что спасти его могло только отречение. После некоторых колебаний император согласился. Из Ставки тут же прислали проект манифеста об отречении. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин.

О том, как состоялось подписание этого исторического документа, рассказывал в своих мемуарах Ю. Н. Данилов: «В хорошо знакомом мне зеленоватом салоне, – писал он, – за небольшим четырехугольным столом, придвинутым к стене, сидели с одной стороны государь, а по другую сторону лицом ко входу А. И. Гучков и В. В. Шульгин. Тут же, если не ошибаюсь, сидел или стоял, точно призрак в тумане, 78-летний старик – граф Фредерикс...

На государе был все тот же серый бешмет и сбоку на ремне висел длинный кинжал. Депутаты были одеты по-дорожному, в пиджаках, и имели «помятый» вид... Очевидно, на них отразились предыдущие бессонные ночи, путешествия и волнения... Особенно устало выглядел Шульгин, к тому же, как казалось, менее владевший собою... Воспаленные глаза, плохо выбритые щеки, съехавший несколько на сторону галстук вокруг смятого в дороге воротничка...

Генерал Рузский и я при входе молча поклонились. Главнокомандующий присел у стола, а я поместился поодаль – на угловом диване. Вся мебель гостиной была сдвинута со своих обычных мест к стенам вагона, и посередине образовалось довольно свободное пространство.

Кончал говорить Гучков. Его ровный мягкий голос произносил тихо, но отчетливо роковые слова, выражавшие мысль о неизбежности отречения государя в пользу цесаревича Алексея при регентстве Великого князя Михаила Александровича...

«К чему эти переживания вновь, – подумал я, упустив из виду, что депутатам неизвестно решение государя, уже принятое днем, за много часов до их приезда».

В это время плавная речь Гучкова была перебита голосом государя:

– Сегодня в 3 часа дня я уже принял решение о собственном отречении, которое и остается неизменным. Вначале я полагал передать престол моему сыну Алексею, но затем, обдумав положение, переменяю свое решение и ныне отрекаюсь за себя и своего сына в пользу моего брата Михаила... Я желал бы сохранить сына при себе и вы, конечно, поймете, – произнес он, волнуясь, – те чувства, кои мною руководят в данном желании.

Содержание последних слов было для генерала Рузского и меня полной неожиданностью! Мы переглянулись, но, очевидно, ни он, ни тем более я не могли вмешаться в разговор, который велся между государем и членами законодательных палат и при котором мы лишь присутствовали в качестве свидетелей.

К немалому моему удивлению, против решения, объявленного государем, не протестовали ни Гучков, ни Шульгин...»

Сам Николай по итогам дня записал в дневнике: «... В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!»

Итак, время императорской России навсегда было закончено. Вместе с короной Николай II терял и пост Верховного главнокомандующего русской армией. Давая оценку его деятельности на этих высших государственных постах, нужно отметить следующее.

В лице императора в России в тот период была сосредоточена не только военная, но и государственная власть. До него такой властью пользовался только Петр Великий. Александр I, находясь на театре войны в 1805–1807 годы, командование войсками полностью доверил М. И. Кутузову. Во время Крымской войны 1854–1856 годов император Николай I, а затем и Александр II не решились взять на себя стратегическое руководство войсками. Но в отличие от Петра I, Николай II не смог мобилизовать все силы страны для решения военно-политических задач. Воюющая Российская империя не представляла собой единый военный лагерь, а оставалась страной, раздираемой на части интересами различных группировок и партий. Главной жертвой этих противоречий стал и сам император, и, безусловно, российский народ.

Не обладал Николай II и даром военачальника. При нем военная стратегия на фронте с Германией и Австро-Венгрией носила преимущественно пассивный, оборонительный характер. Редкие наступательные операции, в том числе и Юго-Западного фронта летом 1916 года, не достигли поставленных целей. В результате 18-месячного руководства войсками Николаем II Северный и Западный фронты, откатившись на восток, оставили врагу обширные районы Белоруссии и Северо-Западной Украины.

Не смог воспользоваться Верховный главнокомандующий и успехами Кавказской армии, собственными силами нанеся существенное поражение турецким войскам и овладевшей большими территориями в Северо-Восточной Турции и в Персии. Босфорская операция так и осталась не осуществленной. В результате Турция была спасена от реального поражения, которое ей предрекали уже в конце 1916 года.

Проводимые операции обескровили русскую армию и лишили ее материальных запасов. Но необходимость постоянно увеличивать количество соединений в составе действующей армии (со 112 дивизий в августе 1915 года до 159 дивизий в феврале 1917 года) требовала дополнительных призывов. Это наносило ущерб экономике страны, лишая ее наиболее сильных рабочих рук. В то же время постоянный приток с фронта увечных и раненых увеличивал количество едоков. В совокупности эти факторы стали причиной нехватки в стране продовольствия, что породило народные выступления. Запасы продовольствия в стране были на складах частных фирм, но император не смог добиться их передачи на удовлетворение потребностей народа. Это стало большой ошибкой его внутренней политики.

Значительными были промахи императора и в области внешней политики. Французские кредиты сделали Россию послушным орудием в руках Парижа, которой была уготовлена участь не равноправного союзника, а девушки по вызову в том случае, когда нужно было отвлечь внимание Германии от Запада. При таком подходе Россия, несшая на своих плечах основную тяжесть войны, среди стран Антанты была только на третьем месте, и император не мог добиться усиления ее роли.

Летом 1916 г. офицеры и солдаты перед зданием Главного командования войска.

Фронтовые радости.

Не лучше обстояло дело и с внутренней политикой Николая II. Бывший председатель II Государственной думы Ф. А. Головин писал: «Его политика всегда сводилась к тому, чтобы в крайних случаях идти на минимальные уступки обществу, а данные торжественные обещания не выполнять, если окажется малейшая возможность. В царствование Николая II министры мелькают, как в калейдоскопе, они сменяются в зависимости от постоянных колебаний политики то вправо, то влево. Он все время лавирует между подводными скалами революции, заботясь не о пользе и нуждах государственных, а о сохранении в возможной полноте своей власти царской».

Хитрый, двуличный, трусливый государь ведет эту свою извилистую политическую линию вполне сознательно и самостоятельно, но по свойству своего характера старается всегда замаскировать свое авторство и руководство в правительственных безобразиях наивным своим видом безответственного агнца, притворной жертвы влияния посторонних темных сил, окружающих царя. Не обладая ни достаточным умом, ни волею, ни силой характера, несчастный Николай II, сознавая все же, что он своею узкоэгоистической политикой приносит неисчислимые бедствия государству, чувствуя, что, в конце концов, он может довести Россию до гибели или свой трон до падения, живет в вечном страхе. Как все слабые люди, смутно понимающие безвыходность своего положения, но не могущие ни изменить его, ни разобраться в нем толком, ждут сверхъестественной помощи извне, какого-то чуда, которое их спасет, так и Николай II бросается за помощью то француза шарлатана-гипнотизера, то

отца Иоанна Кронштадтского, то старца Распутина...» «Николай II хотел сочетать в себе черты Александра II и Александра III, – отмечает Г. Иоффе, – он был реформатором и контр-реформатором в одном лице, а значит, ни тем, ни другим».

Последующие события, связанные с судьбой бывшего императора Николая II и его семьи, хорошо известны, его авторитет в стране, как выяснилось, был невелик. Так, известие о гибели царя, опубликованное в 20-х числах июля 1918 года в советской прессе, не вызвало в народе никакого видимого душевного движения. Бывший премьер-министр Коковцев записал 20 июля: «Сообщение читали вслух попеременно с ужимками, глумливыми, язвительными, совершенно бессердечными замечаниями типа: «Да, брат Романов, отплясал свое...»

Людей, оплакавших в России гибель императорской семьи, было мало, а слезы их остались почти невидимы миру. Но прошло 70 лет, и зарождающаяся российская демократия вдруг вспомнила о последнем российском императоре. Появились десятки публикаций, вышло несколько книг, изображавших Николая II жертвой советской системы. После роспуска КПСС и распада СССР гибель императора и его семьи стали называть преступлением коммунистов. Начались поиски царских останков, некоторые деятели Русской Православной Церкви заговорили о святости мученически погибшего Николая Романова. И в 1981 году царская семья была прославлена Русской Православной Церковью за рубежом, а в 2000-м – в России.

Генерал Михаил Алексеев

Император, пожелав стать во главе действующей армии, своим начальником штаба назначил генерала от инфантерии М. В. Алексеева, который до этого был начальником штаба Юго-Западного фронта и очень мало времени возглавлял Западный фронт. Именно ему суждено было в качестве начальника штаба Ставки осуществлять оперативное планирование всех действий войск во второй половине 1915 года и 1916 году, а затем стать одним из самых активных инициаторов отречения императора от престола, первым Верховным главнокомандующим Временного правительства.

Сын солдата сверхсрочной службы, выслужившего чин майора, Михаил Васильевич Алексеев родился 3 (13) ноября 1837 года в одной из заброшенных деревень Тверской губернии. Его мать – Надежда Ивановна, урожденная Галахова, дочь преподавателя гимназии, умерла, когда ее сыну исполнилось пятнадцать лет. Спустя два года Михаил, закончив Тверскую классическую гимназию, поступил на военную службу вольноопределяющимся, а в 1876 году стал выпускником Московского юнкерского пехотного училища. В составе 84 пехотного Казанского полка участвовал в боях с турками. За личную храбрость был удостоен пяти боевых наград.

В тридцать три года он по первому разряду окончил Николаевскую академию Генерального штаба и вскоре получил назначение преподавателем военной администрации и руководителем топосъемок в Николаевское кавалерийское училище. Один из его учеников, Африкан Петрович Богаевский, впоследствии генерал, сподвижник по белому движению, вспоминая об этих годах деятельности Михаила Васильевича, писал: «Уже пожилой капитан Генерального штаба с суровым взглядом близоруких глаз, прикрытыми очками, с резким голосом, он вначале на нас, юнкеров, навел страх своей требовательностью и порядочную скуку своим предметом, нагонявшим тоску. Но вскоре под его суровой внешностью мы нашли простое и отзывчивое сердце. Он искренне хотел и умел научить нас необходимой для военного человека науке... Злейший враг лени и верхоглядства, он заставлял и нас тщательно исполнять заданные работы».

Служба в училище оказалась недолгой. Прошло менее двух лет, и Михаил Васильевич получил назначение начальником штаба 1 армейского корпуса, а в 1895 году – начальником одного из отделов Главного штаба. Как отмечает один из его сослуживцев, генерал Александр Сергеевич Лукомский, «он стал постоянным участником и ближайшим помощником генерала Ф. Ф. Палицына (в то время начальника Главного штаба) во всех полевых поездках... Отличаясь громадной работоспособностью, Алексеев являлся образцом, по которому старались равняться и другие участники полевых поездок».

В 1895 году Михаил Васильевич женился. Его жена – Анна Николаевна Щербицкая вскоре родила первенца – дочь Клавдию.

В 1898 году полковник Алексеев, продолжая службу в Генеральном штабе, стал профессором Николаевской академии. Генерал Богаевский в этой связи писал: «Спустя годы я снова встретился в Михаилом Васильевичем, теперь уже в академии Генерального штаба, как со своим профессором по истории русского военного искусства. Он остался таким же кропотливым и усердным работником, прекрасно излагавшим свой далеко не легкий предмет. Он не был выдающимся талантом в этом отношении, но то, что нужно нам было знать, он давал в строго научной форме в сжатом образном изложении. Мы знали, что все, что он говорит, – не фантазия, а действительно так и было, потому что каждый исторический факт он изучал и проверял по массе источников».

Началась Русско-японская война. Получив первый генеральский чин, Михаил Васильевич назначается генерал-квартирмейстером 3-й Маньчжурской армии. Он принимает активное участие в планировании Мукденской операции, за что награждается орденом Св. Станислава 1-й степени. С 1906 года в течение последующих пяти лет он – оберквартирмейстер Главного управления Генерального штаба, затем начальник штаба Киевского военного округа, командир 13 армейского корпуса. Произошли изменения и в семье Михаила Васильевича: в 1906 году родилась вторая дочь – Вера, в 1908 году – сын Николай. Мировую войну генерал-лейтенант Алексеев встретил начальником штаба Юго-Западного фронта.

«Приехав в Ровно, в штаб фронта, – вспоминает его дочь Вера Михайловна Алексеева-Борель, – отец встретился со своим прежним начальником генералом от артиллерии Ивановым. Они несколько лет душа в душу работали в Киеве.

Отцу было дано право выбирать генерал-квартирмейстера. Он представил список из шести лиц. Знаю, что первым был генерал-майор Дитерихс, тот самый, который последним закончил «белую борьбу» на Востоке, который принимал участие в расследовании убийства царской семьи в Екатеринбурге и составил уже в Шанхае об этом большой труд... Последним в списке был генерал-майор М. С. Пустовойтенко. Из этих шести лиц высшее начальство назначило именно его генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта. Человек очень скромный, он не был самостоятельным работником и мыслителем, но вдумчивым и точным исполнителем получаемых распоряжений. Для отца он оказался идеальным помощником...»

В середине 1914 года Михаил Васильевич был произведен в генералы от инфантерии, а в марте – назначен главнокомандующим армиями (командующим войсками) Северо-Западного фронта.

Шел 389-й день мировой войны. В воскресенье 23 августа 1915 года почти ровно в полдень в Могилев, где располагалась русская Ставка, въехала колонна машин. Она остановилась на центральной площади города. Из головной машины вышел человек невысокого роста, плотного сложения с небольшой светлой овальной бородой. Это был царь Николай II, с этого дня принявший пост Верховного главнокомандующего действующей армии и флота Российской империи. За ним потянулась свита во главе с министром двора почтенным, но заметно дряхлеющим графом Фредериксом и дворцовым комендантом генералом Воейковым, известным в обществе более всего своим назойливым рекламированием целебной воды «куваки», добывавшейся в его пензенском имении. Встречали прибывших должностные лица Ставки, именитые люди этого некогда тихого, наполовину еврейского губернского города.

Приветствовал императора неделю назад вступивший в должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М. В. Алексеев.

Назначение Михаила Васильевича на столь ответственный пост носило закономерный характер. Его оперативно-стратегическое мышление и организаторские способности про-

явились в операциях и сражениях кампании 1914 года. Пользовался генерал Алексеев и достаточно высоким авторитетом в войсках. «В армии, – отмечал генерал Н. Н. Головин, – популярность его распространялась главным образом на офицерские круги. Командный состав видел в нем наиболее знающего из всех русских генералов руководителя, а армейские офицеры – своего брата, вышедшего на высшие ступени иерархии исключительно благодаря личным заслугам».

«Генерал Алексеев – человек рассудительный, достаточно спокойный и вполне подготовленный... к широкой стратегической работе, – отмечал генерал Ю. Н. Данилов, хорошо знавший его по совместной работе, в годы войны занимавший должности генерал-квартирмейстера фронта, командира корпуса, командующего армией, начальника штаба фронта. – Он пользовался в армии вполне заслуженной репутацией человека больших знаний и огромной личной трудоспособности. Происходя из скромной трудовой семьи, Михаил Васильевич проложил себе дорогу на верхи армии необыкновенной добросовестностью и неутомимой энергией. Его уважали и любили за простоту обращения и общую благожелательность...

Участник трех кампаний – турецкой, японской и последней, долго служивший на специальных должностях Генерального штаба и прошедший через высокие командные должности, он, несомненно, был одним из наиболее подготовленных генералов для занятия исключительно ответственной должности начальника штаба Верховного.

Если нужно говорить непременно о недостатках, присущих всякой человеческой природе, – продолжает Ю. Н. Данилов, – то в числе таковых я бы прежде всего отметил у генерала Алексеева недостаточное развитие волевых качеств... Внешность его также мало соответствовала высокому положению. Сутуловатый, с косым взглядом из-под очков, вправленных в простую металлическую оправу, с несколько нервной речью, в которой нередко слышны повторявшиеся слова, он производил впечатление скорее профессора, чем крупного военного и государственного деятеля... Его характеру не чужда была некоторая нетерпимость к чужим мнениям, недоверие к работе своих сотрудников и привычка окружать себя безмолвными помощниками. Наличие этих недостатков сказывалось у генерала Алексеева тем отчетливее, чем расширялась область его деятельности...»

Летом 1915 года Россия переживала исключительно тяжелое время. После крупных успехов первого периода войны, ознаменовавшихся разгромом австро-венгерских вооруженных сил и занятием почти всей Галичины, русские армии вынуждены были начать отход. Дело в том, что уже весной германское Верховное главнокомандование, встревоженное успехами русского оружия над австрийцами, круто изменило принятый им в начале войны план, по крайней мере, на ближайший период времени. Возведя на Западном почти неодолимую стену укреплений, оплетенных проволокой и усиленных мощной артиллерией, немцы создали возможность безбоязненной переброски значительных сил на Восточный фронт. В результате, как правильно оценивал Алексеев, если в начале войны против России действовало около трети всех вражеских сил, то к марту 1913 года – более половины вооруженной мощи Германии и Австро-Венгрии. Для России открылся к тому же новый – кавказско-турецкий театр военных действий.

15 апреля после невиданного по силе артиллерийского обстрела, весьма скоро сровнявшего слабые русские укрепления с землей, соединенные германо-австрийские силы перешли в контрнаступление в полосе между рекою Висла и подножием Баскяд. На центральном участке Русско-германского фронта противник устремился в образовавшийся прорыв. Соседние русские армии, далеко углубившиеся к этому времени в Карпатские горы, были поставлены в весьма трудное положение. Отбиваясь от наседавшего неприятеля, отвечая на его сотни выстрелов лишь одиночными, русские войска стали шаг за шагом отходить с гор, потянувшись к реке Сан.

Здесь командующий войсками Юго-Западного фронта генерал Н. И. Иванов предполагал организовать новый рубеж обороны. Но прибытие свежих немецких дивизий, дополнительно переброшенных с французского фронта, не позволило реализовать план. Русские армии оказались вынужденными к дальнейшему отступлению из Галичины. Силы противника постоянно увеличивались. Полоса его наступления расширялась. В руки неприятеля перешли Львов и Варшава. Истекая кровью, лишенные поддержки союзников, русские армии продолжали отход, нанося время от времени контрудары и переходя в контратаки.

Штаб Северо-Западного фронта тех дней. Командующий его войсками генерал М. В. Алексеев в тяжелых раздумьях – перед его глазами катастрофа на юге страны в полосе фронта, штаб которого он возглавлял более семи месяцев с первого дня войны. Похоже, что генерал Иванов ударился крепко в панику, коль уже думает о сдаче Киева и отводе войск за Днепр. Что же в этих условиях сулит завтрашний день Северо-Западному фронту, в который включена часть разбитых на юге войск, среди них особенно тяжело пострадавшая 3-я армия?

Таран Макензена превратился в гигантскую клешню, охватившую центральную Польшу с юга. Вот-вот навстречу ей протянется из Восточной Пруссии вторая. Тогда судьба русских войск между Вислой и Бугом предрешена. Что делать?

«Алексеев, – записывает в дневнике генерал Ф. Ф. Палицын, в недавнем прошлом начальник Генерального штаба, – чувствует и, скажу, видит, насколько положение наше при отсутствии средств к борьбе хрупко, он видит и необходимый в наших условиях исход. Гуляя вечером между хлебами, мы в разговоре часто к нему подходим и скоро от него отходим. Мы как-то боимся своих мыслей... Вопросы эти требуют заблаговременного решения, они сложны, и последствия этого решения чрезвычайно важны. И дело не в Варшаве и Висле, даже не в Польше, а в армии. Противник знает, у нас нет патронов и снарядов, а мы должны знать, что не скоро их получим, а потому, чтобы сохранить России армию, должны ее вывести отсюда... Надежда удержаться нас не оставляет, но пассивное удержание нашего положения само по себе есть одно горе при отсутствии боевого снабжения».

Выбора, по мнению Михаила Васильевича, собственно, не было, – нужно было отводить войска, пока не потеряно время. Контуры катастрофы обозначились достаточно ясно, и она бы разразилась в полном объеме, если бы командование Северо-Западного фронта не сохранило присутствия духа и четкости мышления. В определенной мере помог и противник. Возникшие разногласия между австрийским командующим Макензеном и германским командующим Гинденбургом привели к тому, что вражеское военное руководство распылило силы.

В конце июня – начале июля войска германского блока перешли в наступление на всем стратегическом фронте. Развернулось трехмесячное тяжелое сражение. Объединения Северо-Западного фронта оказывали противнику упорное сопротивление. Штаб фронта, не терявший управление, планомерно руководил отходом. Правда, были и просчеты. Слишком большие надежды возлагались на оборону крепости Новогеоргиевск.

Прискорбной неожиданностью для Алексеева стала также сдача противнику крепости Ковно. В результате командующий войсками фронта не смог осуществить подготовленный контрудар. Он был вынужден оттянуть правое крыло фронта, еще тяжелее складывалась обстановка в полосе южного соседа.

В кровопролитных схватках с врагом русские войска дрались совсем неплохо, нередко – превосходно. Однако мужество и жертвенность не могли компенсировать всевозрастающей нехватки вооружения и боеприпасов. «Трудно на словах передать всю драматичность того положения, в котором оказалась русская армия в кампании 1915 года, – писал участник событий генерал Н. Н. Головин. – Только часть бойцов, находящихся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы, в свою очередь, взять в руки

винтовку. Высшие штабы изощрялись в изобретениях, подчас очень неудачных, только бы как-нибудь выкрутиться из катастрофы.

Так, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии я помню полученную в августе 1913 года телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки. Предполагалось, что эти роты могут быть употребляемы как прикрытие для артиллерии. Фантастичность этого распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий, генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства. Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести «алебардистов» только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась русская армия в кампанию 1915 года».

Потери русских убитыми и ранеными в этот период достигают рекорда – в среднем 235 тысяч человек в месяц против 140 тысяч за всю войну. Великое Отступление обошлось русской армии в 1 миллион 410 тысяч убитых и раненых. Учет, кто погиб, был труден, а зачастую невозможен. Тяжелораненые погибали на оставленных полях сражений или добивались неприятелем. При отступлении части торопливо хоронили своих и «чужих» убитых. Все чаще при отпевании у свежевыкопанных братских могил-рвов звучали скорбные слова священников: «Имена же их ты, господи, веси». Бессчетные солдаты и офицеры гибли только потому, что не были вооружены и обучены, о чем было слишком хорошо известно.

Это вызывало понятную горечь и гнев. Смерть настигала без разбора – нижних чинов и тех, кто мог бы рассчитывать на иную судьбу. Скорбные санитарные поезда развозили по всей России раненых – живое доказательство происходившего на фронте. Назревала, следовательно, обстановка, в которой требовались кардинальные государственные решения. Одним из них стала смена Верховного главнокомандования. Уход великого князя Николая Николаевича с поста Верховного становился неизбежным. Великий князь, кстати, отдавал себе отчет в создавшемся положении. Он считал также, что на смену начальника штаба генерала Н. Н. Янушкевича, которому не удалось ни проявить должной уравновешенности, ни завоевать необходимого влияния в правительственных сферах, должен прийти новый человек. Им он видел генерала Алексеева, в руках которого как командующего войсками Северо-Западного фронта к началу августа сосредоточилось значительное число армий и на долю которого выпала главная задача по выводу их из «польского мешка». Мнение великого князя по этому вопросу полностью разделялось в высших военных кругах. Между тем события развивались.

4 августа «после обычного доклада, – рассказывает в мемуарах военный министр того времени генерал А. А. Поливанов, – государь высказал мне, что намеревается вступить в Верховное командование армиями. На возражение о трудностях, сопряженных с такими намерениями, император Николай II ответил:

– Я много размышлял по сему поводу, и принятое решение является вполне твердым... Вас прошу выехать в Ставку, а также в штаб Северо-Западного фронта, где ознакомиться с мнениями по этому вопросу.

В Ставке от начальника военных сообщений, – продолжает Поливанов, – я узнал, что для переезда в Волковыск, где размещался штаб Северо-Западного фронта, мне удобнее воспользоваться автомобилем, ибо железнодорожный путь ввиду отхода армий занят непрерывно следующими воинскими поездами... В Волковыск прибыли, когда начинало темнеть.

Командующий занимал маленький домик в центре города. Я не видел генерала Алексеева с мая. Озабоченный тяжелым положением своих войск, он был, однако, как всегда, спокоен и сосредоточен. Он выслушал от меня известие о предстоящей ему обязанности обратиться в начальника штаба при Верховном главнокомандующем государе, промолвив,

однако, что «придворным быть он не сумеет». По карте он изложил мне современное стратегическое положение... Далее перешли к делам Ставки.

При столь критическом положении нашего фронта, требующем непрерывного к себе внимания, генерал Алексеев признавал перемену высшего командования в данную минуту безусловно вредной...

После ужина у генерала Алексеева я отправился на автомобиле тем же путем на станцию Барановичи. Во вторник 11 августа прибыл в Царское Село. Я был принят в тот же день в 3 часа и изложил подробно мои переговоры с великим князем Николаем Николаевичем и с генералом Алексеевым, получив указания, для ответов на возбужденные ими вопросы. Государь изъявил согласие не торопиться с отъездом в армию и разрешил мне осведомить Совет министров о принятом им решении».

23 августа 1913 года армии и флоту был отдан приказ. В нем после официального текста государя о вступлении на пост Верховного главнокомандующего собственноручно императором Николаем II была сделана приписка: «С твердой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской».

С чинами Ставки.

«Этот значительный по существу акт, — отмечал генерал А. И. Деникин, — не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос:

— Кто будет начальником штаба? Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство. Фактически, — подчеркивал Антон Иванович, — в командование вооруженными силами России вступил генерал Михаил Васильевич Алексеев... человек, вызвавший в истории различное отношение — и положительное, и отрицательное — к своей военной и политической деятельности, но никогда не давшего повода сомневаться в том, что «крестный путь его озарен кристальной честностью и горячей любовью к Родине — и великой, и растоптанной».

Не всегда достаточно твердый в проведении своих требований, в вопросе о независимости Ставки от сторонних влияний, Алексеев проявил гражданское мужество, которого так не хватало жадно державшимся за власть сановникам».

Поясняя последнюю мысль, генерал Деникин приводит следующий эпизод.

«Однажды, после официального обеда в Могилеве, императрица взяла под руку Алексева и, гуляя с ним по саду, завела разговор о Распутине. Несколько волнуясь, она горячо убеждала Михаила Васильевича, что он не прав в своих отношениях к Распутину, что «старец – чудный и святой человек», что на него клеветают, что он горячо привязан к их семье, а главное, что его посещение Ставки принесет счастье.

Алексеев сухо ответил, что для него этот вопрос – давно решенный. И что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба.

– Это ваше окончательное решение?

– Да, несомненно.

Императрица резко оборвала разговор и ушла, не простившись с Алексеевым.

Этот разговор, по словам Михаила Васильевича, повлиял на ухудшение отношения к нему государя. Вопреки установившемуся мнению, отношения эти, по внешним проявлениям не оставлявшие желать ничего лучшего, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительного доверия... Но в вопросах управления армией, – свидетельствует Деникин, – государь всецело доверялся Алексееву».

Вернемся, однако, к делам на фронте. К исходу сентября 1913 года, то есть месяц спустя после смены военного руководства, тысячатрехсоткилометровый Восточно-Европейский фронт стабилизировался по линии Рига – Двинск – Пинск – Черновицы. Были оставлены Польша, часть Литвы, Галиция. Враг хотя и углубился в пределы России, был истощен. Попытка генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга пробить брешь и вывести в ходе Свенцянского прорыва в тыл русской армии большую массу конницы не привела к успеху. На юге Юго-Западный фронт внезапным ударом разгромил 4-ю австрийскую армию под Луцком.

Обозревая восточный театр военных действий в последние дни уходящей осени 1915 года, командующий германскими войсками с глубоким разочарованием писал: «Русские вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении». Начальник германского генерального штаба генерал от инфантерии Эрих фон Фалькенхайн, оценивая обстановку того времени, мрачно констатировал: «Выполненные операции не достигли вполне своей цели». «В истории этой войны, – подчеркнул лорд Китченер, выступая 15 сентября в английском парламенте, – будет мало столь выдающихся эпизодов, как искусное отступление русских на очень широком фронте во время постоянного бешеного натиска врага, который далеко превосходил не только в числе, но, главным образом, в артиллерии и боеприпасах. В результате мы видим русскую армию еще вполне боеспособной».

Подводя итоги военных действий осенью 1915 года, начальник штаба Верховного главнокомандующего Ставки генерал от инфантерии Алексеев особо подчеркивал мысль о том, что Восточно-Европейский фронт, сковав основные силы германского блока, стал главным фронтом Первой мировой войны: к концу года здесь против России действовало уже 140 дивизий противника, тогда как против ее союзников – 90. «Таким образом, кампания 1915 года не выявила решающего перевеса ни одной из воюющих коалиций», – отмечалось в его докладе правительству.

Тем не менее, военно-политическое положение Германии ухудшилось. Ее стратегический план совместно с Австро-Венгрией вывести из войны Россию полностью провалился. При сравнительно ограниченных экономических и людских ресурсах блоку центральных держав трудно было рассчитывать на успех в последующих военных действиях.

Вторая половина ноября 1915 года. В Ставке под руководством генерала Алексеева завершается разработка проекта плана совместных с союзниками действий на последующую кампанию. В кабинете начальника штаба только что закончилось очередное совещание. На массивных столах разложены различного рода справки, расчеты, предложения генерал-квартирмейстера, начальников родов войск и служб. На стене огромная карта Европы.

Задумавшись, Михаил Васильевич представил себя в роли воздушного наблюдателя, проносящегося над материком. Открывалась весьма необычная картина. Черная извилистая линия широкой дугой охватывала почти весь Европейский континент, упираясь своими концами в северные моря. Начиналась она у северного побережья Франции, подходила к границе Швейцарии, исчезая под горными массивами Швейцарских Альп, вновь появлялась у их южного подножия и, опоясав Аппенинский полуостров по границе Италии с Австро-Венгрией, поворачивалась к берегам Адриатики. Здесь линия перекидывалась на Балканский полуостров, подходя к Черному морю, затем уходя по огромному пространству России к берегам Балтики. Линия эта представляла позиционный фронт Центральных держав и стран Антанты: 500–800 метров «ничейной земли», густая сеть проволочных заграждений по обе ее стороны, позади которых лабиринт окопов, траншей, ходов сообщений, убежищ, блиндажей, бетонированных покрытий – почти сплошная цепь укрепленных позиций. «Да такого еще не было в военной истории», – невольно подумал Михаил Васильевич, словно вострепнувшись от глубокого сна. И снова в голове мысли о плане, теперь под углом зрения анализа положения воюющих сторон.

Страны Центрального блока, затратив огромные усилия, понеся невосполнимые потери, так и не смогли в 1915 году достичь поставленных целей. Правда, германская армия находилась в ста километрах от Парижа. Ею были оккупированы Бельгия, промышленные департаменты Франции.

Ей удалось захватить Сербию, Польшу, часть Литвы, Латвии и Белоруссии. Несколько упрочила свое положение Австро-Венгрия, довольно успешно отбиваясь от итальянских войск.

Вступила в войну Болгария с ее почти 500-тысячной армией. Стабилизировалось положение в Месопотамии и Сирии.

В более выгодном положении, как считал Алексеев, находились страны Антанты. Период затишья на Западном фронте в уходящем году Англия и Франция использовали для наращивания своего военно-экономического потенциала. По имевшимся в штабе Ставки данным, в этих странах было значительно увеличено производство вооружения и боеприпасов. Создавались новые образцы боевой техники.

Изменилось и соотношение сил воюющих сторон: 236 дивизиям блока Центральных держав противостояло 360 дивизий стран Антанты.

Оценивая возможности воюющих сторон, а также обстановку, сложившуюся на театрах военных действий, начальник штаба Верховного главнокомандующего считал, что вероятнее всего руководство Центральных держав основные усилия в кампании 1916 года сосредоточит на Западном фронте против Франции, нанося главный удар в районе Вердена. Дело в том, что успешный прорыв на этом участке создавал угрозу всему северному крылу армий союзников. Не исключал, а предполагал генерал Алексеев и активные действия стран германского блока на Итальянском театре силами австро-венгерских войск, а также проведение частных наступательных операций против русских армий. На основе всего этого, по мнению Михаила Васильевича, следовал главный вывод – для разгрома Германии и ее союзников необходимы согласованные по месту и времени действия вооруженных сил России, Англии и Франции. Эта идея и закладывалась им в основу проекта плана, предлагаемого союзному командованию.

Какая же роль, по мнению генерала Алексеева, отводилась в кампании 1916 года русской армии? Россия, по оценке штаба Верховного главнокомандующего, к весне 1916 года могла достичь некоторых успехов в развертывании военной промышленности, что позволит несколько повысить боевую мощь армии и флота. Однако своими силами вопрос обеспечения вооруженных сил всем необходимым она не решит. Нужна была помощь союзников. Именно поэтому тщательно готовилась к отправке русская военная миссия во главе с адмиралом А. И. Рузиным, буквально на днях покинувшая Ставку. Она имела задачу разместить в Англии и Франции крупные военные заказы.

В справке, подписанной генералом Алексеевым, в качестве товаров первой необходимости значились порох, толуол, колючая проволока, трактора, автомобили, мотоциклы. В ней Михаил Васильевич подчеркивал, «что отечественное производство не может дать нам не только орудий, но даже снарядов в достаточном количестве для выполнения хотя бы одной наступательной операции продолжительностью двадцать-двадцать пять суток. Попытка же приобрести в Англии тяжелые орудия, преимущественно шестидюймовых калибров, столь необходимых нам для борьбы с противником, укрывшимся в блиндажах, потерпела полную неудачу».

Военно-экономические проблемы, как и вопросы восстановления боеспособности армии (в сентябре – октябре удалось восполнить лишь 30 процентов понесенных потерь), в значительной степени предопределили замысел Ставки на предстоящую кампанию. В последнем варианте плана, направляемого в Шантильи, где планировалось провести конференцию представителей стран Антанты, предполагалось осуществить одновременное наступление силами русской армии в Галиции, англо-французской – с Салоникского плацдарма и итальянской – из района Изонцо в направлении на Будапешт, что позволило бы, по мнению русского командования, вывести из войны двух участников блока – Болгарию и Австро-Венгрию, ускорить переход на сторону Антанты Греции и Румынии, приступить к постепенному сжиманию фронта вокруг Германии.

Предполагалось также нанести удар на Мосуд силами русской Кавказской армии и английских войск с целью разгрома основных сил турецкой армии, надежного обеспечения Суэца и Индии от диверсий османских войск.

23 ноября (6 декабря) 1915 года состоялось первое заседание межсоюзнической конференции. Россию представлял генерал от кавалерии Яков Григорьевич Жилинский. Под его началом Алексеев служил в 1913 году, когда тот возглавлял войска Варшавского военного округа. С начала мировой войны генерал Жилинский встал во главе войск Северо-Западного фронта, но в начале сентября был смещен с этого поста за неудачное проведение Восточно-Прусской операции. Вскоре он был назначен представителем русского Верховного командования в Союзном совете в Париже.

Ознакомив присутствующих с проектом плана Ставки, генерал Жилинский подчеркнул две основные заложенные в нем мысли. Первая – наступление союзных армий необходимо провести одновременно на Западном и Восточном фронтах.

Суть второй мысли сводилась к тому, что, если одна из союзных армий будет атакована противником, другие армии, даже при неполной их готовности, должны немедленно перейти в наступление, чтобы не допустить ее поражения.

Высказанные положения встретили, по словам Жилинского, «сильнейшие противодействия». Французский представитель генерал Жозеф Жак Сезор Жоффр, главнокомандующий французской армии, заявил, в частности, что подготовка наступления на западноевропейском театре «потребует длительного времени и потому установить единый срок начала операций всех союзных армий невозможно». С ним согласился представитель Италии генерал Порро, добавив, что «армия его страны к весне 1916 года вообще не сможет быть готовой к ведению активных действий».

«Это, пожалуй, и неважно: рассчитывать на Италию, как на деятельный фактор на войне, нельзя, – писал, оценивая выступления союзников, Жилинский Алексееву. – Главное дело в другом, а именно в том, что в самом Жоффре я подметил желание, чтобы будущей весной Россия первая начала наступление, и я боюсь, чтобы он не стал затем выжидать, чтобы он не растянул промежутка между началом наступления нашей и французской армий. Предлогов для оттяжки всегда, как вы понимаете, можно найти много».

Конференция, на итоговом заседании которой присутствовали французский маршал Френч, английские генералы Робертсон и Морре, генерал Жилинский, бельгийский генерал Вилеманс, итальянский генерал Порро, сербский полковник Стефанович, признала необходимым начать подготовку к согласованному наступлению союзных армий на трех главных театрах – французском, русском и итальянском. До начала решающего наступления рекомендовалось «интенсивно проводить истощение сил противника теми союзными державами, которые еще располагают людскими ресурсами». Присутствующие все же договорились и о том, что если одна из союзных армий подвергнется нападению, то остальные окажут ей всестороннюю помощь. Балканский театр признавался второстепенным. Союзный корпус на Галлиполийском полуострове подлежал скорой эвакуации. В Салониках англо-французские войска решено было оставить.

Существенные коррективы в первоначальный план Антанты внес переход в наступление германской армии под Верденом. Оно началось утром 8 (21) февраля, в день, когда генерал Алексеев наметил совещание руководящих лиц Ставки для обсуждения подготовленного штабом плана действий русских Вооруженных сил летом 1916 года.

На следующее утро поступила информация, что немцы пытаются овладеть крепостью ускоренной атакой. Им удалось уже вклиниться в оборону французов на пять-шесть километров. Спустя сутки стало известно, что австро-венгерские войска перешли в наступление против итальянцев в районе Трентино. Союзники вновь оказались в трудном положении. 19 февраля начальник французской военной миссии в России генерал П. По направил генералу Алексееву пространное письмо.

В нем он изложил мнение генерала Жоффра относительно роли России в сложившейся ситуации, французское командование полагало, что наступление на Верден является началом решительных операций противника на их фронте, поэтому нужно было, по его мнению, чтобы союзники активными действиями на своих фронтах сковали силы неприятеля, лишили его свободы маневрирования.

Особое внимание привлекалось к русскому фронту. В телеграмме Жоффра, которую приводил в письме генерал По, говорилось: «В предвидении развития вполне вероятных германских операций на нашем фронте и на основании постановлений, принятых в Шантильи, я прошу, чтобы русская армия безотлагательно приступила к подготовке наступления, предусмотренного этим совещанием».

Содержание письма генерал Алексеев довел до Верховного главнокомандующего, только что прибывшего в Могилев из Царского Села. – Нужно помочь французам, – последовало решение государя. Тогда Михаил Васильевич изложил Верховному замысел действий двух фронтов – Западного и Северного – на нарочском направлении, на что получил полное одобрение.

24 февраля в Ставке состоялось совещание по оперативным вопросам. По докладу Михаила Васильевича было принято решение «частью сил русского фронта перейти в наступление, собрав в точке удара возможно больше сил». Спустя сутки генерал Алексеев подписал директиву, в которой потребовал от командующих войсками Северного и Западного фронтов закончить подготовку к наступлению не позже 5 марта. Задачей войск в операции ставился разгром противостоящей группировки противника и выход на рубеж Митава, Вилькомир, Вильно, Делятичи. Главный удар войск Северного фронта предлагалось нанести

из района севернее Двинска на Поневеж, Западного фронта – севернее и южнее озера Нарочь на Свенцяны. Предусматривалось, что вспомогательные удары нанесут соединения 12-й, 1-й и 10-й армий. Всего к наступлению, по расчетам штаба Ставки, привлекались четыре корпуса Северного и восемь корпусов Западного фронтов, более 600 тысяч человек. Им противостояла 10-я германская армия, насчитывавшая более 500 тысяч солдат и офицеров.

Наступление началось на Западном фронте 5 марта. На следующий день, как и предусматривалось замыслом генерала Алексеева, противника атаковали объединения Северного фронта. Ожесточенные атаки русских войск с трудом сдерживались немцами, потери которых превысили 30 тысяч. И хотя глубина продвижения русских войск составила всего пять-девять километров, сражение, развернувшееся в районе Двинска, озера Нарочь, оказало существенное влияние на ход боевых действий союзников во Франции.

Проведенная операция не только сковала полумиллионную группировку германских войск на востоке, но и вынудила немецкое командование на две недели прекратить атаки на Верден, перебросить часть своих резервов (свыше четырех дивизий) на восток. «Последнее русское наступление, – отмечал генерал Жоффр в письме Алексееву, – заставило немцев, располагающих лишь незначительными общими резервами, ввести в дело все эти резервы и, кроме того, притянуть этапные войска, перебросить целые дивизии, снятые с других участков».

Тем временем в Ставке завершалась разработка оперативного плана весенне-летней кампании. В него Михаил Васильевич вкладывал душу, опыт и профессиональные знания, не жалея, как отмечали сослуживцы, ни сил, ни времени.

В основу плана закладывался расчет по соотношению сил и средств, сложившийся на Восточно-Европейском театре военных действий. Со стороны России там действовало три фронта: Северный, Западный и Юго-Западный. Северный фронт, которым командовал А. Н. Куропаткин, прикрывал петроградское направление. Он состоял из 12-й, 5-й и 6-й армий. Штаб фронта располагался в Пскове. Его войскам противостояли 8-я германская армия и часть сил армейской группы под командованием генерала Н. Шольца. Западный фронт во главе с генералом А. Е. Эвертом (штаб находился в Минске) прикрывал московское направление. В него входили 1, 2, 10-я и 3-я армии. В полосе фронта вели боевые действия соединения армейских групп, которые возглавляли генералы Н. Шольц и А. Линзинген, а также 1-й, 12-й и 9-й армий. Юго-Западный фронт под командованием генерала А. А. Брусилова имел в своем составе 8-ю, 11-ю, 7-ю и 9-ю армии. Они прикрывали направление на Киев. Против этих войск действовали армейские группы генералов Линзингена и Э. Бем-Эрмоли, Южная армия и 7-я армия. Штаб фронта размещался в Бердичеве.

Основные мысли плана генерал Алексеев изложил в докладе Николаю II, представленном на утверждение 22 марта. По подсчетам штаба Верховного главнокомандующего, соотношение сил складывалось в пользу русской армии. Северный и Западный фронты имели 1200 тысяч штыков и сабель, в то время как у немцев их было несколько более 620 тысяч. Юго-Западный фронт располагал 512 тысячами личного состава, австро-венгры – несколько более 440 тысячами. Общий перевес русских, следовательно, выражался почти в 700 тысяч человек. Наибольшим он был на участке севернее Полесья, где русские имели двойное превосходство, наименьшим – в полосе Юго-Западного фронта.

Изучение плана операции.

Исходя из такого соотношения сил, делал вывод Алексеев, наступление с решительными целями, не осуществляя перегруппировок, можно предпринимать лишь войсками Северного и Западного фронтов. Не исключал он активных действий и войск Юго-Западного фронта при условии проведения Ставкой дополнительных мероприятий по усилению его резервами, а также по оперативно-стратегической маскировке, в том числе скрытию и введению противника в заблуждение.

В итоге Михаил Васильевич предлагал в качестве основного рассматривать вариант нанесения ударов в полосе Двинск, Молодечно. Юго-Западный фронт, по его оценке, должен быть готов нанести удар из района Ровно после того, как успешно развернется наступление севернее Полесья.

Спустя сутки, докладывая Верховному главнокомандующему обоснования сделанных в докладе выводов, генерал Алексеев постарался более убедительно раскрыть главную мысль – о необходимости взять в свои руки стратегическую инициативу.

«Возникает основной вопрос, – говорил он, гуляя в саду с императором, – как решать предстоящую нам в мае месяце задачу: отдать ли инициативу действий противнику, ожидая его натиска и готовиться к обороне, или наоборот, – упредив неприятеля началом наступления, заставить его сообразовываться с нашей волей и разрушить его планы действий.

Второй вопрос, который поднял он в беседе с Верховным главнокомандующим, – о выполнении военных заказов промышленностью России, об ответственности за решение военно-экономических проблем Совета министров.

Однако как только разговор отошел от чисто военных аспектов, Михаил Васильевич встретил хорошо уже ему знакомый непроницаемый взгляд императора и сухой лаконичный ответ:

– Я это знаю...

1 (14) апреля в Могилеве состоялось совещание военных руководителей. На него прибыли командующие, начальники штабов фронтов, военный министр Д. С. Шуваев, поле-

вой генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, начальник морского штаба Верховного главнокомандующего адмирал А. Л. Русин. Присутствовали на нем генерал Алексеев и генерал-квартирмейстер штаба генерал М. С. Пустовойтенко. Председательствовал Верховный главнокомандующий. Правда, как вспоминал А. А. Брусилов, он «прениями не руководил, эти обязанности исполнял Алексеев. Царь же все время сидел молча, не высказывая никаких мнений, по предложению Алексеева своим авторитетом утверждал то, что решалось... а также одобрял те выводы, которые делал Алексеев».

На совещании удалось выработать общую точку зрения по вопросу о плане кампании на русском фронте. Михаил Васильевич был удовлетворен его итогами.

На следующий день он приступил к разработке директивы, в которой излагался замысел предстоящих военных действий. Предусматривался переход в наступление всех трех фронтов. Главный удар должны были наносить войска Западного фронта из района Молодечно в направлении Ошмяны, Вильно. Северному фронту ставилась задача наступать из района Двинска на юго-запад, а Юго-Западному – на Луцк. Нетрудно заметить его существенное отличие от первоначального плана предполагаемых действий войск: вместо двух почти равноценных ударов силами Северного и Западного фронтов наносился один, более мощный. В этом, по мнению Алексеева, в наилучшей степени выражался важнейший принцип военного искусства – массирования сил и средств. С целью его более полной реализации несколько изменилась и задача Юго-Западного фронта – подготовки наступления на широком фронте с сосредоточением усилий на Луцк, тем самым содействовать войскам Западного фронта.

Планировалось, следовательно, масштабное стратегическое наступление с решительными целями. Характерно, однако, что армиям ставилась задача «прорвать оборону противника и нанести ему максимальные потери», способы же развития прорыва в директиве не указывались.

Такой подход не был случайным. Дело в том, что, как справедливо считал генерал Алексеев, после преодоления первой полосы вражеской обороны должна быть подготовлена и осуществлена новая наступательная операция по прорыву второй полосы. Это соответствовало господствовавшим тогда взглядам на ведение наступления. В последующие дни были уточнены сроки намеченных операций. Англичане уведомили русскую Ставку, что они полностью завершат подготовку своей армии лишь в июне. Не могла, как мыслил Алексеев, быть готова к наступлению ранее англичан и французская армия, поскольку ей приходилось еще отбивать атаки немцев под Верденом. Да и русской армии требовалось немало времени для решения задач восполнения потерь и материального обеспечения, особенно боеприпасами. Поэтому Михаил Васильевич и рекомендовал Николаю II намеченное на первые числа мая наступление отложить до конца месяца.

Верховный главнокомандующий с ним согласился. О принятых решениях генерал Алексеев информировал представителя французского командования. «Генерал Жилинский, – писал он, – сообщил мне желание генерала Жоффра отложить начало наступления французской армии. Наша собственная подготовка требует отсрочки атаки до конца мая, так как в силу некоторых условий перегруппировка войск для ведения намеченной операции совершается медленно. Кроме того, нужно хотя бы немного накопить мортирных и тяжелых снарядов, увеличить те бедные запасы, которыми мы ныне располагаем. Желательно, – подчеркивал Алексеев, – когда обстоятельства позволят союзникам, окончательно разрешить вопрос о времени наступления, четко установить определенное согласование действий... Необходимо также, чтобы общая мысль связала операции на русском, французском и итальянском фронтах».

Начальник штаба Верховного главнокомандующего не исключал, однако, возможность активных действий противника уже летом 1916 года. Учитывая это, 11 апреля Ставка отдала

распоряжения командующим войсками всех трех фронтов с целью упреждения противника в действиях, быть готовыми к переходу в наступление и ранее намеченного срока. В директиве подчеркивалось, что «подготовку к операции необходимо закончить в начале мая, главным образом в техническом отношении, в смысле накопления боевых средств и продовольствия, их эшелонирования, ремонта дорог, а также в отношении сближения с противником отрывом окопов, по возможности, на всем фронте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.